

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER TWO

MARCH – APRIL

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2022

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 2

МАРТ – АПРЕЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачёв**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**;

д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., доц. **Л.В. Коровин**;

д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**;

д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т);

БЁМИГ Михаэла (Michaela Bohmig), PhD, профессор (Италия, Неаполитанский ун-т);

БЕНТЦИНГЕР Рудольф (Rudolf Bentzinger), PhD, профессор, академик (Германия, Берлин-Бранденбургская академия наук);

ВЕРЛИНСКИЙ Александр Леонардович, д.ф.н., профессор (Россия, СПбГУ);

ВОЛЬФ Юрген (Jurgen Wolf), PhD, профессор (Германия, Марбургский ун-т);

ДЕЛАНДШИР Кристл (Christ'l De Landsheer), PhD, профессор (Бельгия, Антверпенский ун-т);

ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН);

ДЕЙЧКОРНБЛАТТ Джудит (Judith Deutsch Kornblatt), PhD, профессор (США, ун-т Висконсин);

ДЫБО Анна Владимировна, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, ИЯ РАН);

ЗАБОТКИНА Вера Ивановна, д.ф.н., профессор (Россия, РГГУ);

ЗОЛОТОВА Татьяна Аркадьевна, д.ф.н., профессор (Россия, Марийский гос. ун-т);

ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т);

ЙОВАНОВИЧ Томислав (Томислав Јовановић), PhD, профессор (Сербия, Белградский ун-т);

ЛАШРЕ-ДЮЖУР Анн (Anne Lacheret-Dujour), PhD, профессор (Франция, ун-т Западный Париж – Нантер);

ЛЕЙТИ Марли Куадрус (Marli Quadros Leite), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу);

МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна, д.ф.н., профессор (Россия, Иркутский гос. ун-т);

МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Биљана Мирчевска-Бошева / Biljana Mirčevska-Boševa / Biljana Mirchevska-Boševa), PhD, профессор (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Мефодия);

МОТТИРОНИ Эжени (Eugénie Mottironi), PhD, профессор (Швейцария, Женевский ун-т);

МУСТАЙОКИ Арто (Arto Samuel Mustajoki), PhD, профессор (Финляндия, Хельсинский ун-т);

НЕМЕЦ-ИГНАШЕВА Диана Осиповна (Diane O. Nemes-Ignashev), PhD, профессор (США, Карлтон Колледж);

НЕССЕЛЬРАТ Хайнц-Гюнтер (Heinz-Günther Nesselrath), PhD, профессор, академик (Германия, Геттингенский ун-т);

НИВА Жорж (Georges Nivat), PhD, профессор (Франция, Европейская академия);

КАВАЛЬЕРЕ Арлете Орландо (Arlete Orlando Cavaliere), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу);

ПАЛМЕР Найджел Фентон (Nigel Fenton Palmer), PhD, профессор (Великобритания, Оксфордский ун-т);

ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор (Россия, ИМЛИ РАН);

РАСКИНИ Элиза (Elisa Raschini), PhD, профессор (Франция, Эколь Нормаль);

РОБЕРТС Джейн (Jane Roberts), PhD, профессор (Великобритания, ун-т Лондона);

САРАНЦАЦРАЛ Цэрэнчимэдийн (TSэрэнчимэдийн Sarantsatsral), д.ф.н., профессор (Монголия, Монгольский гос. ун-т);

УХЛИК Младен (Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ

<i>Дьяченко Е.В., Князев С.В.</i> О качестве предупредного гласного в русских говорах с задонским яканьем	9
<i>Макеева И.И.</i> История семантики русских эмотивных глаголов <i>восторгаться, восхититься, возмутиться, изумиться</i>	25
<i>Ключенович С.С.</i> Неполное поглощение словосочетания при универбации в современном немецком языке	40
<i>Шурхаленко А.Д.</i> Способы выражения начала действия в русских летописях XV–XVI вв.	51
<i>Хадыева Т.В.</i> Об одной особенности унификации твердого и мягкого вариантов в *а-склонении имен существительных (на материале деловых памятников Северо-Восточной Руси и Рязанского края)	60
<i>Smolonenkova V.</i> Stylistic reflexes and text decoding	69
<i>Толмачев В.М.</i> Парадоксы романтического искания Абсолюта и «Неведомый шедевр» О. де Бальзака. Часть 2	80
<i>Кротова Д.В.</i> Символика света в поэзии В. Шаламова	98
<i>Зупник Н.А.</i> Бодлер как Некрасов: к истории первых русских переводов из «Цветов зла»	108

УДИВЛЕНИЕ ОТ ТЕКСТА

<i>Peer W. van.</i> Some Progress in Literary Studies: ‘Ostranenie’ and Beyond	117
<i>Чернейко Л.О.</i> Острые вопросы вокруг <i>остран(н)ения</i>	128
<i>Венедиктова Т.Д.</i> Остранение в составе эстетического опыта: к прагматике литературного стиля	140
<i>Корчинский А.В.</i> Шок и рутина как модусы реалистического письма: к исторической нарратологии русского классического романа	151
<i>Самостиенко Е.В.</i> Гиперестезия как остранение: рефлексивность и (микро)воображение в русской поэзии XIX–XX вв.	163

ОБЗОР

<i>Большина А.С.</i> Методы автоматического формирования семантически размеченных корпусов	173
--	-----

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Кононова У.В.</i> Лирика М.Е. Салтыкова как предвосхищение его прозы	184
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Ситыко Ю.Л.</i> Дымарский М. Я. Коммуникативная функция и предикативные структуры. Очерки по теории синтаксиса: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021	193
<i>Зыкова Г.В.</i> Красикова А. Поэма И. Сельвинского «Уляляевщина». История текста. СПб.: Нестор-История, 2021	197
<i>Полосина Н.К.</i> Бейт Дж. Уордсворт-радикал. Поэт, изменивший мир. L.; New Haven: Yale University Press, 2020	201

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ремнёва М.Л., Белавина Е.М.</i> Ломоносовские чтения-2021 на филологическом факультете Московского университета	206
<i>Красильникова Л.В., Евтихьева А.С.</i> Отчет о юбилейной конференции РКИ	219
<i>Чиждова Л.А.</i> Международная конференция «Наследие трудов Ю.В. Рождественского в XXI веке — к 95-летию со дня рождения Юрия Владимировича (1926–1999)»	224
<i>Солопов А.И.</i> Всероссийская научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры — XIV. Научные чтения, посвященные памяти профессора Дмитрия Евгеньевича Афиногенова (28.08.1965–28.08.2021)»	230

ЮБИЛЕИ

<i>Мещеряков С.Н.</i> Алла Геннадьевна Шешкен	235
<i>Комарова К.И.</i> Ольга Сергеевна Плотникова	238

CONTENTS

ARTICLES

- Dyachenko E., Knyazev S.* On the quality of the prestressed vowel in Russian dialects with *Zadonsk yakanye* 9
- Makeeva I.* Historical semantics of the Russian verb 25
- Klyuchonovich S.* Partial absorption of a word combination during univerbation in modern German 40
- Shurkhalenko A.* Ways of expressing the beginning of action in the Russian Chronicles of the 15th–16th centuries 51
- Khadyeva T.* On a characteristic of the unification of hard-stem and soft-stem nouns in **ā*/**jā*-declension (a study of business documents of Northeastern Rus' and Ryazan Region) 60
- Smolenenkova V.* Stylistic reflexes and text decoding 69
- Tolmatchoff V.* Paradoxes of the Romantic search for the Absolute and Balzac's *Le Chef-d'Œuvre Inconnu*. Part 2 80
- Krotova D.* Symbolism of light in V. Shalamov's poetry 98
- Zupnik N.* Baudelaire as Nekrasov: to the history of the first Russian translations from *The Flowers of Evil* 108

How Texts Surprise

- Peer W. van.* Some progress in literary studies: 'Ostranenie' and beyond . . 117
- Cherneyko L.* Urgent issues around Ostranenie 128
- Venediktova T.* Ostraneniye in aesthetic experience: towards the pragmatics of literary style 140
- Korchinsky A.* Shock and routine as modes of realist writing: towards a historical narratology of the Russian classical novel 151
- Samostienko E.* Hyperesthesia as defamiliarisation: reflexivity and (micro) imagination in Russian poetry of the 19th–20th centuries 163

OVERVIEW

- Bolshina A.* On the methods of automatic creation of semantically annotated collections 173

SUBMISSIONS AND REPORTS

<i>Kononova U. M.</i> Saltykov's poetry as an anticipation of N. Shchedrin's prose (reviewed by Makeev, Fedotov, Korovin)	184
---	-----

REVIEWS

<i>Sitko Yu. D y m a r s k y M. Ya.</i> Communicative function and predicative structures. Essays on syntax theory: monograph. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 2021	193
<i>Zykova G. K r a s n i k o v a A.</i> Ilya Selvinsky's poem <i>The Lay of Ulyalaev</i> . History of the text. St. Petersburg, Nestor-Istoria, 2021	197
<i>Polosina N. B a t e J.</i> Radical Wordsworth. The Poet Who Changed the World. London; New Haven: Yale University Press, 2020	201

ACADEMIC LIFE

<i>Remneva M.L., Belavina E.M.</i> The 2021 Lomonosov Readings at Moscow University's Faculty of Philology	206
<i>Krasilnikova L., Evtihieva A.</i> Report on the conference held to mark the anniversary of teaching Russian as a foreign language	219
<i>Chizhova L.</i> International conference: The heritage of Yu. Rozhdestvensky's works in the 21 st century. To Yuri Rozhdestvensky's 95 th anniversary	224
<i>Solopov A.</i> All-Russian scientific conference 'Classics in the context of the world culture XIV. In memoriam Professor D.Afinogenov (28.08.1965–28.08.2021)'	230

ANNIVERSARIES

<i>Meshcheryakov S.</i> Alla Sheshken	235
<i>Komarova K.</i> Olga Plotnikova	238

СТАТЬИ

О КАЧЕСТВЕ ПРЕДУДАРНОГО ГЛАСНОГО В РУССКИХ ГОВОРАХ С ЗАДОНСКИМ ЯКАНЬЕМ

С.В. Дьяченко, С.В. Князев

Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук, Москва, Россия, svet-lan-a@list.ru; svknia@gmail.com

Аннотация: В статье представлены результаты экспериментального исследования формантной структуры гласного «не-а» первого предударного слога в сопоставлении с ударным гласным [e] в позиции между мягкими согласными в южнорусском говоре с задонским яканьем, а также гласного [e] первого предударного слога в окающих среднерусском и севернорусском говорах и второго предударного гласного [ь] в литературном языке в сопоставлении с ударным гласным [e] в той же позиции с целью определения того, к какому классу гласных относится гласный «не-а» при задонском яканье. Полученные на материале анализа 1051 гласного данные свидетельствуют о том, что «не-а» первого предударного слога в говоре с задонским яканьем по своим качественным характеристикам приближается к классу ненапряженных (редуцированных) гласных передне-среднего ряда верхне-среднего подъема, т. е. [ь], а не [e], как он традиционно характеризуется в диалектологической литературе. На основании этих данных высказывается предположение, что задонское яканье является более древней (исходной) разновидностью архаического яканья, нежели обоянское с гласным [и] в качестве «не-а», являющимся развитием исходного краткого редуцированного [ь].

Ключевые слова: русский язык; фонетика; диалектология; задонское яканье; безударные гласные

Для цитирования: Дьяченко С.В., Князев С.В. О качестве предударного гласного в говоре с задонским яканьем // Вестн. Моск.ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 9–24.

ON THE QUALITY OF THE PRESTRESSED VOWEL IN RUSSIAN DIALECTS WITH ZADONSK YAKANYE

Svetlana Dyachenko, Sergey Knyazev

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, svet-lan-a@list.ru; svknia@gmail.com

Abstract: The paper discusses one of the unresolved issues of Russian dialectology — the quality of the “non-a” prestressed vowel in a dialect with *zadonsk yakanye*. Based on an experimental study of the formant structure of 1051 tokens,

including 1) “non-a” first prestressed vowels in a South Russian dialect with *zadonsk yakanye*, 2) first prestressed [e] vowels in a North Russian dialect with complete *okanye*, 3) first prestressed [e] vowels in a Middle Russian dialect with noncomplete *okanye*, 4) second prestressed [ə] vowels in Standard Modern Russian as compared with stressed [e] vowels within the same idioms in the phonetic context of two palatalized consonants, we have found that the “non-a” first prestressed vowel in a South Russian dialect differs a lot from the corresponding [e] segments in North and Middle Russian idioms being much less front and less close, while at the same time it shows much more similarity with near-front close-mid reduced [ə] sound of the second prestressed syllable in Standard Modern Russian. Thus, we argue that *zadonsk yakanye* nowadays represents the initial system of *archaic* dissimilative *yakanye*, the earlier one than that of *oboyansk yakanye*.

Key words: Russian; phonetics; dialectology; *zadonsk yakanye*; unstressed vowels

For citation: Dyachenko S.V., Knyazev S.V. (2022) On the quality of the prestressed vowel in Russian dialects with *zadonsk yakanye*. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 9–24.

Вопрос о механизме возникновения аканья (и его разновидности после мягких согласных — яканья) в русском языке остается дискуссионным. На сегодняшний день существует целый ряд теорий его происхождения (см., например, обзор в [Князев, 2006: 142–156]). В соответствии с одной из них основной причиной возникновения аканья/яканья явилась редукция безударных гласных неверхнего подъема до степени [ɤ] и [ɨ]¹ [Шахматов, 1915: 332]². При диссимилятивном аканье произошло расподобление гласных ударного и первого предударного слогов по длительности: перед долгими ударными (например, в архаическом типе перед [a], [e], [o]) стали произноситься краткие (редуцированные), а перед краткими ([и], [ы], [у], [ê], [ô]) — долгий [a] [Брок, 1916: 57–59]³. В дальнейшем, в ходе формирования просодического ядра фонетического слова в большинстве диссимилятивно якающих говоров на месте исходного [ɨ] перед долгими ударными гласными стал произноситься [и] — самый краткий из гласных полного образования. Достаточно необычным исключением в этом отношении являются говоры с архаическим типом диссимилятивного яканья, который принято называть *задонским*: в нем в качестве «краткого» предударного фиксируется не [и], а гласный, который в транскрипции обозначается обычно знаком [e] [Аванесов, 1949: 98].

¹ А.А. Шахматов использует для обозначения редуцированных гласных символы *α* (для гласного, в современной транскрипции обозначаемого знаком [ɤ]) и *ε* (для [ɨ]).

² Иную точку зрения см., например, в [Касаткин, 2010].

³ Подробнее см. [Князев, 2000].

Первоначально в русских говорах было открыто и описано обоянское яканье. Это сделал Л.Л. Васильев, который проанализировал материалы, собранные этнографом (и учителем Обоянского приходского училища) А.С. Машкиным в Обоянском уезде Курской губернии в середине XIX в. (песни, пословицы, загадки, образцы разговоров, сказки, рассказы, анекдоты и т. д.), в статье [Васильев, 1904: 336–355]. Затем, спустя примерно 10 лет, были собраны и опубликованы материалы В.И. Тростянского из Задонского и Землянского уездов Воронежской губ. (песни и духовные стихи) [Тростянский, 1916а; 1916б; 1916в]. Эти материалы проанализировал Н.Н. Дурново в работе [Дурново, 1917а]. В разделе «Обоянский тип» он распределил все примеры из материалов В.И. Тростянского по позициям [там же: 40–54] и дополнил их данными из собственных записей, сделанных в 18 км от Задонска; в этих его личных материалах тоже фиксируется [е] перед ударными *а*, *о*, *е* (с двумя исключениями: *расьсветая*, *спикеть*) [там же: 54]. Н.Н. Дурново приводит также некоторые поправки к статье Л.Л. Васильева, который анализировал печатное издание материалов А.С. Машкина, по рукописям, хранившимся в архиве Географического общества и в рукописном отделе Академии наук, в том числе неопубликованным. В результате оказалось, что примеры-исключения в статье Л.Л. Васильева, не соответствующие системе обоянского типа, почти все представляют собой описки или опечатки [там же: 54–70]. В этой работе Н.Н. Дурново рассматривает все материалы вместе и отмечает, что и в задонском, и в обоянском говорах наблюдается один и тот же тип яканья — обоянский. Однако в [Дурново, 1917б], где речь идет о происхождении типов диссимилятивного яканья, задонский тип уже отделяется от обоянского: «Этот тип, характеризующийся произношением *е* (не *и*) перед слогом с гласными верхнего подъема, а также перед слогом с *о* старым под восходящим ударением и с *ть* в I в. не отделен от яканья Обоянского типа, но теперь я нахожу, что эти 2 типа следует различать» [там же: 38–39, сноска 4].

Р.И. Аванесов выделяет архаический тип диссимилятивного яканья, о котором пишет, что в определенных позициях «в 1-м предударном слоге произносится “не-а”, т. е. *и* или *е*» [Аванесов, 1949: 83], но приводит примеры исключительно с *и*. В зависимости от типа реализации предударного гласного (*и* или *е*) он различает обоянскую и задонскую разновидности архаического типа [Аванесов, 1949: 98], а впоследствии уточняет: «Здесь уместно добавить, что ‘не-а’ может звучать также в целой гамме звуков между [е] и [и], приближающихся в большей или меньшей степени к [е] или [и], например: [e], [e^и], [и^е], [и]» [Аванесов, 1974: 154].

К.Ф. Захарова в работах [Захарова, 1959; 1961], видимо, вслед за Р.И. Аванесовым, использует термин «архаическое» яканье, отмечая, что он является обобщающим названием для обоянского и задонского типов. Однако в своем диссертационном исследовании она употребляет этот термин в несколько ином значении: «Первоначальным типом диссимилятивного яканья следует, видимо, считать архаический тип диссимилятивного яканья, в котором гласным не-а являлся гласный типа ь, параллельный гласному не-а типа ъ после твердых согласных. Этот тип яканья, не сохранившийся в говорах в чистом виде, предстает в обоянском и задонском типах диссимилятивного яканья. Из них первичными типами диссимилятивного яканья не могли быть не только обоянский тип, в системе которого уже заключена возможность развития в нефонетический вид, но и задонский тип диссимилятивного яканья, при котором фонетическая зависимость качества гласного не-а от качества последующего твердого-мягкого согласного (е, ä — перед твердыми согласными и е, и — перед мягкими) частично носит также нефонетический характер, — поскольку и переходит в разряд слабой фонемы и» [Захарова 1970: 14]. Тем самым, под архаическим типом здесь понимается не зафиксированный в современных говорах прототип с редуцированным предударным гласным [ь] в позиции перед ударными гласными нижнего и среднего подъема. В еще более поздней работе К.Ф. Захарова отмечает, что «качество гласного не-а может быть любым звуком переднего ряда ненижнего подъема» [Захарова, 1971: 4].

О. Брок различает следующие гласные в диалектах (велико)русского языка:

«i — ряд передний, положение высокое...

ı (ь, ε) — ряд передний, положение опущенно-высокое до среднего, иногда втянутое образование, типичная артикуляция переднего иррационального гласного;

ê — ряд передний, пол. среднее, обр. закрыто-напряженное;

е — ряд передний, пол. среднее, обр. открыто-ненапряженное;

ä — ряд передний, пол. низкое, ненапряженное;

а — ряд задний, положение среднее» [Брок, 1910: 134].

При этом первые три из них (i, ε, ê) он относит к категории кратких, которые при диссимилятивном яканье произносятся перед долгими ударными (например, [a]), а три последние (ä, 'ä, 'e) — к категории долгих, которые представлены перед ударными краткими (например, [и], [ы], [у]): «Гласные е ѣ о а предударного слога после мягкого звука сначала совпали в каком-то «иррациональном гласном» переднего ряда «ε», а из него развились «ê» перед ², то что ныне имеем в предударном i (ε, ê), а с другой стороны, «ê» перед ³, то что

отражается ныне в 'а, ('ä, 'е). Здесь, как и выше, долготное отношение надо считать основой развития» [Брок, 1916: 59].

Таким образом, исходно гласным «не-а», произносящимся в позиции перед долгими ударными, был редуцированный [ь], который еще в начале XX в. засвидетельствован, по крайней мере, в некоторых говорах русского языка. В дальнейшем стало принято считать, что это гласный типа [e] или некоторый гласный, занимающий промежуточное положение между [и] и [e].

Возможно, в более поздних (по отношению к высшей степени скрупулезным в фонетическом отношении записям О. Брока) работах диалектологов он используется, во-первых, в силу традиции, сформировавшейся на основании публикаций В.И. Тростянского и Н.Н. Дурново (целью которых явно не была максимально точная фиксация реальной фонетической природы гласного «не-а»); во-вторых, вследствие того, что носитель современного литературного языка не привык слышать редуцированный гласный в первом предударном слоге; в-третьих, потому, что различие между [ь] и [e] гораздо менее значительно и намного менее очевидно, чем между, например, гласными [а] и [ъ], противопоставленными при диссимилятивном аканье в первом предударном слоге после твердых согласных.

При этом и с теоретической точки зрения наличие в говорах с диссимилятивным яканьем гласного [e] в функции «не-а» является плохо объяснимым фактом, поскольку этот гласный в отношении его собственной длительности не относится к классу кратких (а занимает промежуточное положение между краткими закрытыми и долгими открытыми гласными).

С учетом изложенного основной целью настоящего исследования была проверка положения о том, что в говорах с задонским яканьем в качестве краткого гласного «не-а» выступает звук [e], а непосредственной задачей — анализ инструментальными методами качества гласного «не-а» первого предударного слога после мягких согласных в говоре с задонским яканьем путем сопоставления его с ударным гласным [e] того же говора, а также с ударными и безударными [e] окающих говоров и редуцированного [ь] современного русского литературного языка.

Дизайн эксперимента

На первом этапе исследования был осуществлен сравнительный анализ формантной структуры гласного «не-а» первого предударного слога в сопоставлении с ударным гласным [e] в позиции между мягкими согласными в южнорусском говоре с задонским яканьем (с. Краснолипые Репьёвского р-на Воронежской обл.): получены

значения первой (F_1) и второй (F_2) формант этих гласных и значение $\Delta F = F_2 - F_1$ (Hz), позволяющее оценить различия между этими гласными в условиях значительной вариативности абсолютных значений F_1 и F_2 у разных информантов.

На втором этапе исследования было произведено сопоставление различий между ударным и предударным гласным в говоре с задонским яканьем и

1) различий между ударным [e] и вторым предударным гласным [ɐ] в позиции между мягкими согласными в современном русском литературном языке (СРЛЯ)⁴;

2) различий между ударным [e] и первым предударным [e] в позиции между мягкими согласными в окающих среднерусском и севернорусском говорах⁵.

Целью этого сопоставления было определение того, к какому классу гласных относится «не-а» первого предударного слога в говоре с задонским яканьем.

Материал

Материалом для исследования служили:

в литературном языке — слова, содержащие ударный гласный и гласный второго предударного слога в положении между мягкими согласными — *сельсовете, зеленеть, веселеть, тысячелетие, впечатление, обледенели, увеличение, перепели, пренебречь, задеревенели, перетереть, вечереть, деревень, перемерили* в составе специально составленных для эксперимента предложений;

в севернорусском и среднерусском говорах — вхождения слова *теперь* с ударным и первым предударным гласными в позиции между мягкими согласными, извлеченные из звуковых записей спонтанных текстов соответствующих диалектных корпусов [Даниэль, Добрушина, фон Вальденфельс, 2013–2018], [Кувшинская, 2020];

в южнорусском говоре — слова с ударным и/или первым предударным гласным в позиции между мягкими согласными, из-

⁴ Литературный язык был выбран в качестве основания для сравнения, т.к. в этом случае имеется возможность обеспечить достаточное количество тестовых примеров и информантов.

⁵ Эти говоры были выбраны, поскольку в них возможно произношение [e] в первом предударном слоге, но ритмическая структура фонетического слова в них не идентична: среднерусские говоры сходны в этом отношении с южнорусскими и СРЛЯ, а севернорусские отличаются от них отсутствием просодического ядра слова.

влеченные из звуковых записей спонтанной речи трёх коренных жительниц с. Краснолипье Репьёвского р-на Воронежской обл.⁶

Информанты

Ради ограничения вариативности формантной структуры исследуемых гласных в качестве информантов выступали только женщины.

Дополнительные требования к информантам-диалектоносителям заключались в том, что 1) они родились не позднее 1941 г., 2) от них могло быть получено достаточное количество (не менее 20) примеров для анализа. Для информантов — носителей СРЛЯ единственным требованием было владение современной литературной нормой произношения.

В результате в эксперименте были использованы записи следующих дикторов (цифры после инициалов означают год рождения информанта):

Ивановская обл. (окающий **среднерусский говор**, по 103 примера на ударный и первый предударный слоги):

KAN1932 — д. Волокобино Пестяковского р-на, 31 + 31 пример,

RNA1940 — д. Нижний Ландех Южного р-на, 39 + 39 примеров,

CAN1941 — д. Нижний Ландех Южного р-на, 33 + 33 примера;

Архангельская обл. (**севернорусский говор**⁷, по 125 примеров на ударный и первый предударный слоги):

ПФП1928 — д. Михалёвская (Пушкино) Устьянского р-на, 42 + 42 примера,

ABT1928 — д. Плоское Устьянского р-на, 20 + 20 примеров,

ЛСО1941 — д. Михалёвская (Пушкино) Устьянского р-на, 63 + 63 примера;

Воронежская обл., с. Краснолипье Репьёвского р-на (**южнорусский говор**, 375 примеров: 177 на ударный и 198 на первый предударный слоги):

АТП1935 — 32 примера на ударный слог + 53 на 1 п/у слог, всего 85,

БМС1936 — 55 примеров на ударный слог + 76 на 1 п/у слог, всего 131,

⁶ Записи этого говора осуществлены С.В. Дьяченко, И.И. Исаевым, О.А. Слюсаревой и А.Д. Черенковой в ходе экспедиции 2012 г. и хранятся в аудиоархиве Отдела диалектологии ИРЯ РАН; общая продолжительность звучания — около 5 часов. Краткую характеристику этих материалов см. в отчете об экспедиции [Дьяченко, Исаев, Черенкова, 2013: 285–286].

⁷ В соответствии с современным диалектным членением он относится к Вологодской группе говоров.

ЕМП1929 — 90 примеров на ударный слог + 69 на 1 п/у слог, всего 159;

литературный язык (по 110 примеров на ударный и второй предударный слоги):

АВК1982, 19 + 19 примеров,

ЕВШ1986, 18 + 18 примеров,

АВМ1972, 41 + 41 пример,

ИАБ1951, 15 + 15 примеров,

СМК1979, 17 + 17 примеров.

Таким образом, всего в ходе эксперимента был проанализирован $220 + 375 + 250 + 206 = 1051$ гласный.

Процедура анализа

В ходе эксперимента были измерены значения первой (F_1) и второй (F_2) формант гласных ударного и первого предударного слогов в севернорусском, среднерусском и южнорусском говорах, а также ударного и второго предударного слогов в СРЛЯ. С целью максимальной нивелировки коартикуляционного воздействия соседних мягких согласных измерения проводились на отрезке гласных, составляющих их центральную часть (вторую треть) — см. рис. 1, на котором границы центральной части ударного гласного отмечены цифрами 2_2, предударного — цифрами 1_1.

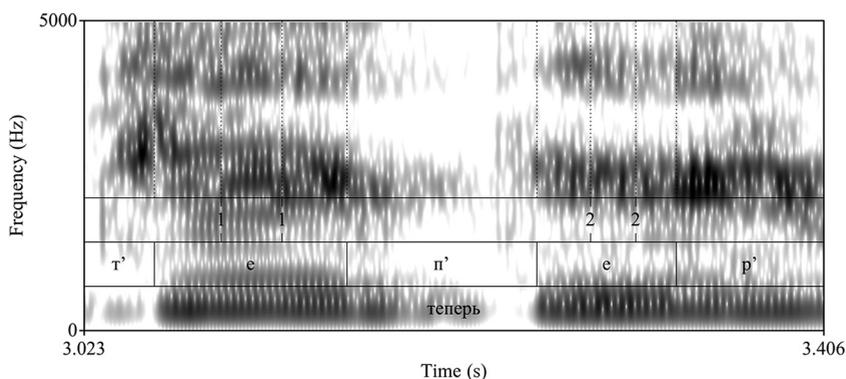

Рис. 1. Динамическая спектрограмма слова *теперь* (диктор КАН1932, д. Волокобино Пестяковского р-на Ивановской обл.). Цифрами 1_1 и 2_2 обозначены границы отрезков, на которых производилось измерение значений формант гласных

Результаты

Результаты измерений приведены в табл. 1 и 2 и на рис. 2–5.

Средние значения $\Delta F = F_2 - F_1$ (Hz) ударного и предупредного гласных в СРЛЯ, южно-, средне- и севернорусском говорах для всех информантов

	2 предупредный	1 предупредный	ударный	ΔF : ударный — предупредный
СРЛЯ	2034 = 2416 – 382		2217 = 2637 – 420	+ 183
АВК1982	1863 = 2290 – 427		2196 = 2619 – 423	+ 333
ЕВШ1986	1881 = 2254 – 373		1987 = 2398 – 411	+ 106
АВМ1972	2099 = 2458 – 359		2393 = 2778 – 385	+ 294
ИАБ1951	2225 = 2618 – 393		2271 = 2715 – 444	+ 46
СМК1979	2101 = 2458 – 357		2241 = 2676 – 435	+ 140
ю-рус.		1654 = 2168 – 514	1831 = 2329 – 498	+ 177
АТП1935		1544 = 2043 – 499	1734 = 2226 – 493	+ 210
БМС1936		1627 = 2142 – 515	1798 = 2307 – 509	+ 171
ЕМП1929		1789 = 2318 – 529	1962 = 2453 – 491	+ 173
ср-рус.		1962 = 2317 – 354	1927 = 2300 – 373	- 35
КАН1932		2069 = 2382 – 313	2048 = 2384 – 336	- 21
RNA1940		2049 = 2404 – 355	2004 = 2381 – 377	- 45
CAN1941		1768 = 2163 – 395	1728 = 2134 – 406	- 40
сев-рус.		1818 = 2206 – 388	1759 = 2196 – 437	- 59
ПФП1928		1911 = 2318 – 407	1861 = 2323 – 462	- 50
АВТ1928		1756 = 2177 – 421	1722 = 2173 – 451	- 34
ЛСО1941		1785 = 2122 – 337	1692 = 2091 – 399	- 93

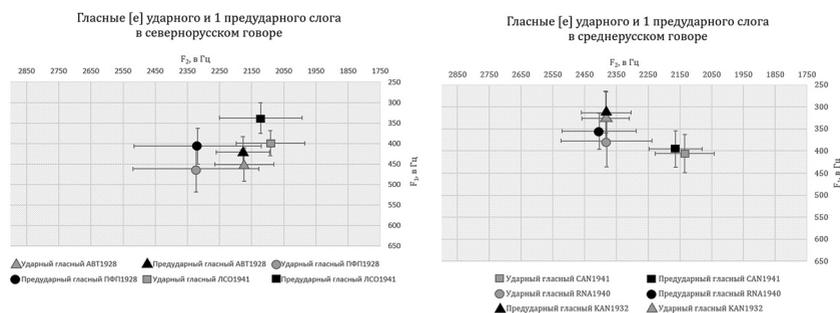

Рис. 2. Средние значения двух первых формант гласных [e] ударного и первого предупредного слога в севернорусском (слева) и среднерусском (справа) говоре в плоскости F_1 и F_2 (в качестве погрешностей взяты стандартные отклонения)

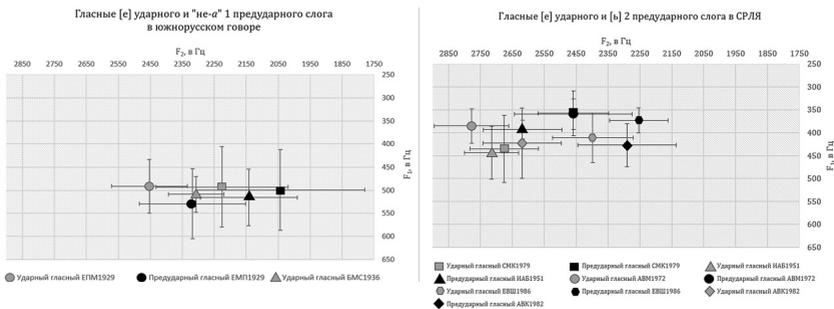

Рис. 3. Средние значения двух первых формант ударного [e] и “не-а” первого предударного слога в южнорусском говоре (слева) и [e] ударного и [ы] второго предударного слога в СРЛЯ (справа) в плоскости F_1 и F_2 (в качестве погрешностей взяты стандартные отклонения)

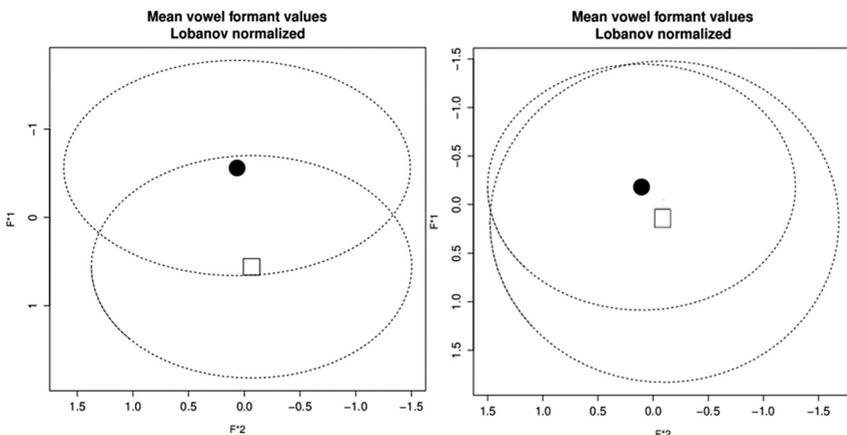

Рис. 4. Расположение зон рассеивания гласных [e] ударного (квадрат) и первого предударного (круг) в севернорусском (слева) и среднерусском (справа) говоре, нормализация Б. М. Лобанова

Приведенные в табл. 1 и на рис. 2–5 данные дают основания заключить, что, несмотря на довольно существенный разброс между информантами в абсолютных значениях F_1 и F_2 , внутри каждого из идиомов последовательно реализуются следующие тенденции:

в оказующих среднерусском и севернорусском говорах **предударный гласный [e]** в позиции между мягкими согласными **характеризуется меньшим значением F_1 и бóльшим значением F_2 , чем ударный**, и является, тем самым, более передним и менее открытым, нежели ударный (причем в наибольшей степени это различие выражено в значении F_1 , особенно ярко — в севернорусском говоре);

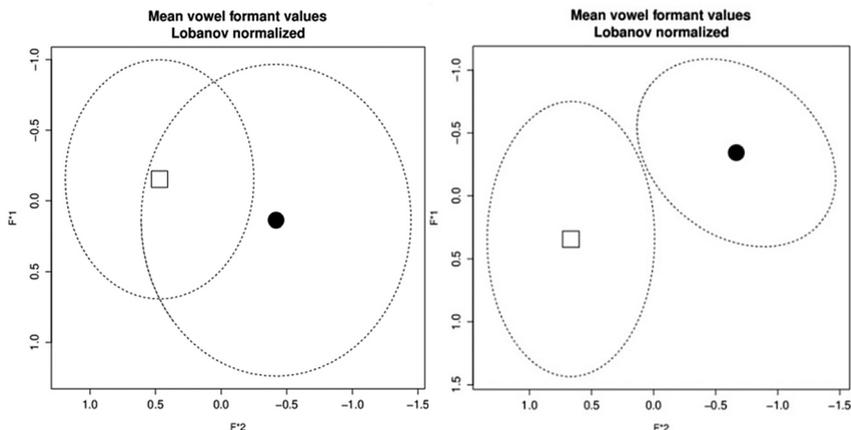

Рис. 5. Расположение зон рассеивания ударного [e] (квадрат) и «не-а» первого предударного (кружок) слога в южнорусском говоре (слева) и [e] ударного (квадрат) и [ъ] второго предударного (кружок) слога в СРЛЯ (справа), нормализация Б.М. Лобанова

в южнорусском говоре, в противоположность этому, **предударный гласный характеризуется большим значением F_1 и меньшим значением F_2** , чем ударный, и, тем самым, является менее передним и более открытым, чем ударный (причем в наибольшей степени это различие выражено в значении F_2);

в литературном языке предударный гласный характеризуется меньшим значением F_1 и F_2 , чем ударный, и, тем самым, является менее передним, чем ударный (причем в наибольшей степени различие проявляется в значении F_2).

Таким образом, в окающих говорах в безударном положении происходит смещение гласного [e] по подъему — в направлении [и] / [ê], то есть в область более закрытых гласных⁸, в то время как в акающих вариантах русского языка — изменение преимущественно по ряду, в область более централизованных (редуцированных) гласных.

Итак, сопоставление ударных и безударных гласных в разных вокалических системах русского языка дает основание утверждать, что гласный «не-а» в говоре с задонским яканьем в целом так же соотносится с ударным гласным [e], как и редуцированный [ъ] с ударным [e] в литературном языке, причем это соотношение прямо противоположно наблюдаемому в окающих среднерусском и севернорусском говорах соотношению между ударным и безударным [e].

⁸ То же происходит и с безударным [o], который в восточных севернорусских и среднерусских говорах (к числу которых относятся и проанализированные нами) может произноситься как гласный более закрытый, чем ударное открытое [o] [Аванесов, 1949: 63].

Изложенные факты позволяют отнести гласный «не-а» южнорусского говора с. Краснолипье Репьёвского р-на Воронежской обл. к классу редуцированных, то есть [ь].

Как было отмечено, в качестве материала исследования для средне- и севернорусских говоров и СРЛЯ служили слова, содержащие как ударный гласный [e], так и гласный первого ([e]) или второго ([ь]) предударного слогов, в то время как в южнорусском говоре были проанализированы слова, которые содержали хотя бы один из этих гласных. Тем не менее в корпусе проанализированных нами данных говора с задонским яканьем имеются и слова первого типа (с ударным [e] и первым предударным «не-а»). Таких слов встретилось всего 25: *теперь* (15 раз), *стеречь* (2), *веретье* (4), *помереть* (1), *звесенье* (1), *лечение* (1), *вознесение* (1). Хотя общее количество этих слов невелико и окончательных выводов на основании их анализа сделать не представляется возможным, ниже в табл. 2 сведения об их формантной структуре приводятся в сопоставлении с общими данными по южнорусскому говору.

Таблица 2

Средние значения $\Delta F = F_2 - F_1$ (Hz) для южнорусского говора в целом и для слов с ударным и первым предударным гласным

ю-рус.	1 предударный	ударный	ΔF : ударный — предударный
всего	1654 = 2168 – 514	1831 = 2329 – 498	+ 177
с ударным и 1-м предударным гласным	1766 = 2290 – 524	1858 = 2360 – 502	+92

Данные, приведенные в табл. 2, свидетельствуют о том, что и в этом случае предударный гласный характеризуется бóльшим значением F_1 и меньшим значением F_2 , чем ударный (то есть является менее передним и более открытым), хотя различие это выражено не так ярко, как на материале всех 375 исследованных слов — вероятнее всего, вследствие незначительного количества примеров.

Выводы

Изложенные результаты экспериментального исследования формантной структуры гласного «не-а» первого предударного слога в сопоставлении с ударным гласным [e] в позиции между мягкими согласными в южнорусском говоре с задонским яканьем, а также гласного [e] первого предударного слога в окающих среднерусском и севернорусском говорах и второго предударного гласного [ь] в литературном языке в сопоставлении с ударным гласным [e] в той же позиции позволяют сделать вывод, что гласный «не-а» первого

предударного слога в говоре с задонским яканьем по своим качественным характеристикам ближе к классу ненапряженных (редуцированных) гласных передне-среднего ряда верхне-среднего подъема, т. е. [ъ], чем к классу гласных полного образования типа [е].

На основании этих данных можно предположить, что в современных говорах с задонским яканьем сохраняются следы более древней (исходной) разновидности архаического яканья, чем яканье обоянское с гласным [и] в качестве «не-а», являющимся развитием исходного краткого редуцированного [ъ] (или, иначе, в терминах К.Ф. Захаровой задонское яканье может быть интерпретировано как архаический вариант обоянского яканья).

ИСТОЧНИКИ

- Михаил Даниэль, Нина Добрушина, Рупрехт фон Вальденфельс. Говор бассейна Устья. Корпус севернорусской диалектной речи. 2013–2018. Берн; М. URL: [www.ragasolcorpus.org/Pushkino](http://ragasolcorpus.org/Pushkino) (дата обращения: 27.11.2021).
- Кувшинская Ю.М. 2020. Корпус говоров низовья рек Лух и Теза. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: <http://lingconlab.ru/lukhteza/> (дата обращения: 27.11.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. 335 с.
2. Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974. 287 с.
3. Брок О. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910 (Энциклопедия славянской филологии / Под ред. орд. акад. И.В. Ягича. Вып. 1. СПб., 1910). 262 с.
4. Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916. 128 с.
5. Васильев Л.Л. Гласные в слоге под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре // Известия ОРЯС. Т. 9. Кн. 1. 1904. С. 336–355.
6. Дурново Н.Н. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров: Ч. 1. Южновеликорусское наречие: вып. 1 // Труды Московской диалектологической комиссии / Под ред. пред. комис. Д.Н. Ушакова; вып. 6. М., 1917. 224 с.
7. Дурново Н.Н. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров: Ч. 1. Южновеликорусское наречие: вып. 2 // Труды Московской диалектологической комиссии / Под ред. пред. комис. Д.Н. Ушакова; вып. 7. М.: тип. Шамордин. женск. пустыни Калуж. губ., 1917. 87 с.
8. Дьяченко С.В., Исаев И.И., Черенкова А.Д. Экспедиция в с. Краснолипые Репьёвского района Воронежской области // РЯНО. 2013. № 1 (25). С. 285–287.
9. Захарова К.Ф. Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. I / Отв. ред. Р.И. Аванесов, В. Г. Орлова. М., 1959. С. 6–55.
10. Захарова К.Ф. Некоторые случаи утраты архаического типа диссимилятивного яканья (По материалам «Атласа русских народных говоров юго-западных областей РСФСР») // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. II / Отв. ред. В. Г. Орлова. М., 1961. С. 40–58.
11. Захарова К.Ф. Типы диссимилятивного яканья: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1970. 24 с.

12. Захарова К.Ф. Типы диссимилиативного яканья в русских говорах // Вопросы языкознания. 1971. № 2. С. 3–18.
13. Касаткин Л.Л. Из истории аканья — яканья в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. No 2 (20). С. 77–102.
14. Князев С.В. К вопросу о механизме возникновения аканья в русском языке // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 75–101.
15. Князев С.В. Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония. М., 2006. 224 с.
16. Тростянский В.И. К изучению местных говоров в Воронежской губернии // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 95, № 2. Пг., 1916а. 28 с.
17. Тростянский В.И. Народные песни, собранные в северо-западном углу Землянского и отчасти Задонского уездов Воронежской губернии // Диалектологические материалы, собранные В.И. Тростянским, И.С. Гришкиным и др. Приготовил к печати и снабдил примечаниями А.А. Шахматов // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. Пг., 1916б [на обл.: 1920]. Т. 95. № 1. С. 1–65.
18. Тростянский В. И. Этнографические материалы, собранные в Задонском уезде, Воронежской губернии по поручению Императорской Академии Наук // Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и др. Приготовил к печати и снабдил примечаниями А. А. Шахматов // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. Пг., 1916в [на обл.: 1920]. Т. 95. № 1. С. 125–158.
19. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Пг., 1915. 367 с.

SOURCES

- Michael Daniel, Nina Dobrushina, Ruprecht von Waldenfels. The language of the Ustja river basin. A corpus of North Russian dialectal speech. 2013–2018. Bern, Moscow. (Electronic resource: www.parasolcorpus.org/Pushkino, accessed on 27.11.2021).
- Yu. M. Kuvshinskaya. Corpus of the Russian dialect spoken in the basins of Lukh and Teza rivers. 2020. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. (Available at: <http://lingconlab.ru/lukhteza/>, accessed on 27.11.2021).

REFERENCES

1. Avanesov R.I. *Ocherki russkoi dialektologii* [Essays on Russian dialectology]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1949. 335 p.
2. Avanesov R.I. *Russkaya literaturnaya i dialektnaya fonetika* [Russian literary and dialect phonetics]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1974. 287 p.
3. Brok O. *Ocherk fiziologii slavyanskoi rechi* [Essay on the physiology of Slavic speech]. St. Petersburg, 1910 (Entsiklopediya slavyanskoi filologii. Pod red. ord. akad. I. V. Yagicha. Vyp. 1. St. Petersburg: Otd-nie rus. yaz. i slovesnosti Imp. Akad. nauk Publ., 1910). 262 p.
4. Brok O. *Govory k zapadu ot Mosal'ska* [Dialects to the West of Mosal'sk]. Petrograd, tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1916. 128 p.
5. Vasil'ev L.L. *Glasnye v sloge pod udareniem v moment vozniknoveniya akan'ya v oboyanskom govore* [Vowels in a syllable under stress at the moment of occurrence of akanye in the Oboyan dialect]. Izvestiya ORYaS. T. 9. Kn. 1. 1904, pp. 336–355.

6. Durnovo N.N. *Dialektologicheskie razyskaniya v oblasti velikoruskikh govorov* [Dialectological research in the field of Great Russian dialects]: Ch. 1. Yuzhnovelikorusskoe narechie: Vyp. 1. Trudy Moskovskoi dialektologicheskoi komissii. Pod red. pred. komis. D. N. Ushakova; Vyp. 6. Moscow: Sinodal'naya tip. Publ., 1917a. 224 p.
7. Durnovo N.N. *Dialektologicheskie razyskaniya v oblasti velikoruskikh govorov* [Dialectological research in the field of Great Russian dialects]: Ch. 1. Yuzhnovelikorusskoe narechie: Vyp. 2. Trudy Moskovskoi dialektologicheskoi komissii / Pod red. pred. komis. D. N. Ushakova; Vyp. 7. Moscow: tip. Shamordin. zhensk. pustyni Kaluzh. gub. Publ., 1917b. 87 p.
8. D'yachenko S.V., Isaev I.I., Cherenkova A.D. *Ekspeditsiya v s. Krasnolip'e Rep'evskogo raiona Voronezhskoi oblasti* [Expedition to the village Krasnolipye of the Repevsky district of the Voronezh region]. RYaNO. 2013. № 1 (25), pp. 285–287.
9. Zakharova K.F. *Arkhaicheskie tipy dissimilyativnogo yakan'ya v govorakh Belgorodskoi i Voronezhskoi oblasti* [Archaic types of dissimilative yakanye in the dialects of the Belgorod and Voronezh regions]. Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii. Novaya seriya. T. I. Otv. red. R. I. Avanesov, V. G. Orlova. Moscow, 1959, pp. 6–55.
10. Zakharova K.F. *Nekotorye sluchai utraty arkhaicheskogo tipa dissimilyativnogo yakan'ya (Po materialam "Atlasa russkikh narodnykh govorov yugo-zapadnykh oblastei RSFSR")* [Some cases of loss of the archaic type of dissimilative yakanye (Based on the materials of the Atlas of Russian folk dialects of the southwestern regions of the RSFSR)]. Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii. Novaya seriya. Vyp. II. Otv. red. V.G. Orlova. Moscow, 1961, pp. 40–58.
11. Zakharova K.F. *Tipy dissimilyativnogo yakan'ya. AKD* [Types of dissimilative yakanye. Summary of cand. philol. sci. diss.] Moscow, 1970. 24 p.
12. Zakharova K.F. *Tipy dissimilyativnogo yakan'ya v russkikh govorakh* [Types of dissimilative yakanye in Russian dialects]. Voprosy yazykoznaneya. 1971. № 2, pp. 3–18.
13. Kasatkin L.L. *Iz istorii akan'ya — yakan'ya v russkom yazyke* [From the history of akanye — yakanye in Russian language]. Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2010. No 2 (20). pp. 77–102.
14. Knyazev S.V. *K voprosu o mekhanizme vozniknoveniya akan'ya v russkom yazyke* [To the question of the mechanism of the emergence of akanye in the Russian language]. Voprosy yazykoznaneya, 2000. № 1, pp. 75–101.
15. Knyazev S.V. *Struktura foneticheskogo slova v russkom yazyke: sinkhroniya i diakhroniya* [The structure of a phonetic word in Russian language: synchrony and diachrony] Moscow: MAKSS Press Publ., 2006. 224 p.
16. Trostyanskii V.I. *K izucheniyu mestnykh govorov v Voronezhskoi gubernii* [To the study of local dialects in the Voronezh province]. Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk. T. 95, № 2. Petrograd: tip. Imp. Akad. nauk Publ., 1916a. 28 p.
17. Trostyanskii V.I. *Narodnye pesni, sobrannye v severo-zapadnom uglu Zemlyanskogo i otchasti Zadonskogo uezdov Voronezhskoi gubernii* [Folk songs collected in the north-western corner of Zemlyansky and partly Zadonsky districts of Voronezh province]. Dialektologicheskie materialy, sobrannye V.I. Trostyanskim, I.S. Grishkinym i dr. Prigotovil k pečati i snabdil primechaniyami A.A. Shakhmatov. Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imp. Akademii nauk. Pgr., 1916b [na obl.: 1920]. T. 95. № 1, pp. 1–65.
18. Trostyanskii V.I. *Etnograficheskie materialy, sobrannye v Zadonskom uezde, Voronezhskoi gubernii po porucheniyu Imperatorskoi Akademii Nauk* [Ethnographic materials collected in the Zadonsk district of the Voronezh province on behalf of the

Imperial Academy of Sciences]. Dialektologicheskie materialy, sobrannye V.I. Trostyanskim, I.S. Grishkinym i dr. Prigotovil k печати i snabdil primechaniyami A.A. Shakhmatov. Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imp. Akademii nauk. Pgr., 1916v [na obl.: 1920]. T. 95. № 1, pp. 125–158.

19. Shakhmatov A.A. *Ocherk drevneishego perioda istorii russkogo yazyka* [Essay on the oldest period in the history of the Russian language]. Izdanie otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii Nauk. Pgr., 1915. 367 p.

Поступила в редакцию 15.12.2021

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 15.12.2021

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дьяченко Светлана Владимировна — научный сотрудник ИРЯ РАН имени В.В. Виноградова, svet-lan-a@list.ru

Князев Сергей Владимирович — ведущий научный сотрудник ИРЯ РАН имени В.В. Виноградова, svknia@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Svetlana Dyachenko — researcher; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, svet-lan-a@list.ru

Sergey Knyazev — leading researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, svknia@gmail.com

ИСТОРИЯ СЕМАНТИКИ РУССКИХ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ *ВОСТОРГАТЬСЯ*, *ВОСХИТИТЬСЯ*, *ВОЗМУТИТЬСЯ*, *ИЗУМИТЬСЯ*

И.И. Макеева

*Институт русского языка имени В.В. Виноградова
Российской академии наук, Россия, Москва, irinamakeeva2007@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируется история семантики четырех глаголов, которые в современном русском языке обозначают эмоции человека и имеют единственное значение. Каждому глаголу посвящен отдельный очерк. В древнерусском языке слова сохраняли значение праславянских глаголов и не входили в группу эмотивных. Их исконные значения были утрачены в литературном языке в течение XVIII в.; только у одного слова первоначальное значение осталось в диалектах. Вторичная семантика развивалась у слов в разное время (с XI в. по XVIII в.). Процесс семантической эволюции лексем сопровождался конкуренцией с другими глаголами и словосочетаниями. В статье рассматривается, как происходило развитие семантики каждого слова, какие вторичные значения имели глаголы и какие факторы повлияли на появление эмотивного значения.

Ключевые слова: русский язык; историческая семантика; эмотивные глаголы

Для цитирования: Макеева И.И. История семантики русских эмотивных глаголов *восторгаться*, *восхититься*, *возмутиться*, *изумиться* // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 26–40.

SEMANTIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN PSYCH- VERBS *VOSTORGAT'SA*, *VOSKHITIT'SA*, *VOZMUTIT'SA*, *IZUMIT'SA*

Irina Makeeva

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Russia,
Moscow, irinamakeeva2007@mail.ru*

Abstract: The paper gives a historical analysis of the semantics of four monosemous verbs denoting human emotions in Modern Russian. A separate study is devoted to each verb. In Old Russian, all these words retained the meaning of the corresponding Proto-Slavic verbs, and they did not belong to the lexical group denoting emotions. The ancient meanings were lost in the literary language in the 18th century; only one word has the original meaning remaining in some dialects. The secondary meaning appeared gradually over the period from the 11th century

to the 18th century. In the course of their semantic evolution, the lexemes clashed with other Russian verbs. The paper tackles the semantic development of each word, the secondary meaning of each verb, and various factors that determine the emergence of the emotive meaning.

Key words: Russian; historical semantics; psych-verb

For citation: Makeeva I.I. (2022) Semantic development of the russian psych-verbs *vostorgat'sa, voskhitit'sa, vozmutit'sa, izumit'sa*. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 26–40.

Обычно лексико-семантические исследования ограничены определенным хронологическим срезом (древне- или старорусским периодом, современным русским языком). Опыты описания семантики отдельных лексем, а тем более групп слов на протяжении всей их истории начиная со времени фиксации в памятниках письменности по настоящее время являются совершенно особой задачей, позволяющей не только установить состав лексических групп в разные периоды языковой эволюции и пути их пополнения, но и выявить синонимические связи и существовавшую конкуренцию слов¹.

В современном русском литературном языке в класс (группу) эмотивных глаголов входят слова, изначально имевшие соответствующую семантику, и лексемы, у которых такое значение появилось в разное время в процессе языковой эволюции. В ядро этой группы входили в исторический период и входят в современном русском языке глаголы, образованные от имен существительных (прилагательных), обозначающих эмоции (*радоваться, роптать, сетовать, гневаться* и др.)². Однако далеко не все подобные лексемы фиксируются в древнерусский период. Так, например, *скучать* в письменных источниках отмечается только с конца старорусского периода. В поздних памятниках встречается *тосковать*, хотя существительное *тоска* известно уже в древнерусском языке.

Особый интерес представляют глаголы, ставшие эмотивными в результате семантической эволюции. Четыре таких лексемы — *восхититься, возмутиться, восторгаться, изумиться* — известны по книжным памятникам русской письменности начиная с древнерус-

¹ Идея полного и целостного описания семантической эволюции слов, путей сложения семантических структур отдельных лексем, лексических гнезд и групп была выдвинута Д.Н. Шмелевым и отчасти реализована при работе над «Историческим словарем современного русского языка». О нем см.: [Бабаева, Журавлев, Макеева, 1997].

² О составе группы эмотивных глаголов в современном русском языке см.: [Васильев, 1981: 75–96]. Их семантика рассматривается преимущественно в связи с синтаксисом; см. [Апресян, 2015; Храковский, 2020].

ского периода. Обозначение эмоционального состояния фиксируется у них в разное время, при этом все слова утратили как свое первоначальное значение, так и некоторую вторичную семантику, в том числе обозначение движения.

Восторгаться

Глагол восходит к праслав. **tъrgati* (se), корень которого связан чередованием гласного с **tъrg-* (русск. *терзать*); см.: [Фасмер, 1987: 83]. В источниках **търгати** и **търгатиса** фиксируются в XII в., сохраняя значение праславянского корня 'дергать, рвать'. В дальнейшем развились вторичные значения: 'сотрясать', 'терзать, раздирать', 'срывать' у каузатива, 'разрываться', 'метаться, содрогаться' — у возвратного глагола. Еще один бесприставочный глагол **търгнути** с основной семантикой 'дернуть' отмечается в письменности с XVI в. [СлРЯ, 2015: 54]. По-видимому, глаголы с корнем **tъrg-* долгое время оставались в русском языке основными для передачи соответствующей семантики и многочисленных производных значений. Хорошо известные в настоящее время *дергать* (фиксируется с XVII в.) и *дернуть* (фиксируется с XIV в.), *рвать* (фиксируется с XII в.) в русской письменности или отмечаются относительно поздно, причем преимущественно в деловых источниках, или их употребление ограничивается определенным контекстом: **рввати власы** [СДЯ, 2013: 498; СлРЯ, 1977: 220, 230; СлРЯ, 1997: 123]. Поэтому в памятниках представлен целый ряд глаголов с корнем **tъrg-* (**tъrg-*) и приставками **въз-, из-, вы-, оть-, пре-, про-, раз-, съ-**.

Глаголы с приставкой **въз-** в русской письменности довольно многочисленны и имеют оба корня, т. е. **tъrg-* и **tъrg-*: **въстъргати(са), въстъргнути, въстъргывати, въстъргати(са), въстъргнути(са), въстъргывати**. В основном они фиксируются уже в памятниках XI–XIII вв., хотя **въстъргатиса** отмечается позже других — в XVI в. [СлРЯ, 1976: 61]. Некоторые лексемы представлены в старославянском языке: **въстръгати** 'срывать, вырывать', **въстръгнѣти** 'вырвать', **въстръгати** 'срывать, вырывать' [ССЯ, 2006: 341].

Основное значение слов продолжает семантику общеславянских корней 'выдергивать, вырывать' и сохраняется еще в XVIII в.: с корнемъ зелье въстергиваетъ (Пч. 141)³; растеть в немъ корение... аще кто внезапноу въстръгнеть, то смръть прииметь; симъ бо обра-

³ Сокращенные названия памятников приведены по: Указатель источников Картопки Словаря русского языка XI–XVII вв. Сост. С.Ф. Геккер, С.П. Мордовина, Г.Я. Романова. М., 1984. Не входящие в указатель издания и рукописи указаны особо. Орфография в примерах частично упрощена; в трудных случаях поставлены знаки препинания.

зомъ безъ бѣды въстрѣгати: окопають окръсть древо... (Фл. 387)⁴; иже съчеть сады плодовиитыи или въсторгая ис корене, руку его усѣчи (Кн. законные 56); время садити и время въстрѣзати сажное (Екл. 3: 2; Библ. Генн.); великия дресеса... изо основания яростно восторгахуса (Кн. Степ. 636). При этом многочисленность однокоренных глаголов коррелирует с малой частотностью каждого из них⁵. Современное значение каузатива 'приводить в состояние экстаза, восторга' и возвратного глагола 'быть в состоянии экстаза, восторга' до начала XVIII в. в письменности не фиксируется.

В основном перечисленные выше лексемы имеют одно значение, хотя некоторые из них употребляются образно или имеют переносное значение: Не почитать умъ ражая помыслы; ты же злыя въсторгываи, а блгыя сѣи (Пч. 354); Невозможно ми есть в мало время всторгати вкоренившус<я> древле (Там же, 274). Поэтому можно предположить, что семантический потенциал слов был реализован лишь частично. Одна из интересных контекстных реализаций представлена у глагола **въстрѣгнутиса** в чуде свв. Николая и Георгия. Плененный сарацин рассказывает историю своего спасения, когда после молитв ему явился св. Николай и перенес его домой: егда са въстрѣгохъ и прозрѣхъ, узрѣхъ жену свою⁶. Переход из некоего особого похожего на сон состояния в обычное передан глаголом **въстрѣгнутиса**, который значил 'очнуться, прийти в себя'⁷.

Потенциально глаголы с корнем *tъrg- в исторический период могли иметь значение 'поднять на некоторую высоту' / 'поднимать на некоторую высоту'. Однако в редких примерах представлено еще нерасчлененное обозначение удаления и движения-перемещения: раздрушит та бѣ до конца и въстрѣгнет та и преселит от селения твоего (Переясл. лет. 40). В XVIII в. вторичная семантика движения становится вполне обычной: духи [т.е. подземные газы] велию тяготу башень и стѣнь разрывають и на воздухъ восторгають (Геогр. ген. 277). В этот период значения 'поднять вверх, в высоту, заставить

⁴ «История иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод. Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. Т. 1. М., 2004.

⁵ В картотеке «Словаря древнерусского языка» глаголы **въстрѣгати**, **въстрѣгнути**, **въстрѣгывати**, **въстрѣгатиса** представлены двумя примерами, **въстрѣгати**, **въстрѣгнути** — семью примерами, **въстрѣгнутиса**, **въстрѣгывати** — одним примером.

⁶ Сказания о чудесах св. Николая. Рукопись ОР РНБ, Ф.п.1. 46, Златоустрий и отрывок Торжественника, XII в., л. 73в.

⁷ В чуде о Димитрии из этого же цикла в такой же традиционной истории спасения-перенесения употреблен глагол **възбѣгнути**. Когда после кораблекрушения Димитрий стал тонуть, явившийся на призывы о помощи св. Николай взял его на руки (или за руку) и перенес в дом. С пришедшими на его крики соседями спасенный говорил «акы отъ сына възбѣгнувъ» (л. 68г).

воспарить' и 'подняться ввысь, воспарить' фиксируются у глаголов *восторгать(ся)*, *восторгнуть(ся)* [СРЯ XVIII в., 1988: 97].

Отсутствие в исторический период эмотивного значения у глаголов обусловлено тем, что с XI в. соответствующую семантику передавало словосочетание **быти въ вѣстърѣ**: приде ми нѣкогда мысль глѣци, яко что будетъ подвижающимся; и быхъ яко въ восторѣ (Пролог Срз. 12); велие знамя иногда видѣно от Богослова... в Патмѣ странствующу, въ восторѣ сущи (Сим. Пол. Орел рос. 25)⁸; какъ святой Иоанъ въ Патмѣ былъ въ восторѣ (Переп. Петра с Екат. 146).

Существительное **вѣстъргъ** имело в исторический период, как и в современном русском языке, единственное значение. Однако спектр чувств и эмоций, понимаемых под этим словом в русской письменности, отличался от современного. Оно прежде всего обозначало религиозный экстаз, исступление, состояние, когда человеку являются видения. Возможно, оно передавало и то эмоциональное состояние, которое сегодня понимается под словом *восторг*.

Лексема **вѣстъргъ** в других славянских языках отсутствует; болг. *възторг* является заимствованием из русского; см.: [Черных, 1993: 169]. Вероятно, это относительно позднее отглагольное образование. Можно предположить, что значение 'приводить в состояние экстаза, восторга' и 'быть в состоянии экстаза, восторга' как потенциальное имелось у одного или нескольких глаголов, а реализовано у существительного. Реконструировать эволюцию семантики можно следующим образом: 'вырывать, выдергивать' > 'вырывая или выдергивая поднимать' > 'поднимать на какую-л. высоту' > 'выводить из обычного положения / состояния' > 'приводить в состояние экстаза, восторга'.

Период Нового времени, т. е. XVIII в., в истории слов с корнями *tъrg- и *tъrg- становится эпохой, когда, с одной стороны, еще не утрачены некоторые слова и исконные значения, впоследствии вышедшие из употребления, с другой стороны, уже фиксируется семантика, имеющаяся в современном русском языке. Так, существительное *восторгъ* наряду с прежним обозначением особого религиозного состояния, экстаза передает обычное чувство восторга: Солиманъ... съ превеликимъ восторгомъ закричалъ (Вес. Мел. 156). Значение 'приводить / привести в восторг' формально может быть реконструировано для каузативов *восторгать* и *вос-*

⁸ Этот пример и следующий описывают одну и ту же ситуацию. Сосланный на остров Патмос св. Иоанн пребывал в трехдневном посте и молитве, после чего его устами стал говорить Святой Дух. Так было создано Откровение Иоанна Богослова. В апокрифе, написанном учеником святого Прохором, сказано, что удалившись в безлюдное место Иоанн двадцать дней провел в пещере, где ему явились видения. То самое особое состояние Богослова передано словом *восторг*.

торгнуть, поскольку оно отмечается у причастия *восторжен(ный)*. У глагола *восторгаться* соответствующая семантика, возможно, появилась позднее, тем более что продолжало существовать и активно употребляться словосочетание *быть въ восторгъ*.

Восхититься

Эта лексема, как и предыдущее слово, обозначает положительные эмоции; она входит в поле радости русских эмотивных глаголов; см.: [Иорданская 1970].

Глагол *восхититься* восходит к праславянскому языку: праслав. *xytiti (sę) является производным от *xytati (sę), которое связано чередованием с *xvatati [ЭССЯ, 1981: 160 — 161].

В старославянском языке были представлены глаголы **въсхытати** ‘похищать’, **въсхытити** ‘похитить’, **въсхытитиса** ‘быть похищенным’ [ССЯ, 2006: 346 — 347].

Каузативы **въсхытити** и **въсхыщати** и возвратные глаголы **въсхытитиса** и **въсхыщатиса** в русской письменности фиксируются уже в XI в. [СДЯ, 1989: 142 — 145; СлРЯ, 1976: 66 — 68]. Старшее значение слов ‘схватить, взять’, ‘хватать’, ‘быть схваченным, взятым’ продолжает семантику праславянских глаголов и сохраняется в течение длительного времени: сътекоша же са народи въсхытити хотаху нѣчто отъ усѣченныхъ удовъ Февронинъ (Усп. сб. 245); Девгении... прииде и восхити мечь свои (Девг. д. 136)⁹. Оно еще отмечается в русском языке XVIII в., хотя и является выходящим из употребления у *восхитить* и *восхищать*.

В памятниках разного времени есть группа контекстов, в которых речь идет о кончине человека. Субъектом при используемых в этих случаях каузативах является смерть или Бог (ср. выражение *Бог прибрал*): якоже то младеньци мъруть, то нѣсть отъ грѣха... да съматра бѣ переже въсхыти я (Изб. Св. 1076 г. 513); правдѣная многашды въ малѣхъ лѣтѣхъ въ<с>хыщяеть (Там же, 517); по трех лѣтех праведнии напрасноу смъртию восхитимы бывають (Изм. 47 об.); сынъ его умре; немедленно жѣ по немъ и другаго смерть восхищяеть (Ч. Серг. Р. Аз. 63).

Начиная с древнерусского периода у слов появляются вторичные частные значения, продолжающие развитие основной семантики. Их наибольшее количество имеет глагол **въсхытити**: ‘забрать’ (нѣкто же людинъ... хотяше ему добра въсхити его в челнѣ — Новг. I лет.

⁹ Субъектом действия может быть животное: жену его плѣнену видѣти и дѣтища его въсхыщена звѣрми (Пролог Срз. 33 об.); и реч<е>: риза снѣ моего ес<ть>, се звѣрь лють извѣль ес<ть>, звѣрь въсхыти Иосифа (Быт. 37: 33; Библ. Генн.); ср. в современном тексте Библии: «Он узнал ее и сказал: это одежда сына моего; хищный зверь съел его; верно, растерзан Иосиф».

406; въсхити свою дшю от мира, бѣжи Содомы — Климент Смолят. 177); ‘отобратъ’ (а кто отъ церкви тое деревню восхититъ — Влад. сб. 133); ‘захватитъ’ (тую власть въсхитити — Сб. Друж. 41); ‘выбрать, избрать’ (Савию же кесарю умрѣшу, въсхитиша воины Клавдия на црѣство... посла слугу кесарь къ старцемъ, явлла имъ хотѣние свое, яко не хотя въсхыщенъ бысть от воинъ — Фл. 167); ‘избавитъ’ (позорующии самосожжения ихъ и стоящии, узрѣша челоуѣка ползуща изъ огня; ради течаху и отъ огня бѣднаго восхитити желаху — Евфр. Отразит. пис. 75); ‘получитъ, приобести’ (блѣжнии петръ... от прѣвовъображенаго камена твердость въсхити добрыа дѣтели — Посл. Льва 13; горе мнѣ, яко малое тѣщеславие възлюбивъ, вѣчнуну нищету въсхитих — ВМЧ, Дек. 31, 2619); ‘похититъ, украсть’ (придоша нѣции татие, хотяще... церковныя сосуды восхитити — Ж. Павла Обн. 65); ‘взять в плен’ (аще римлане възмутъ нас, тамо работа тажка... аще же они не приспѣють тогда нас въсхититъ — Фл. 345); ‘прельститъ’ (да не въсхититъ [отроковица] тебе своими бровьми — Ж. Сав. Осв. 253); ‘разграбитъ’ (сеи же яраса повелѣ воиномъ разграбити наречемыи вышнии трѣгъ; они же ... не токмо то мѣсто въсхитиша — Фл. 177); ‘принять’ (такоже и азъ пастырь есмь, а не наемникъ... и не собою таковою тяготу на себе восхитихъ — Чел. Савв. 93); ‘улучитъ (время)’ (Александръ Аристоуловъ снѣ въсхити то врѣма якоже угодно — Фл. 81). Некоторые из этих значений продолжают существовать и в XVIII столетии: *восхититъ* ‘избавитъ’, ‘похититъ’.

У **въсхититиса, въсхыщати и въсхыщатиса** появились только некоторые из перечисленных выше значений. Например, **въсхыщати** ‘получать’ (Яко нуждно есть црѣствие нбсьное, и нужници въсхыщають е — Изб. Св. 1076 г. 593); ‘похищать, красть’ (инии от конникъ егда идаху на дрѣвоимание или по траву... снемше узды с конь пушсахуть а, иудѣи же татбою вытекающе въсхыщахуть а — Фл. 339) и некоторые другие¹⁰. У этого глагола особо следует отметить семантику, связанную с дальнейшим развитием значения ‘захватывать’. Речь идет о претензиях на божественную власть, в том числе о присвоении человеком функции верховного судии и предвосхищении Судного дня и Страшного суда: судия согрѣшающыя санъ себѣ Хрѣстовъ восхищаетъ, и таковыи убо есть Антихристъ (Пролог ст.-печ. 9 об.); рабъ онъ Христову кресту или предтеча? Знай свое мѣсто, не восхищай Господския чести (Ав. Кн. бес. 262); какое то

¹⁰ Реализация лишь одного из потенциальных значений представлена у редких глаголов **въсхытывати / въсхытивати и въсхытовати**, встречающихся только в «Истории иудейской войны» в одном и том же контексте и варьирующихся в списках этого памятника. Они имеют значение ‘выхватывать’: мѣри от младенецъ въсхитоваху ядъ из гортани (Фл. 314).

хрестьянство, что Божей судъ восхищати (Польск. д. 357); ты что пастуху судиши, овчѣ сы; что въсхыщаеши фарисѣискы бжїи суд и щѣнническии чинь (ВМЧ, Апр. 1 — 8, 142).

Глагол **въсхытати**, намного менее употребительный, чем **въсхыщати**, но не уступающий ему по разветвленности семантической структуры¹¹, постепенно выходит из употребления и в литературе XVIII столетия уже не встречается.

Особой линией семантического развития становится передача движения вверх, в том числе (и чаще) обозначение вознесения на небо, в рай. Соответствующие значения ‘поднять’, ‘быть поднятым’ и ‘поднимать’ представлены у **въсхытити**, реже у **въсхытитиса** и **въсхыщати**: Изславъ же лежаше ранень... въсхытиша и руками своими с радостью яко црѣя и кнѣзя своег<о> (Киев. лет. 239)¹²; овогда бо бѣ главою потченъ о землю, овогда же отъ земля восхыщенъ и о землю разъраженъ (О половчине 72); купно с нимъ въсхытимса на облацѣхъ въ срѣтение гнѣ на въздусъ (1 Сол. 4: 17; Библия. Генн.); се же и великий Павел, иже до третяго небеси восхыщенный (Ерм.-Ер. Соч. л. 274)¹³; се облакъ свѣтелъ восхити я на гору, идѣже Петръ, и Андрѣи, и Филипъ, и Матфеи (П. отреч. II 5); восхыщено бысть отроча на воздухъ и на многи часы на высотѣ пребысть (Суб. Мат. IV 124); во едину ношь... мановениемъ бжїимъ восхитившеса в рай прекрасныи (ВМЧ, Дек. 6 — 17, 750); о<т> богатыхъ овъ убо поемлется, въ срѣтение господне восхыщаемъ яко легокъ духомъ (ВМЧ, Окт. 4 — 18, 1392)¹⁴. У **въсхытити** и **въсхыщатиса** встречаются контекстные значения, передающие другое движение-перемещение: ‘перенести’ (азъ в сию ношь быхъ молас<л> бгѣу, и быхъ восхыщенъ на нѣкое поле — Изм. 118 об.); ‘перемещаться в одном направлении с чем-л.’ (зримъ, что воздухъ... движется или восхыщается на тую же страну съ водою — Геогр. ген. 362).

Обозначение движения вверх становится базовым для формирования современного ‘восхитить, привести в восторг’. Мотивация, по-видимому, была следующей: семантика вознесения в небесную высоту предполагает, что человек возносится духом. Такое состояние

¹¹ В Картотеке «Словаря древнерусского языка» **въсхыщати** представлен 68 примерами, а **въсхытати** — 27. Помимо одинаковых ‘брать, хватать’, ‘получать, овладевать чем-л.’, ‘захватывать’, ‘похищать кого-л.’, у **въсхытати** имеются значения ‘грабить, расхищать’ и ‘сокращать до чего-л., стягивать’; см.: [СДЯ, 1989: 142, 143–144].

¹² Киевская летопись. Изд. подгот. И.С. Юрвева. М., 2017.

¹³ См. 2 Кор. 12: 2.

¹⁴ Ранее такое же значение было у глаголов **въсхытити**, **въсхытитиса** и **въсхыщати** в старославянском языке. См. примеры из письменных памятников в [ССЯ, 2006: 347], хотя значение как таковое авторами словарных статей не выделено.

связано с молитвой. Как молитва, так и небесные (райские) красоты вызывают радость: видѣхом бо многыя от стѣх... стоющих на млтвѣ и въсхищенных умом (Сл. Ис. Сирина 398); въ время молитвы въсхищается умъ вне хотѣнія (Нил. Сор. Устав 28). Эмотивное значение зарождается в древнерусском языке; в письменных источниках оно отражено в XV–XVII вв. Как можно судить по редким контекстам, в тот период значение в его современном понимании еще не сформировалось; скорее всего, речь в первую очередь шла о радости, а также о воодушевлении и наслаждении: ни бо есмь велми старъ, яко въскорѣ отчаятиса, ни вдахса в пищу и въ питие, имже молодии въсхищаются (Фл. 111); сия слышавъ Несторъ, не восхытиса царевымъ любочестиемъ, ниже устрашиса похвалами Лиевыми (ВМЧ, Окт. 19–31, 1887); [Иисус] уча ихъ, како подобаетъ быти ученику его, являеть о томъ... како лѣпо възненавидѣти не токмо всѣхъ сущихъ своихъ, но и самая своя душа; смотри же, да не въсхытишиса реченымъ въ простѣ и безъ разума, не бо безъчеловѣчству учитъ Богъ-человѣколюбець (ВМЧ, Окт. 4–18, 1336–1337).

Современное эмотивное значение формируется, видимо, к XVIII столетию или в начале века: Родители дѣтей своихъ ослѣпленно любятъ, и то, что стороннимъ людямъ не нравится, ихъ восхищаетъ (Лукин I, XVI). Как новое оно отмечается в XVIII в. для *восхитить* и *восхищать* [СРЯ XVIII в., 1988: 99–100]. При этом постепенно происходит смена ударения с *восхитить*, которое сохраняется еще в XVIII в., на *восхитѣть*¹⁵.

В современном русском языке глаголы *восхищаться* и *восторгаться* являются синонимами; см.: [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 2004: 144–147].

Возмутиться

Праслав. глагол *mŕiti (se), производный от *mŕtъ, является итеративом к *męsti [ЭССЯ, 1994: 142–145]. В русской письменности глаголы *мутити* и *мутитиса* фиксируются уже в XI в. Помимо продолжающего праславянскую семантику старшего значения ‘приводить в волнение, колебать’ / ‘колебаться, волноваться (о воде)’ уже в древнерусский период у слов отмечается эмотивное значение ‘смущать, тревожить’ / ‘смущаться, тревожиться’. Позднее у каузатива фиксируется значение ‘вызывать смуту, раздор, несогласие, беспорядок’ [СДЯ, 2002: 44; СЛРЯ, 1982: 314].

¹⁵ В древнерусском языке глагол -хѣтити относился к акцентной парадигме *a*. Формы с таким ударением хорошо представлены в русских акцентуированных рукописях XVI–XVII вв. Акцентовка -хѣтити, которая отмечается с середины XVI в., соответствует новой акцентной парадигме *c*. См. [Зализняк, 2019: 367–368]. Изначально смена акцентуации с семантикой не связана.

Приставочные глаголы **възмутити**, **възмутитиса** и **възмущати**, **възмущатиса** в старославянском языке имели значения 'привести в движение' / 'прийти в движение', 'приводить в движение' / 'приходить в движение' и 'привести в замешательство, смутить' / 'прийти в замешательство', 'приводить в замешательство, возмущать' / 'приходить в замешательство, возмущаться' [ССЯ, 2006: 287–288].

Такие же значения фиксируются у глаголов в древне- и старорусском языке. В некоторых контекстах идея движения уходит на второй план, главным становится обозначение непрозрачности как результата движения. Преимущественно речь идет о воде, хотя иногда говорится о движении воздушных масс: вѣтры ... възмутихъ море (Усп. сб. 363); да егда възмутитса вода вѣвръжетъ ма вѣ купѣль (Ио 5: 7; Мст. ев. 24); [ветер] дыхая же възмущаше добрую воню сущюю вѣ древесѣхъ (ВМЧ, Окт. 1–3, 102); земли трястиса, и аеру възмутитиса, и человеком възмястиса (Моск. лет. 217); възмутиса воздухъ отъ конского рыстанія (Смутн. врем. 668). Особо следует отметить метонимический перенос: якоже бо котель, безмѣрнымъ кипѣньемъ възмутивса, пару износить (ЖАЮ 342)¹⁶.

Обозначение движения, продолжающее развитие праславянской семантики, сохраняется у слов долгое время, будучи широко известным еще в XVIII в.; в современном русском языке оно ушло из активного употребления.

Эмотивное значение хорошо представлено в оригинальных и переводных памятниках русской письменности: Исѣ же яко видѣю плачущюся... запрѣти духу и възмутиса самъ (Ио. 11: 33; Мст. ев. 177); яко пси лають на церковь Христову... и твою царскую душу възмущаютъ напрасно (Чел. Авр. 45); малая чадь — робята — в церкви играютъ, и тѣ душу мою възмущаютъ (Ав. Кн. толк. 564). Необходимым является следующее уточнение. Спектр чувств, которые испытывал человек, был довольно широким: подразумевались смущение (чаще всего), беспокойство, замешательство, редко — недовольство. Их причиной обычно были печаль, скорбь, трепет, испуг и страх: мудрыя двѣ готовы вѣпияху: приготовахомъса и не възмутихомъса; а уродивыя без масла свѣща дъръжаще... уготовавъшая масло бес печали бѣаху (Усп. сб. 321); Епифанъ же бѣ моласа бѣу о тужащихъ; и гласъ бысѣ къ нему глѣ: Епифане реку; Епифанъ же не възмущѣса рече: кѣто еси гѣи (там же, 279); слышавши же то царица убоася и възмутиса съ ужасті (ВМЧ, Ноябрь 13–15, 991); она же възмутиса о словеси, ти рече к неѣ аггѣль: не боѣся, Мрѣе, обрѣте

¹⁶ Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. Изд. подгот. А.М. Молдован. М., 2000.

бо радость от гѣа и родиши снѣа (ВМЧ, Дек. 1–5, 219)¹⁷. Со временем в русском литературном языке на первый план выйдут недовольство, негодование, а прежнее обозначение смущения сохранится у глагола *мутиться*.

Семантика негативных чувств имеет параллели в продолжениях праслав. *mōtiti (se) в других славянских языках. См., например, срх. *мутити* ‘смущать, беспокоить’, словен. *motiti* ‘мешать, смущать, сбивать с толку’, ст.-чеш. *mutiti* ‘огорчать, печалить’, слвц. *mutiť* ‘смущать, беспокоить’.

На основе эмотивной семантики как проявление несогласия, негодования и возмущения формируется значение ‘вызвать волнение, смуту, раздор’ / ‘прийти в состояние волнения, смуты’. Оно представлено уже в древнерусский период: *Иулианъ же веселяшеса о идолѣхъ абие црѣвь възмути, идольская отъвързая капища* (Усп. сб. 41); *видѣвше се цсрѣь Костантинъ црѣвь Ариемъ възмутившюса* (АС л. 9)¹⁸; *весь словеньский язык возмутися и вся места по России огнем и мечем поядены быша* (Сказ. Авр. Палицына 8 об.). В современном русском языке значение является устаревшим.

Первоначально объектом у каузативов **възмутити**, **възмущати** и субъектом у возвратных глаголов **възмутитиса**, **възмущатиса** был предмет. Появление эмотивной семантики сопровождалось заменой *предмет* → *человек*. В дальнейшем объектом и субъектом вновь становится предмет — то, что непосредственно связано с человеком. Такая вторичная замена представлена уже в древнерусский период: *нынѣ дшѣа моя възмутися, и что реку: очѣ спѣси ма отъ години сея...* (Ио. 12: 27; Мст. ев. 53) Со временем круг субъектов (объектов) расширился, ими стали ум человека, его душа, мысли, сердце; см.: [СРЯ XVIII в., 1988: 17–18].

Слабо фиксируется в исторический период в силу специфики содержания текстов у **мутити** и отмечается в XVIII в. у глаголов с приставкой **воз-** значение ‘вызвать неприятные или болезненные ощущения’ / ‘испытать неприятные или болезненные ощущения’. Оно представляет особую линию семантического развития, параллельную эмотивной семантике: вместо чувств и эмоций речь идет о физиологических процессах и ощущениях человека. В дальнейшем значение сохранилось у бесприставочного *мутить*.

¹⁷ В аналогичном контексте, восходящем к евангельской цитате (Лк 1: 29), в другом источнике (Суб. Мат. IV 45) употреблен глагол *смутися*.

¹⁸ Анонимное «Слово о соборе св. отец, собравшихся на Ария еретика». Рукопись ОР РНБ, собр. Новгородско-Софийское, № 1261, Сборник, XIV в.

Слово унаследовано из праславянского лексического фонда: праслав. *jъzumiti (se) [ЭССЯ, 1983: 86–87]. Продолжения праславянского глагола в разных славянских языках значат ‘свести с ума’ / ‘сойти с ума, обезуметь’. Такая семантика обусловлена структурой глагола, который является сложением приставки *jъz- и корня *um-, откуда по значению приставки возникло обозначение удаления — лишения (ума).

Глаголы **изумити** и **изумитиса** известны в старославянском языке в тех же значениях ‘свести с ума’ / ‘сойти с ума, обезуметь’ [ССЯ, 2006: 757]. В русской письменности хорошо представлен только глагол **изумитиса** с той же первоначальной семантикой: прилучися тому архиереови изумитиса и погибнути бѣдному кромѣ вѣсти (Д. патр. Никона 450). Такое значение еще сохраняется в начале XVIII в.; в современном русском литературном языке оно утрачено, но при этом осталось в диалектах (перм., свердл., арх. ‘сойти с ума’).

Вторичное значение ‘очень сильно удивиться, изумиться’ у **изумитиса** фиксируется с XVII в.: она же о том словеси велми изумилася и не ведает, что отвещати отцу своему духовному (АП Дем. сат. 116); людие же, слышавъ сие отъ боярина князя Василья Ивановича Шуйскова, вси изумилися и во умѣ себѣ внимали (Смутн. врем. 814). В Новое время оно отмечается чаще: Слышавши Милорд неожиданное и скорое королевино намѣрение изумился (Милорд 179).

Вероятной причиной позднего появления эмотивной семантики у **изумитиса** была конкуренция слова с другой однокоренной лексемой — **изумѣтиса**, также унаследованной из праславянского лексического фонда, но в современном русском языке утраченной: праслав. *jъzuměti (se) [ЭССЯ, 1983: 86]¹⁹. В старославянском и в древнерусском языках глагол значил ‘сойти с ума, обезуметь’ и был более употребительным, чем **изумитиса**²⁰: чадо, заступи въ старости оца своего... и аще изумѣтса не зазри ему (Сирах 3: 12–13; Библ.

¹⁹ Каузатив **изумѣти** слабо представлен в письменных памятниках; у него отмечено значение ‘изучать, знать’. Таким образом, семантика каузатива и возвратного глагола разошлась очень сильно.

²⁰ В памятниках русской письменности и в текстах XVIII в. часто встречается прилагательное (причастие по происхождению) **изумлен(ныи)** в значениях ‘безумный, сумасшедший’, ‘бесноватый’, которое конкурировало с личными формами глаголов: умъ смятеса ему и бысть изумлень (Ж. Ант. С. 177); видаши сына своего изумлена, ниже памяти имуща (Нкт. Н. 73); изумленыи, яко и всегда бѣшаной, на вся страны бросаются (Ав. Кн. бес. 340); корение... приятно изумленному человеку или то есть без ума совершенного бесится (Леч. II гл. 143); бысть аки изумлень отъ радости (Персика 266). Изредка в исторический период встречается метонимический перенос: глагола изумленныя глаголы: подобаеъ де и старые книги править (Ав. Кн. обл. 632).

Генн.); мниши ли, яко изумѣхса, не имаѣ ума своего (ВМЧ, Дек. 31, 2602).

Значение 'очень сильно удивиться, изумиться' фиксируется у **изумѣтиса** с XV в.²¹: они же изумѣвшес<я> и удивишас<я>, похвалиша службу ихъ (Сл. крещ. Влад. 10); азъ... изумѣхся... дивяся мудрымъ словесамъ твоимъ (Ж. Ал. Ош. 48); они же яко изумѣвшеса дивляхуся (Кр. Бз. 107)²²; сиа же разбоинику вѣщающу къ старцу; тѣ же изумѣвса стояше, и бѣ въ недоумѣнии, и прѣславному ... искушению дивлашес<я> (ВМЧ, Дек. 31, 2778); дѣвицы изумѣлись, смотря на самоцвѣтное камение (Лож. и отреч. кн. 65); а какъ онъ великий господинъ на землю упалъ, и въ то время великъ стукъ и страхъ былъ; а они воры... ничего другъ ко другу не промолвили и изумѣлися (АИ IV 489). Однако у отглагольного существительного **изумѣние** соответствующее значение представлено в Лаврентьевской летописи под 987 г. (список 1377 г.). Эмотивную семантику можно предположить у **изумлатиса** в источнике XI в.: велика тѣщета и невѣгласѣство въ бесѣде; и не изумляиса, мужъ бо м<у>дръ млѣча<н>ие любить (Патерик Син. 399). С учетом этих данных вероятно относительно раннее появление значения 'очень сильно удивиться, изумиться' у **изумѣтиса**. В XVIII в. оно имеется у всех трех глаголов, а в дальнейшем сохраняется у оставшихся в современном русском языке *изумиться* и *изумляться*. Впрочем, не исключено, что у **изумитиса** эмотивное значение появилось ранее XVII в., но не было зафиксировано в письменных памятниках.

Развитие семантики могло быть таким. Значение 'очень сильно удивиться, изумиться' развилось не непосредственно из 'сойти с ума, обезуметь', а через промежуточную ступень — еще одно ментальное значение 'недоумевать, сомневаться'. В памятниках русской письменности оно фиксируется только у **изумѣтиса**: изумѣшаса кнзи рускии, кому ихъ которому поѣхати (Ипат. лет. 641); рече ж Авраамъ къ Саррѣ: како ты вѣси сего члѣка суща бжїа? отвѣща Сарра: изумѣхся от трею ли муж ядѣших под дубом маврѣйским (П. отреч. I 82); см. также прим. 21.

Глагол **изумитиса**, как и **изумѣтиса**, обозначал сильное проявление состояния, его крайнюю степень; похожее нейтральное или

²¹ Предполагаемое время фиксации значений отчасти зависит от трактовки цитат из источников. Скорее всего, в «Слове о слепце» Кирилла Туровского, древнерусского писателя XII в., **изумѣтиса** значил 'сомневаться, недоумевать', а не 'изумиться'. Это Слово написано на евангельский сюжет об исцелении Христом слепорожденного (см. Ио. 9). Фарисеи сомневались, что прозревший — тот же самый человек, который прежде был слепым; поэтому они призвали родителей, которых стали расспрашивать: книжници изумѣвшися пытаются родителю прозрѣвшаго глаголюще: аще то есть ваю сынъ?

²² Интересно, что **изумѣтиса** часто сопровождает глагол **дивитиса**.

умеренное состояние передавали другие — и более употребительные — лексемы **дивитиса** и **удивитиса**. Поэтому все слова остались в лексиконе. Еще один глагол — **чудитиса**, имевший в исторический период такое же значение, оказался избыточным и утратил такую семантику.

Таким образом, семантическая эволюция глаголов **възмутитиса**, **въстъргатиса**, **въсхытитиса**, **изумитиса**, известных с древнерусского периода и принадлежащих актуальному составу современного русского языка, демонстрирует основные процессы, происходившие в его лексическом составе. Типологическим направлением их эволюции стало развитие антропоцентричной семантики, т. е. появление вторичных (а в настоящее время основных) значений, обозначающих эмоциональное состояние человека. Все глаголы претерпели кардинальные семантические изменения, утратив исконное значение и перейдя за счет вторичных значений в другую — эмотивную — группу лексики. Семантические изменения сопровождали (но не обязательно синхронно в плане хронологии) процесс формирования лексического состава, т. е. выход из употребления других однокоренных глаголов с аналогичной семантикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян В.Ю. Валентность стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса // РЯНО. 2015. № 1 (29). С. 28–66.
2. Бабаева Е.Э., Журавлев А.Ф., Макеева И.И. О проекте «Исторического словаря современного русского языка» // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 34–46.
3. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. М., 1981.
4. Зализняк А.А. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М., 2019.
5. Иорданская Л.Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М., 1970. С. 3–26.
6. СДЯ — Словарь древнерусского языка (XI — XIV вв.). Т. 2–10. М., 1989–2013.
7. СРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4. Л., 1988.
8. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.; Вена, 2004.
9. СлРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2–30. М., 1975–2015.
10. ССЯ — Словарь старославянского языка. Репринт. изд. Т. 1. СПб., 2006.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1987.
12. Храковский В.С. Две пары глаголов: *радовать* (НСВ) и *радоваться* (НСВ), *обрадовать* (СВ) и *обрадоваться* (СВ). Семантика и синтаксис // Труды ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. № 25. М., 2020. С. 115–130.
13. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М., 1993.
14. ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 8–20. М., 1981–1994.

REFERENCES

1. Apresyan V.Yu. *Valentnost' stimula u russkikh glagolov so znacheniem emocij: svyaz' semantiki i sintaksisa* // RYANO. 2015. № 1 (29). S. 28–66. (In Russ.)
2. Babaeva E.E., Zhuravlev A.F., Makeeva I.I. *O proekte "Istoricheskogo slovarja sovremennogo russkogo jazyka"* // Voprosy Jazykoznanija. 1997. № 2. S. 34–46. (In Russ.)
3. Vasil'ev L.M. *Semantika russkogo glagola*. M., 1981. (In Russ.)
4. Zaliznyak A.A. *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniya i slovar'*. M., 2019. (In Russ.)
5. Iordanskaja L.N. Popytka leksikograficheskogo tolkovanija grupy russkikh slov so znacheniem chuvstva. *Mashinnyj perevod i prikladnaja lingvistika*. 1970. Vyp. 13. S. 3–26. (In Russ.)
6. *SDJA — Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.)*. T. 2–10. M., 1989–2013. (In Russ.)
7. *SRJA XVIII v. — Slovar' russkogo jazyka XVIII veka*. Vyp. 4–9. L., 1988. (In Russ.)
8. *Novyj objasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka*. Pod red. Ju.D. Apresjana. Izd. 2-oe, ispravlennoe i dopolnennoe. M.; Vena, 2004. (In Russ.)
9. *SIRJA — Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.* Vyp. 3–30. M., 1976–2015. (In Russ.)
10. *SSJA — Slovar' staroslavjanskogo jazyka*. Reprintnoe izd. T. 1. SPb., 2006. (In Russ.)
11. Fasmer M. *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka*. T. 4. M., Progress, 1987 (In Russ.).
12. Hrakovskij V.S. *Dve pary glagolov: radovat' (NSV) i radovat'sya (NSV), obradovat' (SV) i obradovat'sya (SV)*. *Semantika i sintaksis* // Trudy IRYA im. V.V. Vinogradova RAN. № 25. M., 2020. S. 115–130. (In Russ.)
13. Chernyh P.Ja. *Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka*. T. 1. M., Russkij jazyk, 1993. (In Russ.)
14. *JeSSJA — Jetimologicheskij slovar' slavjanskih jazykov*. Pod red. O.N. Trubacheva. Vyp. 8–20. M., 1981–1994. (In Russ.)

Поступила в редакцию 12.01.2022

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 12.01.2022

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Makeeva Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, irinamakeeva2007@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina Makeeva — Candidate of Philological Sciences (Ph. D.), Senior Researcher, Department of Linguistic Source Study and History of the Russian Literary Language, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, irina-makeeva2007@mail.ru

НЕПОЛНОЕ ПОГЛОЩЕНИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ ПРИ УНИВЕРБАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

С.С. Ключенович

*Минский государственный лингвистический университет,
Республика Беларусь, Минск, sergej.dolm.rd@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматриваются синтаксико-словообразовательные комплексы с группообразующим композитом, первый компонент которого обнаруживает тесную смысловую связь с препозитивным либо постпозитивным атрибутом. Указанные комплексы исследуются на предмет неполного поглощения словосочетания как составной части более крупной синтаксической группы при словообразовательном контакте с лексемой, которая в результате универбации становится опорным компонентом композита. Цель статьи состоит в исследовании случаев несовпадения синтаксической и семантической структур именной группы с композитным универбом в качестве главного слова. Подобные случаи возможны в результате неполного поглощения композитом исходного адъективно-субстантивного или субстантивно-субстантивного словосочетания в ходе акта универбации. В статье показана специфика вхождения словосочетания первого типа как составной части более крупной группы в состав универба, установлены закономерности частичного поглощения словосочетаний второго типа, вскрыты причины и прагматика несоответствия синтаксической и семантической структур именной группы с композитным универбом в качестве главного слова. Основными результатами исследования можно считать следующие. Адъективно-субстантивное словосочетание как составная часть более крупной группы может входить своей субстантивной частью в состав универба. В результате универбации прилагательное как препозитивный атрибут синтаксически «переключается» на опорный компонент композита, сохраняя при этом смысловую соотнесённость с субстантивной лексемой исходного словосочетания. В случае частичного поглощения субстантивно-субстантивного словосочетания, одна часть такой группы входит в состав универба, другая перемещается в постпозицию. В результате вклинивания опорного компонента композита нарушается синтаксическая целостность исходного субстантивно-субстантивного сочетания при одновременном сохранении его смысловой целостности. Неполное поглощение универбом исходного словосочетания становится причиной несоответствия синтаксической и семантической структур конечной именной группы, что свидетельствует о смысловой усложненности этих конструкций. Появление таких конструкций легитимируется прагматической установкой на экономию языкового выражения.

Ключевые слова: универбация; группообразующий композит; синтаксико-словообразовательный комплекс; неполное поглощение словосочетания; аграмматичный атрибут; препозитивный атрибут; постпозитивный атрибут; языковая экономия

Для цитирования: Ключенович С.С. Неполное поглощение словосочетания при универбации в современном немецком языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 40–50.

PARTIAL ABSORPTION OF A WORD COMBINATION DURING UNIVERBATION IN MODERN GERMAN

Sergey Klyuchenovich

*Minsk State Linguistic University, Republic of Belarus, Minsk,
sergej.dolm.rd@gmail.com*

Abstract: The article discusses syntactic and word-formation units with a group-forming compound, the first component of which has a close semantic relationship with a prepositive or postpositive attribute. These units are examined for partial absorption of a word combination as part of a larger syntactic group in word-formative contact with the lexeme which becomes the main compound component as a result of univerbation. The purpose of the article is to study cases of divergence between syntactic and semantic structures of a nominal group with a compound as the main word. Such cases are possible as a result of partial absorption of an initial adjective-substantive or substantive-substantive word combination during univerbation. The article shows the nature of including the former word combination into a univverb, finds regularities of partial absorption of the latter word combination, reveals causes and pragmatics of divergence between syntactic and semantic structures of the nominal group with a compound as the main word. The main findings of the study are as follows. An adjective-substantive word combination within a larger group can be included into a univverb structure with its substantive part. As a result of univerbation, the adjective as a prepositive attribute syntactically “switches” to the main component of the compound, while maintaining semantic correlation with the substantive lexeme of the initial word combination. In case of partial absorption of a substantive-substantive word combination, one part of such a group is included into a univverb, while the other moves to the postposition. Wedging the main component of the compound disrupts the syntactic integrity of the initial substantive-substantive combination, while maintaining its semantic integrity. Partial absorption becomes the reason for divergence between the syntactic and semantic structures of the finite nominal group, which shows semantic complexity of these constructions. Such constructions are legitimized by language economy pragmatics.

Key words: univerbation; group-forming compound; syntax and word-formation complex; partial absorption of a word combination; agrammatical attribute; prepositive attribute; postpositive attribute; language economy

For citation: Klyuchenovich S. (2022) Partial absorption of a word combination during univerbation in modern German. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 40–50.

Введение. Согласно В.Г. Адмони, исследования на протяжении почти трех столетий проблематики, связанной с переходом ряда языков от синтетизма к аналитизму, «трактуют грамматику как систему построения слова в его соотношении с предложением» [Адмони, 1994: 7]. Важно отметить, что «при этом, как правило, не затрагивается, по крайней мере эксплицитно, роль грамматической группы слов как структурной посредницы между словом и предложением» [там же]. Тем не менее данная проблематика представляет безусловный интерес для лингвистического осмысления. Объектом настоящего исследования являются синтаксико-словообразовательные комплексы с группообразующим композитом, первый компонент которого обнаруживает тесную смысловую связь с препозитивным либо постпозитивным атрибутом. Указанные комплексы исследуются на предмет неполного поглощения словосочетания как составной части более крупной синтаксической группы при словообразовательном контакте с лексемой, которая в результате универбации становится опорным компонентом композита.

Цель статьи состоит в исследовании случаев несовпадения синтаксической и семантической структур именной группы с композитным универбом в качестве главного слова. Подобные случаи возможны в результате неполного поглощения композитом исходного словосочетания в ходе акта универбации. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: а) проследить специфику вхождения адъективно-субстантивного словосочетания как составной части более крупной группы в состав универба; б) установить закономерности частичного поглощения субстантивно-субстантивных словосочетаний; в) вскрыть причины и прагматику несоответствия синтаксической и семантической структур именной группы с композитным универбом в качестве главного слова.

Материалом исследования послужили произведения немецкой художественной прозы, тексты прессы, а также законодательные акты ФРГ. Актуальность представленного исследования обусловлена направленностью его проблематики на дальнейшую разработку функционально-коммуникативного подхода к языку. Указанный подход предполагает рассмотрение общих и частных языковых категорий, форм, единиц под углом зрения их охвата «языком в действии», т. е. контекстами функционирования, интенциями и прагматическими установками. Специфика языкового материала говорит

о большом потенциале исследуемых конструкций в плане компактного представления сложного содержания, экономии выразительных средств, образования синтаксических групп, выстраивания структуры текста. Методы проведенного исследования реализуются в комплексе, который помимо приемов контекстуального и компонентного анализа включает метод валентностного анализа и анализа сочетаемости лексем, а также процедуры трансформационного анализа.

1. Участие адъективно-субстантивного словосочетания в образовании универба. Классический немецкий композит структурирован таким образом, что определяемый компонент является опорным, т.е. задает как особенности синтаксического поведения композита, так и характер его семантики. Так, в словосочетании *teueres Sportauto* дорогим является автомобиль (*teueres Auto*), а не спорт (**teuerer Sport*). Как видим, в подобных грамматически канонизированных словосочетаниях прилагательное соотносится с опорным компонентом субстантивного композита.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на фиксируемые в текстах реализации как случаи семантической соотнесенности препозитивного адъективного атрибута не с определяемым, а с определяющим компонентом субстантивного композита. В частности, это такие примеры, как:

а) *Sie inhaliert so heftig, daß der Körper mit **trockenen Hustenstößen** antwortet.* [Lenz, 1991: 144] 'Она делает такой резкий вдох, что тело отвечает позывами к сухому кашлю (^{*1} сухими кашля позывами)' ← *trockener Husten* 'сухой кашель';

б) *Beschüsse von **zivilen Menschenansammlungen*** [Rheinischer Merkur, 1997: 4] 'обстрелы скоплений гражданского населения (^{*}гражданских людей скоплений)' ← *zivile Menschen* 'гражданские лица';

в) *französischen Medienberichten zufolge* [Süddeutsche Zeitung, 2020] 'согласно сообщениям французских СМИ (^{*}французским СМИ сообщениям)' ← *französische Medien* 'французские СМИ';

д) *...der "militärische Widerstand" gehe weiter, bis der **israelische Truppenabzug** "vollständig" abgeschlossen sei...* [Wiener Zeitung, 2000] '«военное сопротивление» будет продолжаться, пока вывод израильских войск (^{*}израильский войск вывод) не будет завершен «полностью»' ← *israelische Truppen* 'израильские войска';

е) *die **britische Kapazitätsauslastung*** [Handelsblatt, 1999: 9] 'загрузка британских мощностей (^{*}британская мощностей загрузка)' ← *britische Kapazitäten* 'британские мощности';

¹ Буквальный перевод.

f) *persönlicher Anwendungsbereich* [AGB-G, 2000: 24] ‘сфера персонального применения (*персональная применения сфера)’

g) *berufspraktische Studienzeiten* [BRRG, 2000: 14] ‘периоды профессионально-практического обучения (*профессионально-практические обучения периоды)’

В а – g после стрелки приводится исходное адъективно-субстантивное словосочетание, вошедшее своей субстантивной частью в состав универба. В результате универбации в соответствии с нормами грамматики прилагательное как препозитивный атрибут синтаксически «переключается» на опорный компонент композита, сохраняя при этом смысловую соотнесённость с субстантивной лексемой исходного словосочетания, т. е. возникает своего рода «грамматическая иллюзия» [ср. Haider, 2011; Meinunger, 2014]. Например:

trockener Husten + Stöße = *trockene Hustenstöße*

persönliche Anwendung + Bereich = *persönlicher Anwendungsbereich*

Тот факт, что препозитивный адъективный атрибут семантически соотносится с первым компонентом композита, говорит о соответствующей семантической расчлененности компонентов универба. Думается, что как раз подобная аналитичность композитов, возникающих как результат универбации в рамках конкретного текста, и позволяет опорной лексеме и адъективно-субстантивному словосочетанию образовывать единый синтаксико-словообразовательный комплекс, скрепляемый общей семантикой. Наличие подобных конструкций в современном немецком языке и, прежде всего, именно смысловая структура подобных полилексемных синтетико-аналитичных единств подтверждает тезис В.М. Павлова о том, что основными единицами речевой деятельности являются скорее не слова и предложения, как это может показаться с поверхностно-формальной точки зрения, сколько лексемы и их сочетания [Павлов, 1985]. Согласимся с австрийскими лингвистами Х. Ортнер и Л. Ортнер, которые считают, что во многих случаях на «грамматичный» адъективный атрибут в препозиции к универбу (“das “schiefe” Attribut”) возлагается функция разгрузить композит [Ortner, 1984: 188].

Немецкий лингвист Ю. Винклер, детально анализируя существующие в лингвистике, в большинстве своем фрагментарные, подходы

к проблеме «аграмматичного» атрибутирования, логичным образом ставит вопрос о необходимости переосмыслить соотношение таких центральных сфер грамматики, как морфология и синтаксис [Winkler, 2015: 138].

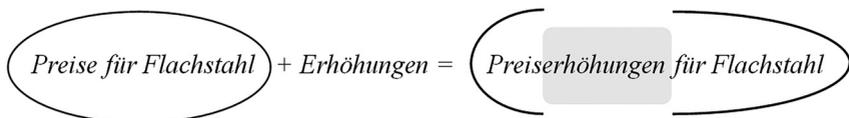
2. Частичное поглощение субстантивно-субстантивного словосочетания в ходе акта универбации. Участвовать в процессах универбации могут, как свидетельствует наша картотека, также словосочетания с иным частеречным составом. Проиллюстрируем это на примерах:

h) *weitere Preiserhöhungen für Flachstahl* [Hajek, 2008: 108] ‘очередное повышение цен на листовую сталь (*очередные ценовые повышения на листовую сталь)’ ← *Preise für Flachstahl* ‘цены на листовой металл’;

i) *Die von russischer Seite genannte Opferzahl unter den Zivilisten* ‘названное российской стороной число жертв среди гражданского населения (*жертв число среди гражданских)’ ← *die Opfer unter den Zivilisten* ‘жертв среди гражданского населения’ [Ludwig, 2021];

j) *Vertretungsbefugnis für Personenzusammenschlüsse* [EGBGB, 2000: 10] ‘полномочия на представление интересов членов брачного союза (*представительские полномочия по отношению к брачным союзам)’ ← *Vertretung des Personenzusammenschlusses* ‘представление интересов членов брачного союза’.

В примерах *h – j* в качестве исходных фигурируют субстантивно-субстантивные словосочетания. Как видим, структура таких именных групп может включать также предлог (*h, i*) и/или артикль (*i, j*). Одна часть такой группы входит в состав универба, другая перемещается в постпозицию.

Обращает на себя внимание тот факт, что перемещение непоглощенной части в постпозицию может происходить при сохранении (*h, i*) или изменении (*j*) синтаксического управления.

Как видим, в результате вклинивания опорного компонента композита (тонируемый прямоугольник) нарушается синтаксическая целостность исходного субстантивно-субстантивного словосочетания при одновременном сохранении его смысловой целостности, которая показана на схеме выше в виде овального контура.

Думается, преимущество частичного поглощения исходной субстантивно-субстантивной группы в результате вовлечения в процесс универбации можно усмотреть в упрощении синтаксической структуры всей конструкции, т. е. вместо

die Zahl der Opfer unter den Zivilisten

мы получаем

die Opferzahl unter den Zivilisten.

Наблюдаемое в *a – k* «несоответствие» синтаксической и семантической структур конечной именной группы свидетельствует о смысловой усложнённости этих конструкций. В экстремальных случаях, по мнению Ю.Э. Шмидта, может иметь место «перцептивная блокада» [Schmidt, 1993: 234]. Абстрагируясь от одиозно-легендарных примеров типа *reitende Artilleriekaserne* ‘*конная артиллерии казарма’, *vierstöckiger Hausbesitzer* ‘*четырёхэтажный домовладелец’ [Bergmann, 1980: 236; Burkhardt, 1999], которые изначально создаются как стилистически не-нейтральные, как комичные в силу ярко выраженной семантической несовместимости адъективного атрибута и опорного компонента [Fleischer, 1974: 60, 99], мы солидаризируемся с исследователями, которые допускают возможность возникновения проблем в плане интерпретации конструкций, образуемых в результате «аграмматичного» атрибутирования. Вместе с тем лингвисты признают грамматическую приемлемость таких конструкций [Zifonun, 1999: 12], в том числе в силу их широкого распространения в современном дискурсе (“sprachüblich”) и принятия социально-языковой общностью (“tolerierete Strukturen”) [Winkler, 2015: 137].

На наш взгляд, важное наблюдение сформулировано Х. Хертлем в отношении конструкций с постпозитвным атрибутом типа *Designanalyse des Geschirrs* ‘анализ дизайна посуды (*дизайна анализ посуды)’. Согласно его мнению, окказиональные образования легитимируются прагматической установкой извне (“occasional formations which are licensed through pragmatic intervention”) [Härtl, 2013: 168], т. е. речь идет об установке на экономию языкового выражения, которой противостоит задача обеспечить возможность интерпретации компактированной конструкции. В этом плане Х. Хертль предлагает взглянуть на конкуренцию правил морфологии и синтаксиса также с точки зрения теории оптимальности [Härtl, 2013: 174].

Б.Ю. Норман, исследуя различные типы синтаксических трансформаций фразы или её фрагментов, в том числе синтаксическое смещение, формулирует важный принцип: «Все эти преобразования не так уж индивидуальны, не так уж непредсказуемы. За ними стоят скрытые образцы, имеющие некоторые эксплицитные (внешние) признаки» [Норман, 2013: 165]. В нашем сознании происходит закрепление этих образцов. «Со временем они «автоматизируются» и кодифицируются» [там же: 153].

Заключение. Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Адъективно-субстантивное словосочетание как составная часть более крупной группы может входить своей субстантивной частью в состав универба. В результате универбации прилагательное как препозитивный атрибут синтаксически «переключается» на опорный компонент композита, сохраняя при этом смысловую соотнесенность с субстантивной лексемой исходного словосочетания. Последнее свидетельствует о семантической расчлененности компонентов универба. Указанная аналитичность композитов, возникающих как результат универбации в рамках конкретного текста, позволяет опорной лексеме и адъективно-субстантивному сочетанию образовывать единый синтаксико-словообразовательный комплекс, скрепляемый общей семантикой.

2. Частичное поглощение может касаться и субстантивно-субстантивных словосочетаний. Одна часть такой группы входит в состав универба, другая перемещается в постпозицию. В результате вклинивания опорного компонента композита нарушается синтаксическая целостность исходного субстантивно-субстантивного сочетания при одновременном сохранении его смысловой целостности. Преимущество частичного поглощения исходной субстантивно-субстантивной группы в результате вовлечения в процесс универбации можно усмотреть в упрощении синтаксической структуры всей конструкции, т. е. в уменьшении количества ее звеньев.

3. Неполное поглощение универбом исходного словосочетания становится причиной несоответствия синтаксической и семантической структур конечной именной группы, что свидетельствует о смысловой усложненности этих конструкций. Появление таких конструкций легитимируется прагматической установкой на экономии языкового выражения. Вместе с тем ей противостоит задача обеспечить возможность интерпретации компактированной конструкции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. СПб., 1994.
2. Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка М., 2013.
3. Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985.
4. Bergmann R. Verregnete Feriengefahr und Deutsche Sprachwissenschaft. Zum Verhältnis von Substantivkomposition und Adjektivattribut // Sprachwissenschaft. 1980. Н. 5 (3). S. 234–265.
5. Burkhardt A. Gut erhaltene Knochenfunde von Urmenschen. Zu einigen typischen Attributfehlern in der deutschen Gegenwartssprache // Sprachreport. 1999. Н. 2. S. 2–10.

6. *Fleischer W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 3., überarb. Aufl. Leipzig, 1974.
7. *Haider H.* Grammatische Illusionen. Lokal wohlgeformt – global deviant // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2011. H. 30. S. 223–257.
8. *Härtl H.* Arguments of non-heads // *Interfaces of morphology*. A festschrift for Susan Olsen / Hg. H. Härtl. Berlin, 2013. S. 163–178.
9. *Meinunger A.* Grammatische Illusionen und sprachliche Realitäten — Bemerkungen zum Sprachvermögen // *Skandal im Sprachbezirk* / Hg. M. Neef, I. Lang-Groth, S.R. Borgwaldt, I. Forster. Frankfurt a.M., 2014. S. 239–265.
10. *Ortner H., Ortner L.* Zur Theorie und Praxis der Kompositaforschung Tübingen, 1984.
11. *Schmidt J. E.* Die deutsche Substantivgruppe und die Attribuierungskomplikation. Tübingen, 1993.
12. *Winkler J.* Kleine Geschichte der „schiefen Attribute“ // *ZAS Papers in Linguistics*. 2015. Nr. 58. S. 124–139.
13. *Zifonun G., Vogt M., Eisenberg P.* Kritikversuch an einem Sprachkritiker. Drei Kritiken zu einem Beitrag von A. Burkhardt // *Sprachreport*. 1999. H. 4. S. 10–14.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- AGB-G = Gesetz zur Regelung des Rechts der Allgemeinen Geschäftsbedingungen // *Zivilrecht: Wirtschaftsrecht*. Baden-Baden, 2000.
- BRRG = Rahmengesetz zur Vereinheitlichung des Beamtenrechts // *Öffentliches Recht*. Baden-Baden, 2000.
- Der letzte Israeli verließ Südlibanon // *Wiener Zeitung*. 25.05.2000. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/welt-europa/weltpolitik/350889_Der-letzte-Israeli-verliess-Suedlibanon.amp.html (дата обращения: 17.09.21).
- EGBGB = Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuche // *Zivilrecht: Wirtschaftsrecht*. Baden-Baden, 2000.
- Hajek S.* Nur verdrängt // *Wirtschaftswoche*. 2008. Nr. 28. S. 108–111.
- Handelsblatt*. 1999. Nr. 186.
- Lenz S.* Das Vorbild. München, 1991.
- Ludwig M.* Erinnerungen an Tschetschenien // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/im-suedossetischen-kriegsgebiet-erinnerungen-an-tschetschenien-1678662-p2.html> (дата обращения: 05.05.21).
- Mutmaßlicher Täter ist nicht vernehmungsfähig / *SZ/dpa/aner* // *Süddeutsche Zeitung*. 29.10.2020. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/nizza-messerattacke-ermittlungen-1.5099085> (дата обращения: 16.09.21).
- Rheinischer Merkur*. 1997. Nr. 29.

REFERENCES

1. Admoni V.G. *Sistema form rechevogo vyskazyvaniya* [Speech expression form system]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 153 p. (In Russ.)
2. Norman B.Yu. *Kognitivnyi sintaksis russkogo yazyka* [Cognitive syntax of the Russian language]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2013. 256 p. (In Russ.)
3. Pavlov V.M. *Ponyatie leksemy i problema otnoshenii sintaksisa i slovoobrazovaniya* [The concept of lexeme and the problem of relations of syntax and word formation]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 300 p. (In Russ.)
4. Bergmann R. Verregnete Feriengefahr und Deutsche Sprachwissenschaft. Zum Verhältnis von Substantivkomposition und Adjektivattribut [Verregnete Feriengefahr

and Deutsche Sprachwissenschaft. About the relation between noun composition and adjective attribute]. *Sprachwissenschaft*, 1980, 5, 3, pp. 234-265. (In Germ.)

5. Burkhardt A. Gut erhaltene Knochenfunde von Urmenschen. Zu einigen typischen Attributfehlern in der deutschen Gegenwartssprache [Gut erhaltene Knochenfunde von Urmenschen. Some typical attribute errors in the German contemporary language]. *Sprachreport*, 1999, 2, pp. 2-10. (In Germ.)
6. Fleischer W. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache* [Word formation of the German contemporary language]. 3d, rev. ed. Leipzig, Bibliograph. Inst. Publ., 1974, 362 p. (In Germ.)
7. Haider H. Grammaticale Illusionen. Lokal wohlgeformt — global deviant [Grammatical illusions. Locally well-shaped — globally deviant]. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2011, 30, pp. 223-257. (In Germ.)
8. Härtl H. Arguments of non-heads. *Interfaces of morphology. A festschrift for Susan Olsen* [ed. by Härtl H.]. Berlin, Akademie Verlag, 2013, pp. 163-178.
9. Meinunger A. Grammaticale Illusionen und sprachliche Realitäten — Bemerkungen zum Sprachvermögen [Grammatical illusions and linguistic realities — remarks on language skills]. *Skandal im Sprachbezirk* [ed. by Neef M., Lang-Groth I., Borgwaldt S.R., Forster I.]. Frankfurt a.M., Peter Lang Verlag, 2014, pp. 239-265. (In Germ.)
10. Ortner H., Ortner L. *Zur Theorie und Praxis der Kompositaforschung* [On the theory and practice of compounds' research]. Tübingen, Gunter Narr Verl., 1984. 406 p. (In Germ.)
11. Schmidt J.E. *Die deutsche Substantivgruppe und die Attribuierungskomplikation* [The German noun group and the attribution complication]. Tübingen, Max Niemeyer Verl., 1993. 376 p. (In Germ.)
12. Winkler J. Kleine Geschichte der „schiefen Attribute“ [Small history of “wrong attributes“]. *ZAS Papers in Linguistics*, 2015, 58, pp. 124-139. (In Germ.)
13. Zifonun G., Vogt M., Eisenberg P. Kritikversuch an einem Sprachkritiker. Drei Kritiken zu einem Beitrag von A. Burkhardt [Attempt to criticize a language critic. Three reviews for a contribution by A. Burkhardt]. *Sprachreport*, 1999, 4, pp. 10-14. (In Germ.)

SOURCES OF EXAMPLES

AGB-G = Gesetz zur Regelung des Rechts der Allgemeinen Geschäftsbedingungen. *Zivilrecht: Wirtschaftsrecht* [Civil law: Business law]. Baden-Baden, Nomos-Verl.-Ges., 2000. (In Germ.)

BRRG = Rahmengesetz zur Vereinheitlichung des Beamtenrechts. *Öffentliches Recht* [Public law]. Baden-Baden, Nomos-Verl.-Ges., 2000. (In Germ.)

Der letzte Israeli verließ Südlibanon. *Wiener Zeitung*, 25.05.2000. URL: https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/welt-europa/weltpolitik/350889_Der-letzte-Israeli-verliess-Suedlibanon.amp.html (accessed: 17.09.2021). (In Germ.)

EGBGB = Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuche. *Zivilrecht: Wirtschaftsrecht* [Civil law: Business law]. Baden-Baden, Nomos-Verl.-Ges., 2000. (In Germ.)

Hajek S. Nur verdrängt. *Wirtschaftswoche*, 2008, 28, pp. 108-111. (In Germ.)
Handelsblatt, 1999, 186. (In Germ.)

Lenz S. *Das Vorbild*. München, Deutscher Taschenbuch Verl., 1991. 345 p. (In Germ.)

Ludwig M. Erinnerungen an Tschetschenien. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/im-suedossetischen-kriegsgebiet-erinnerungen-an-tschetschenien-1678662-p2.html> (accessed: 05.05.2021). (In Germ.)

Mutmaßlicher Täter ist nicht vernehmungsfähig / SZ/dpa/aner. *Süddeutsche Zeitung*, 29.10.2020. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/nizza-messerattacke-ermittlungen-1.5099085> (accessed: 16.09.2021). (In Germ.)
Rheinischer Merkur, 1997, 29. (In Germ.)

Поступила в редакцию 12.01.2022
Принята к публикации 15.02.2022
Отредактирована 20.03.2022

Received 12.01.2022
Accepted 15.02.2022
Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Ключенович Сергей Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета, sergej.dolm.rd@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Sergey Klyuchenovich — PhD, Associate Professor, Postdoctoral Researcher, Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University, sergej.dolm.rd@gmail.com

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ НАЧАЛА ДЕЙСТВИЯ В РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ XV–XVI вв.

А.Д. Шурхаленко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, alena.shurkhalenko@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются способы выражения начала действия в летописях XV–XVI вв. Показано, что в старорусский период в летописях представлен как аналитический способ для выражения начала действия — при помощи инфинитивных конструкций с глаголами начала действия, так и синтетический — посредством глаголов начинательного способа действия. Для летописей XV–XVI вв. характерно разнообразие глаголов начала действия (*начати, почати, учати*, а также *стати*) и более широкие возможности их сочетаемости (способность сочетаться с глаголами состояния и другими обозначающими нечленимые на фазы ситуации). Глагол *стати* в летописную традицию XV–XVI вв. только начинает проникать. Среди глаголов начинательного способа действия преобладают глаголы однонаправленного движения с приставкой *по-*, что, вероятно, связано с невозможностью выразить начало движения аналитическим способом — отсутствием соответствующих инфинитивных сочетаний с глаголами типа *почать/ начать*. В прочих случаях преобладает аналитический способ выражения начала действия — видимо, в старорусский период он еще доминировал над словообразовательным выражением начинательности.

Ключевые слова: глаголы начала действия *начати, почати, учати, стати*; начинательный способ действия; летописи; старорусский язык

Для цитирования: Шурхаленко А.Д. Способы выражения начала действия в русских летописях XV–XVI вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 51–59.

WAYS OF EXPRESSING THE BEGINNING OF ACTION IN THE RUSSIAN CHRONICLES OF THE 15TH–16TH CENTURIES

Alyona Shurkhalenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, alena.shurkhalenko@mail.ru

Abstract: This paper discusses the ways to express the beginning of action in the Russian chronicles of the 15th–16th centuries. The material for the study was: *Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu* (15th–16th c.), *Vologodsko-Permskaya letopis'* (15th–16th c.), *Novgorodskaya pervaya letopis' mladshhego izvoda* (15th c.), *Pskovskaya III letopis'* (16th c.). There are two ways of

expressing the beginning of action in the chronicles: an analytical method — using infinitive constructions with verbs of the beginning of an action, and a synthetic one — using verbs of the initial way of action. The chronicles of the 15th–16th centuries are characterized by a variety of verbs of the beginning of action (*nachati*, *pochati*, *uchati*, and also *stati*) and wider possibilities of their compatibility (the ability to combine with verbs of state and other verbs denoting situations that cannot be divided into phases). It can be concluded that the analytical way of expressing the beginning of action prevails in the chronicles — apparently, in the Late Old Russian period, it was still used more often than the word-formation means of expressing the beginning.

Key words: the verbs of the beginning of action *nachati*, *pochati*, *uchati* and *stati*; the initial way of action; chronicles; Late Old Russian language

For citation: Shurkhalenko A. (2022) Ways of Expressing the Beginning of Action in the Russian Chronicles of the 15th–16th Centuries. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 51–59.

Начало действия в летописях XV–XVI вв.¹, как и в современном русском языке, могло выражаться двумя способами: аналитическим — при помощи инфинитивных конструкций с глаголами начала действия, и синтетическим — посредством глаголов начинательного способа действия. Употребление этих способов выражения начала действия в летописях XV–XVI вв. имеет ряд особенностей, которые будут рассмотрены ниже.

1. Инфинитивные конструкции с глаголами начала действия

В сочетаниях с инфинитивом в летописях представлены глаголы начала действия с корнем *-ча/-чьн-* (*начати*, *почати*, *учати*), а также глагол *стати*. Разнообразие глаголов начала действия — первая особенность выражения начинательности в летописях XV–XVI вв. сравнительно с современным русским литературным языком, где в качестве таковых выступают только *начать* и *стать*². По-видимому, глаголы группы *-чьн-* семантически тождественны, о чем свидетельствует их синонимичное употребление в рамках одного контекста, ср.:

(1) *И князь Андрей нача ссылатися со княземъ Иваномъ, у князя у Ивана учаль правды просити* (НЛ, 1537, с. 118).

¹ Исследование выполнено на материале Никоновской летописи за XV–XVI вв. (НЛ), Вологодско-Пермской летописи (ВПЛ), Новгородской I летописи младшего извода за XV в. (НПЛмл) и Псковской III летописи (Пск.Зл.) — см. список источников.

² Глаголы *начати* и *почати* были употребительны и в древнерусский период, при этом глагол *начати* был более свойствен церковнославянской традиции [Юрьева, 2009; 2010: 1]. Что касается глаголов *учати* и *стати*, то они активизировались уже в XV–XVI вв. [Молдован, 2010: 7, 9].

(2) Царь **почаль** на князей невѣрку **дрѣжати**, «вы деи приводили вѣведѣ великаго князя», и **учаль** ихъ **убивати** (НЛ, 1545, с. 147).

(3) Приехавъ, **оучали** толко еще перемерья **просити** на 5 лѣтъ, и по семъ **начаша** и миръ **приконанцивати** [sic!] (Пск.Зл., 1473, л161об).

Другая значимая особенность глаголов начала действия, употребляемых в летописях XV–XVI вв., состоит в их способности сочетаться с глаголами состояния, что недопустимо в современном русском языке³. На древнерусском материале эта особенность глаголов *начати* /*почати* детально описана И.С. Юрьевой [Юрьева, 2010], важно отметить, что то же свойство сохраняют глаголы с корнем *-ча-/-чьн-* и в исследуемых текстах (см., например, в приведенном выше примере (2) *почаль дрѣжати* — см. об этом также [Шевелева, 2021]). В современном русском языке эти глаголы являются собственно фазовыми [Падучева, 2004: 180]. Функция фазового глагола начала действия состоит в том, что он делит ситуацию, обозначаемую инфинитивом, на начало и всё остальное и говорит именно о наступлении начальной фазы ситуации. Если же инфинитив обозначает состояние, использование собственно фазового глагола начала действия становится невозможным, поскольку состояние не имеет фаз [Падучева, 2004: 193–194]. Наличие сочетаний глаголов начала действия с глаголами состояния в летописях XV–XVI вв. подводит к мысли о том, что эти глаголы на тот момент не являлись собственно фазовыми, а выражали наступление ситуации как таковой — такая мысль была высказана И.С. Юрьевой по отношению к древнерусской эпохе [Юрьева, 2010], но и в старорусскую эпоху, по данным исследованных летописей, это свойство глаголов начала действия сохраняется, ср. примеры:

(4) Послы же псковскыи **начаша здати** <ждати> *изо Пскова Ярослава в Великои Новгород* (Пск.Зл., 1476, л169об)

(5) И **нача** оу них под Великим Новымгородом под стѣною стояниам (так!) **стояти** со вѣсьми своими силами (Пск.Зл., 1477, л187об).

(6) И оттолъ **начаша рознь быти** въ Казани: царь **почаль** на князей невѣрку **дрѣжати** (НЛ, 1545, с. 147).

(7) И **сталь владѣти** Казанію съ Крымъскыми князьми (НЛ, 1547, с. 149).

Обращает на себя внимание низкая частотность использования в летописях XV–XVI вв. глагола *стати* в сочетании с инфинитивом сравнительно с глаголами группы *-чьн-*; по всей видимости, в старорусский период *стати* только начинает проникать в летописную

³ То есть фазовые глаголы не могут сочетаться со стативами [Булыгина, Шмелев, 1997: 54], и фразы типа **Он начал знать, что его ждёт* с точки зрения современного русского языка неправильны [Апресян, 1995: 428].

традицию, о чем свидетельствуют и данные старорусского корпуса: примеры инхоативной конструкции стати + инфинитив в памятниках XV в. единичны [Молдован, 2010: 7; Пенькова, 2021: 66-70]. См. сопоставительные данные в табл. 1:

Таблица 1

	Глаголы группы <i>-чьн-</i>						Глагол стати (презент) в сочетании с инфинитивом	Глагол стати (прош. вр.) в сочетании с инфинитивом
	Начати (презент) + инфинитив	Начати (прош. вр.) + инфинитив	Почати (презент) + инфинитив	Почати (прош. вр.) + инфинитив	Учати (презент) + инфинитив	Учати (прош. вр.) + инфинитив		
НЛ за XV–XVI вв.	–	89	1	23	4	34	3	5
ВПЛ	–	140	2	5	1	2	–	–
НПЛмл за XV в.	–	15	–	1	–	–	–	–
Пск.Зл.	6	57	1	27	1	11	–	3

2. Глаголы начинательного способа действия

Глаголы начинательного способа действия в современном русском языке образуются при помощи префиксов *за-*, *по-*, *вз-*, а также префиксов *вз-*, *раз-* и постфикса *-ся* [АГ–80: 596–597]. В XV–XVI вв. начинательный способ глагольного действия оформлялся при помощи тех же формантов, причём, по данным Е.Н. Малыгиной, стремление глаголов к присоединению префикса *взз-* одновременно с возвратным энклитическим *-ся* (*возбужтисся*) обнаружилось именно в этот период [Малыгина, 1993: 18–21]. По мнению исследователя, это присоединение форманта *-ся* к глаголам психо-эмоционального состояния с префиксом *взз-* было призвано сгладить «взрывное» значение приставки *взз-* [там же]. Продолжение этого процесса можно увидеть в современных русских говорах, где глаголы с *-ся* являются фазовыми в противоположность глаголам без постфикса, ср.: *взбарабани́ться* ‘начать барабанить’ и *взбарабани́ть* ‘побить кого-л.’ [СРНГ, 1969: 239].

В летописях XV–XVI вв. наиболее часто употребляются глаголы начинательного способа действия с префиксом *по-*, представленные по большей части глаголами движения (см. ниже табл. 2). Однако начинательный префикс *по-* мог присоединяться не только к глаголам однонаправленного движения типа *ити->поити*, как это происходит в современном русском языке, но и к глаголу желания

хотѣти, создавая тем самым глагол *похотѣти* с начинательным значением ‘захотеть’ [СРЯ 11–17 вв., 18: 59]. Кстати сказать, начинательный префикс *по-* мог присоединяться к глаголам желания и восприятия также и в XVII–XVIII вв. [Авилова, 1964: 55–56]. Ср. примеры:

(8) *И поидоша подѣ Стародубѣ* (НЛ, 1535, с. 98) и под. — примеры многочисленны.

(9) *А Магмедѣ-Аминѣ царѣ да и вся земля Казанская дадутъ великому князю правду, какову князь великій похочетъ* (НЛ, 1516, с. 25).

(10) *И король не похотѣль съ намѣстники ссылатися, а захотѣль съ царемъ и великимъ княземъ ссылатися* (НЛ, 1555, с. 260). Этот пример примечателен и тем, что здесь глаголы *похотѣти* и *захотѣти* используются как синонимичные в одном контексте, имея одно и то же лексическое значение начала действия.

Встречаются глаголы начинательного способа действия с префиксами *за-* и *вз-*, однако они употребляются в исследованных летописях значительно реже образований с префиксом *по-* и отличаются меньшим разнообразием⁴.

(11) *Хошь, княже, и ты к намѣ поѣди, а не въсхошь, ино какъ тобѣ любо* (НПЛмл, 1442, л258об) — ‘Хочешь, князь, поезжай к нам, а не захочешь, то как тебе угодно’, ср. также в *захотѣль* примере (10).

(13) *Загорѣся градъ Владимиръ* (НЛ, 1536, с. 110).

(14) *А посады всѣ со всѣ стороны зажгоша* (ВПЛ, л383об, 1469).

Глаголы с префиксом *раз-* и формантом *-ся* представлены только семью примерами, ср.:

(15) *И владыка розгнѣвался и поеха прочь* (Пск.Зл., 1435, л74об).

3. Сопоставление инфинитивных конструкций с глаголами начала действия и глаголов начинательного способа действия

Встает вопрос о том, какой из двух способов выражения начинательности в старорусском языке XV–XVI вв. является предпочтительным и существует ли какое-то распределение тех и других структур. По данным летописей XV–XVI вв., более употребительными — и по разнообразию используемых лексем, и по количеству зафиксированных контекстов — оказываются инфинитивные конструкции с начинательными глаголами, ср. сопоставительные данные в табл. 2:

⁴ Относительно глаголов с префиксом *за-* это тем более обращает на себя внимание, что в современном русском языке «префикс *за-* является основным морфологическим средством выражения начинательности» [Стойнова, 2020: 1]. Разнообразие групп глаголов, образующихся при помощи префикса *за-* в начинательном значении, описано в работе [Зализняк Анна и Шмелёв, 2002: 211–219].

Таблица 2

Источники	Глаголы начинательного способа действия						Инфинитивные конструкции с глаголами начала действия
	За-	Въз-	Въз- -ся	Рас- (-ся)	По- (с глаголами движения)	По- (с глаголом хотетьи)	
НЛ за XV–XVI вв.	22	11		–	221	14	92
ВПЛ	15	17	14	2	41	–	73
НПЛмл за XV в.	15	5	1	1	15	–	17
Пск.Зл.	25	5	2	4	174	–	62

Отдельно следует сказать о глаголах движения с префиксом *по-*. Дело в том, что и сейчас невозможно сочетание **начал ехать*, но — только *поехал* (эта проблема поставлена ещё в [Хализева, 1976]), природа этой несочетаемости фазового глагола *начать* с глаголами движения до сих пор остается неясной [Падучева, 2010: 195]. В старорусский период ситуация была такой же — в исследованном материале сочетания типа **начал ехать* отсутствуют. Это, по всей видимости, объясняет численное превосходство глаголов с префиксом *по-* над другими глаголами начинательного способа действия: от глаголов движения начинательные инфинитивные конструкции не образуются — семантика начала движения словообразовательно оформилась, видимо, ещё в древнейшую эпоху и для выражения начала движения регулярно использовались глаголы начала движения с приставкой *по-* — инфинитивные конструкции с начинательными глаголами оказываются излишними. Ср. в табл. 3 синтетическое vs. аналитическое выражение начинательности от одних и тех же глаголов в исследованных летописях:

Таблица 3

Глагол начинательного способа действия	Инфинитивная конструкция с глаголом начала действия
<i>Бысть ему на поути на борзъ разболъся, мало поболъвъ, престаися на рече на Оуже</i> (Пск.Зл., 1353, л34).	<i>И нача болъти, и в тои болъзни и престаися к богу в жизнь въчноую</i> (Пск.Зл., 1272, л11).
<i>Князь великии преже восплакася</i> (ВПЛ, 1451, л359об).	<i>И нача пред образом всемилостиваго Спаса плакатися</i> (ВПЛ, 1480, л438).
<i>И загоръся Москва</i> (НПЛмл, 1445, л263об).	<i>Начашася напрасно святительскыя гробы внутри горъти</i> (НПЛмл, 1445, л263).
<i>Князь же Ондръй поъхаль къ собъ въ Старицу</i> (НЛ, 1537, с. 91).	Нет соответствия

Причиной предпочтения инфинитивных конструкций с глаголами начала действия глаголам начинательного способа действия можно считать недостаточную оформленность начинательного способа действия в старорусскую эпоху [Малыгина, 1993: 18–21], когда аналитический способ выражения начинательности был доминирующим.

ИСТОЧНИКИ

- ВПЛ — Полное собрание русских летописей. Вологодско-Пермская летопись. Т. XXVI. М., 2006.
- НЛ — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XII (1425–1506 гг.); Т. XIII (1506–1558 гг.). М., 2000.
- НПЛмл — Новгородская первая летопись младшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- Пск. Зл. — Псковская 3-я летопись // Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Отв. ред. Ф.П. Филин. М.; Л.: 1965–.
- СРЯ 11–17 вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под ред. С.Г. Бархударова. М., 1975.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авилова Н.С.* Развитие приставочного глагольного словообразования // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие, предлоги, союзы. М., 1964.
2. *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
3. *Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
4. *Зализняк Анна А., Шмелев А.Д.* Семантика ‘начала’ аспектологической точки зрения // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
5. *Малыгина Е.Н.* Развитие начинательного способа глагольного действия в русском языке XI–XVII вв.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993.
6. *Молдован А.М.* К истории фазового глагола *стать* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. №1 (19). С. 5–17.
7. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
8. *Пенькова Я.А.* К вопросу о грамматикализации глагола *стать* в истории русского языка // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности. СПб.; М., 2021.
9. *Русская грамматика* / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
10. *Стойнова Н.М.* Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. Начинательный префикс *за-*. URL: rusgram.ru/Инхоативный префикс за- (дата обращения: 17.04.2021).
11. *Шевелёва М.Н.* О конкурирующих конструкциях в истории формирования сложного будущего в русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2021. № 6.
12. *Юрвева И.С.* Особенности древнерусских инфинитивных сочетаний с глаголом *начати* // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 270–286.

13. Юрѳева И.С. Семантика глаголов *имѳти, хотѳти, начати (почати)* в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XI–XV вв.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.

SOURCES

- PSRL, XXVI. Vologodsko-Permskaya letopis'. Moscow, 2006.
- PSRL, XII–XIII. Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu. Moscow, 2000.
- PSRL, III. Novgorodskaya pervaya letopis' mladshego izvoda. Moscow; Leningrad, 1950.
- Pskovskie letopisi. Vypusk vtoroj / Ed. by A.N. Nasonov. Moscow, 1955.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov. Moscow; Leningrad, 1965–.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Moscow, 1975–.

REFERENCES

1. Avilova N.S. Razvitiye prstavoch'nogo glagol'nogo slovoobrazovaniya [Development of Verb Prefixation]. *Ocherki po istoricheskoi grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka. Glagol, narechie, predlogi, soyuzy* — Essays on the Historical Grammar of the Russian Literary Language of the XIX Century. Verb, Adverb, Prepositions, Conjunctions. Moscow, 1964.
2. Apresyan Yu.D. *Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral Language Description and System Lexicography]. Moscow, Yazyki russkoi kultury, 1995. 767p.
3. Bulygina T.V., Shmelyov A.D. Yazykovaya konceptualizatsiya mira (na materiale russkoj grammatiki) [Linguistic Conceptualization of the World (on the Basis of Russian Grammar)]. Moscow, Yazyki russkoj kultury, 1997.
4. Zaliznyak A. A., Shmelev A. D. Semantika nachala s aspektologicheskoy tochki zreniya [Semantics of Beginning from the Aspectological View Point]. *Logicheskij analiz yazyka. Semantika nachala i konca* — Logical Analysis of Language. The Semantics of the Start and End. Moscow, 2002, pp. 211–224. (In Russ.).
5. Malygina E.N. Razvitiye nachinatel'nogo sposoba glagol'nogo deistviya v russkom yazyke XI–XVII vv. [Development of the Initial Way of Verbal Action in the Russian Language of the 11th–17th centuries]. Moscow, 1993.
6. Moldovan A.M. K istorii fazovogo glagola *stat'* v russkom yazyke. [To the History of the Phase Verb *Stat'* in Russian]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2010, № 1 (19), pp. 5–17. (In Russ.)
7. Paducheva E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in the Semantics of Language]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'turi, 2004. 608 p.
8. Pen'kova Ya.A. K voprosu o grammatikalizatsii glagola *stati* v istorii russkogo yazyka [To the Grammaticalization of the Verb *Stati* in the History of the Russian Language]. *Slova, konstruksii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti* — Words, Constructions and Texts in the History of Russian Writing. Saint Petersburg; Moscow, 2021.
9. Russkaya grammatika [Russian Grammar]. Moscow, 1980.
10. Stoinova N.M. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki. Nachinatel'nyi prefiks *za-* [Russian Corpus Grammar. Initial Prefix *Za-*]. URL: rusgram.ru/Инхоативный префикс за- (accessed: 17.04.2021).
11. Sheveleva M.N. O konkuriruyushchikh konstruksiyakh v istorii formirovaniya slozhnogo budushchego v russkom yazyke [About Competing Constructions in the History of the Formation of a Complex Future in the Russian language]. *Vestnik Mosk. un-ta* [Moscow State University Bulletin], 2021. № 6.

12. Yur'eva I.S. Osobennosti drevnerusskikh infinitivnykh sochetanii s glagolom *nachati* [Features of Old Russian Infinitive Combinations with the Verb *Nachati*]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language and linguistic theory], 2010, №2 (20), pp. 270–286.
13. Yur'eva I.S. *Semantika glagolov imeti, khoteti, nachati (pochati) v sochetaniyakh s infinitivom v yazyke drevnerusskikh pamyatnikov XII–XV vv.* [Semantics of the Verbs *Imeti, Khoteti, Nachati (Pochati)* in Combination with the Infinitive in the Language of Ancient Russian Monuments of the 12th–15th Centuries]. Moscow, 2009.

Поступила в редакцию 09.01.2022

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 09.01.2022

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Шурхаленко Алёна Дмитриевна — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, alena.shurkhalenko@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alyona Shurkhalenko — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, alena.shurkhalenko@mail.ru

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ УНИФИКАЦИИ ТВЕРДОГО И МЯГКОГО ВАРИАНТОВ В **ā*-СКЛОНЕНИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕЛОВЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ И РЯЗАНСКОГО КРАЯ)

Т.В. Хадыева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, tanya.hadyeva@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена одной особенности унификации твердого и мягкого вариантов в парадигме единственного числа склонения на **ā*, отраженной в деловых памятниках письменности. В первой части статьи дан обзор разных вариантов судьбы форм Р., Д. и М. пп. твердого и мягкого вариантов склонения в древнерусских и старорусских диалектах. На основании северо-западных памятников письменности ранее была поэтапно описана смена типа падежного синкретизма, произошедшая в говорах этой территории, тогда как для говоров центра и востока Руси этапы и относительная хронология унификации вариантов склонения имен существительных в разных граммемах до сих пор не были описаны. Анализ подлинных деловых памятников Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. и памятников Рязанского края второй половины XV и XVI вв., результаты которого представлены во второй части статьи, показал, что процесс унификации в формах Р., Д. и М. пп. склонения существительных с основой на **ā* шел с разной скоростью. Так, все без исключения встретившиеся в текстах формы Р. п. с исконно мягкими основами имеют новую флексию *-и*, пришедшую из твердого варианта, тогда как среди форм мягкого варианта склонения Д. и М. пп. встречаются примеры как с новыми флексиями, так и с исконными. На основании исследованного материала делается вывод о том, что раньше всего — к XIV–XV вв. — унификации разновидностей в единственном числе **ā*-склонения имен существительных подвергся Р. п., а в формах Д. и М. пп. процесс унификации проходил с отставанием не менее чем на век и еще не был завершен к XVI в.

Ключевые слова: история русского языка; историческая морфология; историческая диалектология; деловая письменность; склонение существительных; склонение на **ā*; унификация твердого и мягкого вариантов склонения

Для цитирования: Хадыева Т.В. Об одной особенности унификации твердого и мягкого вариантов в **a*-склонении имен существительных (на материале деловых памятников Северо-Восточной Руси и Рязанского края) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 60–68.

ON A CHARACTERISTIC OF THE UNIFICATION OF HARD-STEM AND SOFT-STEM NOUNS IN *Ā/*JĀ-DECLENSION (A STUDY OF BUSINESS DOCUMENTS OF NORTHEASTERN RUS' AND RYAZAN REGION)

Tatiana Khadyeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, tanya.hadyeva@gmail.com

Abstract: The article examines features of the unification of hard-stem and soft-stem in singular forms of *ā/*jā-stem nouns, which is reflected in business handwritten texts. The first part of the article provides a description of the relevant grammatical forms in different dialects of Old Russian and Modern Russian. In previous works, the change of case syncretism in the dialects of northwestern Russia was described step by step on the basis of northwestern handwritten texts, while for the central and eastern Russian dialects the stages and relative chronology of the unification of hard-stem and soft-stem forms in different grammemes have not been described. The second part of the article presents an analysis of the original business documents of Northeastern Rus' (14–15th centuries) and Ryazan Region (the second half of the 15th century and the 16th century). These texts showed that the unification in the genitive, dative and locative cases proceeded at different rates. All forms of the genitive case found in the documents have a “new” hard-stem ending *-u*. This means they have already undergone the unification, while among the dative and locative forms there are both examples with “new” and “old” endings. Based on the studied material, it was concluded that the unification of hard- and soft-stems in the genitive case was completed by the 14–15th centuries. As for the dative and locative cases, in these grammemes the process of the unification took place at least a century later and was not yet completed by the 16th century.

Key words: History of the Russian language; Historical morphology; Historical dialectology; Business writing; Noun declension; *Ā/*JĀ-stem declension; Unification; Hard-stem and soft-stem nouns

For citation: Khadyeva T.V. (2022) On a characteristic of the unification of hard-stem and soft-stem nouns in *ā/*jā-declension (a study of business documents of Northeastern Rus' and Ryazan Region). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 60–68.

На пути к современному состоянию морфологическая система древнерусского языка претерпела множество преобразований, в том числе такое масштабное, как унификация твердого и мягкого вариантов склонения имен существительных.

После падения редуцированных и перехода [e] в [o] флексии твердой и мягкой разновидностей в единственном числе различались только в следующих формах: 1) склонение на *ǫ: В. п. существительных мужского рода, М. п. мужского и среднего рода; 2) склонение

на *ā: Р., Д. и М. пп. (при этом формы двух последних всегда совпадают). В этой статье предметом анализа будут перечисленные граммемы *ā-склонения.

В разных диалектных зонах процесс унификации вариантов склонения существительных приводил к разным результатам.

В говорах центра, которые стали основой современного русского литературного языка, унификация заключалась в проникновении окончаний твердой разновидности склонения в парадигму исконной мягкой разновидности [Кузнецов, 1953: 93]. Такая же эволюция реконструируется для восточных ильменско-словенских (восточно-новгородских) говоров [Янин, Зализняк, 1993: 215]. В результате соответствующие формы единственного числа слов *ā-склонения стали выглядеть следующим образом: Р. п. *жены, земли*¹; Д.-М. пп. *жень, земля* (*жене, земле* в современном русском языке).

Был возможен и обратный процесс: тогда флексии мягкого варианта склонения вытесняли собой исконные флексии твердого варианта. Так произошло на западе восточноновгородской зоны (около озера Селигер) [там же]. Как следствие, парадигма склонения на *ā приобрела формы Р. п. *жень, земля* (*жене, земле* в СРЯ); Д.-М. пп. *жены, земли*.

Для древненовгородского диалекта (в узком смысле²), к которому восходят современные говоры северо-запада, также был характерен падежный синкретизм, но иной, с обобщенной флексией *-нъ*: Р.-Д.-М. пп. ед. ч. *жень, земля* [Зализняк, 2004: 97–98], т. е. здесь совпадение падежных форм и унификация твердого и мягкого вариантов склонения существительных произошла, по крайней мере, к началу письменного периода. Однако для древнепсковских (исконно севернокривичских) говоров по материалам немногочисленных дошедших до наших дней памятников письменности восстанавливается особая синкретичная падежная система с сохранением различия твердого и мягкого вариантов склонения: Р.-Д.-М. пп. *жень, земли* [Янин, Зализняк, 1993: 214]. В современных северо-западных говорах наблюдается падежный синкретизм с обобщенной флексией *-и* (*-ы*): Р.-Д.-М. пп. ед. ч. *жены, земли* [ДАРЯ II: карты 1–2]. Таким образом, в говорах северо-западной территории в процессе исторического

¹ В результате ряда изменений фонетической системы древнерусского языка звуки [и] и [ы] объединились в фонему <и> [Горшкова, Хабургаев, 1981: 81–82]. Таким образом, исконная флексия твердого варианта существительных *ā-склонения *-ы* фонологически тождественна «новой» флексии мягкого варианта *-и*.

² Древненовгородский диалект в узком смысле — диалект Новгорода и прилегающих к нему районов. Вероятно, выполнял функцию койне в древненовгородском государстве [Зализняк, 2004: 6].

развития русского языка произошла смена типа падежного синкретизма.

Ранние южнорусские памятники, которые могли бы дать исследователям информацию о том, какой механизм унификации вариантов склонения существительных действовал в южных говорах, до наших дней не дошли. В современных южнорусских говорах широко представлена флексия Р. п. *-е* (*жене, земле*). Для ряда юго-западных диалектов отмечаются Д.-М. пп. с флексией *-и* (*-ы*) (*жены, земли*) [ДАРЯ II: карты 1–2]. По говорам встречаются различные системы, в том числе такие, где в Р. п. представлено и окончание *-и* (*-ы*), и окончание *-е*, а выбор окончания зависит от морфолого-синтаксической конструкции: беспредложные формы собственно родительного падежа образуются при помощи флексии *-и* (*-ы*) (*жены*), а в предложно-падежных формах отложительного падежа используется флексия *-е* (*от жене*) [Хабургаев, 1990: 90–91]

Как любой морфологический процесс, унификация вариантов склонения имен существительных не была одномоментной и происходила на протяжении нескольких веков. Поэтому в памятниках часто сосуществуют формы слов мягкой разновидности склонения со «старыми» (еще не поддавшимися унификации) и «новыми» (проникшими в парадигму в результате унификации) флексиями. При этом в разных типах склонения и даже в разных граммемах новые формы могли распространяться с неодинаковой скоростью. Письменные памятники северо-западного происхождения позволяют проследить этапы и хронологию перехода от падежного синкретизма с флексией *-ь* к синкретизму с флексией *-и* (*-ы*) [Галинская, 1991: 30–31, 35], в то время как этапы формирования современных единых для твердого и мягкого варианта форм Р. и Д.-М. пп. в центральных и восточных говорах до сих пор выявлены не были.

Проведенный нами анализ духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. (далее — ДДГ), а также памятников деловой письменности Рязанского края второй половины XV и XVI вв. (далее — ПРяз) показал, что унификация твердого и мягкого вариантов склонения в формах Р., Д. и М. пп. единственного числа существительных склонения на **ā* протекала неодинаково.

Всего было проанализировано 57 грамот великих и удельных князей, и 50 рязанских памятников. Тексты исследовались по изданиям [Духовные и договорные грамоты...] и [Памятники русской письменности...] соответственно. К изучению привлекались только подлинники, списки не рассматривались.

Изученные документы происходят с территории распространения говоров центра, которые впоследствии легли в основу русского литературного языка. Как уже упоминалось, унификация разновид-

ностей склонения имен существительных в этой диалектной зоне шла по твердому варианту, что и отражают исследованные тексты.

1. Родительный падеж

Все встретившиеся формы Р. п. единственного числа существительных мягкой разновидности **ā*-склонения как в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей (всего 142 словоформы), так и в рязанских текстах (всего 94 словоформы³) имеют «новое» окончание *-и*, которое возникло под влиянием твердого варианта. Некоторые примеры:

ДДГ: золото княгини № 1а, *ото княгини* № 2, *оу... княгини* № 2, *у Овци* № 3 (фамилия или прозвище), *чего забылъ напи^с(а)ти своее купли* № 3, *оу... бра^м(ъ)и* № 12, *изъ... воли* № 12, *опроче Гжели* № 21, *с... д(у)шы* № 28, *изъ земли* № 30а, *оу М(а)рьи* № 40, *съ семьи* № 59а, *с лодьи* № 63, *бе³ торговли* № 59а и т. д.

ПРяз: *из околицы* № 3, *отъ... др^вни* № 7, *до оусть Прони* (река Проня) № 7, *с той земли* № 12, *Покрова стъи б(огороди)ци* № 16, (*др^вна*) *великие кнгни* № 16, *оу троицы* № 20, (*дво^р*) *дяди мое^с* № 22, *у... дяди* № 25, *с той пожни* № 31, *и³ той деревни* № 31, *по прикасоу... кна(г)ини* № 43, *по прикасоу... Поро^ско^ви* № 43 и т. д.

2. Дательный падеж

Среди форм Д. п. слов мягкой разновидности склонения в обоих корпусах текстов были отмечены примеры словоформ как с исконной, так и с новой флексией. При этом инновационные формы заметно преобладают. Примеры представлены в табл. 1.

Таблица 1

«Старые» формы (с флексией <i>-и</i>)	«Новые» формы (с флексией <i>-ъ</i>)
Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей	
<i>то есмь да[лѣ] Б(огороди)ци Володимерской</i> № 1а, <i>да^н своеи княгини</i> № 3, <i>к братьи молодшеи</i> № 13, <i>бью челомъ... Василью... и Софьи</i> № 28, <i>по б(о)жьей воли</i> № 51б, <i>къ... Троицы</i> № 57 и т. д.	<i>приказываю своеи бра^м(ъ)и</i> № 3, <i>вельлѣ... своему дядѣ</i> № 3, <i>даю радѣ... своеи княгини</i> № 28, <i>по землѣ</i> № 52а, <i>по б(о)жьей воли</i> № 48, <i>что есмь... подавала... княгинь М(а)рье</i> № 57, <i>къ... куплѣ</i> № 61а, <i>къ веретее</i> № 77, <i>к... Тр^о(и)ць</i> № 61а и т. д.
69 примеров	173 примера

³ Возможно, к этому числу следует прибавить также девять примеров из контекстов типа *паш^ни соиные тре^м со^хи*, а *наго^мчины имѣ давати на гв^о пол^тина* ПРяз № 18, в которых однозначно определить форму существительного пашня (поддавшиеся унификации вариантов склонения существительных Р. ед. или И.=В. мн.) не представляется возможным. Впрочем, даже если перед нами форма Р. п., на общую статистику это почти не повлияет: как и во всех остальных примерах с формами Р. п., флексия будет «новой».

⁴ Доказательством того, что в данной конструкции слово *земля* стоит в Д. п., считаем следующий контекст из той же грамоты: *а Ньгове поляне* *ω^мω^осз^одво^р* № 9. Слово *поляна* здесь, несомненно, представлено в форме Д. п.

«Старые» формы (с флексией -и)	«Новые» формы (с флексией -ть)
Памятники Рязанского края	
к Они ^к е ^с ск ^о и лОУжи № 5, к... др ^е ни № 7, к Ты ^с и (река Тысья) № 7, по игоуменова ^и да ^и № 19, к живона ^ч лнои тр ^о цы № 39, и келарю и ^е сеи бра ^т и № 48 (2 раза), к... земли № 50 и т. д.	к... др ^е нь № 9, ω ^т во ^д земля ⁴ № 9, к тои же меж ^т ь № 26, к живонача ^т нои троице № 21, к пашенно ^и семль № 26, положи ^т ро ^з нь ³ жую грамотоу... вл ^д чней <u>семль</u> № 26, х па ^и не № 31, к околице № 47 и т. д.
18 примеров	39 примеров

3. Местный падеж

Такую же картину наблюдаем в М. п.: в обеих группах памятников встретились примеры существительных мягкого варианта склонения как со старым, так и с новым окончанием. Но если в ДДГ количество исконных и инновационных форм различается незначительно, то в ПРяз, созданных примерно на век позже, примеров с новой флексией в два раза больше, чем со старой.

Впрочем, и общее число встретившихся контекстов с формой М.п. ед. ч. в рязанских документах больше (63 примера в ПРяз против 30 в ДДГ).

Таблица 2

«Старые» формы (с флексией -и)	«Новые» формы (с флексией -ть)
Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей	
по... брат(ь)и ⁵ № 4а, въ... воли № 6, по д(у)ши № 12, на... брат(ь)и № 20, по души № 28, в земли № 57, на... воли № 57, ω... д(у)ши № 57 и т. д.	на... дад ^т ь № 2, на... братья № 3, в... земля № 11, о... княгиня № 12, по д(у)ш ^ь № 20, во Гжел ^ь № 22, при... кн(а)г(и)н ^ь № 61а, въ... воле № 61а, и т. д.
13 примеров	17 примеров
Памятники Рязанского края	
въ... околице № 3, (да ^т есми) на дере ^е ни № 13, в дере ^е ни № 27, на СЗагви № 41, на Джси ^и № 41, на СЗвдо ^т и № 41, по бра ^т и № 41, по Наста ^с и № 41, по младеници № 41, по Ма ^р и № 41, по маеи д(у)ши № 41 и т. д.	в дере ^е не № 9, на др ^е не № 23, (ста ^е) на земля № 16, на рт ^ч кь № 23, по доуше № 24, ω то ^т земля № 26, на поже № 31, по Дар ^ь е № 36, по кн(а)гине № 43, по Про ^с ко ^е № 43, в околице № 47 и т. д.
21 пример	42 примера

⁵ Доказательством того, что в контекстах по... брат(ь)и ДДГ № 4а, на СЗагви ПРяз № 41, по маеи д(у)ши ПРяз № 41 и т. д. используется форма М. п., а не Д. п., служат такие контексты, как в память по... отц^ь, [и по сво]еи брат(ь)и ДДГ № 4а. Приведенный пример показывает, что предлог в этой конструкции управляет формой М. п. (по... о(т)ц^ь).

Отдельно отметим, что словосочетание «*по души*» в деловой древнерусской письменности могло употребляться как застывшее формульное выражение и не отражать реальной морфологической нормы.

Из числа приведенных словоформ, встретившихся в памятниках деловой письменности Рязанского края, были исключены формы М. п. существительного *сабля*. Интересующая нас словоформа (*в сабли, в сабль, в сабле*) встречается лишь в одном из изученных документов — ПРяз № 44. Грамота № 44 является десятной⁶. В силу специфического жанра и значительного объема документа (80 листов) слово *сабля* повторяется в нем в одном и том же контексте 98 раз, поэтому было решено не учитывать эти формы в общей статистике. Однако стоит отметить, что, как и в случае с другими формами М. п., примеры с инновационной флексией *-ry (-e)* (92 примера) значительно преобладают над примерами со старой флексией *-и* (6 примеров).

Процентное соотношение форм каждого падежа со старыми и новыми флексиями, встретившихся в изученных текстах, представлено в табл. 3.

Таблица 3

	Р. п.		Д. п.		М. п.	
	«Старые» формы	«Новые» формы	«Старые» формы	«Новые» формы	«Старые» формы	«Новые» формы
ДДГ	0	100% (142 ⁷)	≈29% (69)	≈71% (173)	≈43% (13)	≈57% (17)
ПРяз (общее)	0	100% (94)	≈32% (18)	≈68% (39)	≈33% (21)	≈67% (42)
ПРяз (в сабле)	–	–	–	–	≈6% (6)	≈94% (92)

На основании изученного материала и данных табл. 3 можно заключить, что ко времени возникновения изученных документов Рязанского края (XV–XVI вв.) унификация твердой и мягкой разновидностей склонения имен существительных в Д. и М. пп. еще продолжалась. В Р. п. процесс унификации, судя по всему, завершился или как минимум был близок к завершению еще в XIV–XV вв., которыми датируются проанализированные духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. Таким образом, в парадигме

⁶ Десятня — список городских дворян и детей боярских [Словарь XI–XVII: 235].

⁷ В скобках приводится абсолютное количество встретившихся примеров с соответствующей флексией.

единственного числа существительных **ā*-склонения раньше всего подвергались унификации вариантов склонения существительных формы Р. п., тогда как Д. и М. пп. отставали от него на век и более.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л.В. Черепнин; под. ред. С.В. Бахрушина. М.; Л., 1950.
2. Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край / Под ред. С.И. Коткова. М., 1978.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Галинская Е.А.* К истории синкретичных именных форм в русских северо-западных говорах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1991. № 5. С. 28–36.
2. *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
3. Диалектологический атлас русского языка (центр европейской части СССР). Карты. Выпуск II. Морфология / Под ред. С.В. Бромлей. М., 1989.
4. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
5. *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под ред. С.Г. Бархударова. Вып. 4. М., 1977.
7. *Хабургаев Г.А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
8. *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.

REFERENCES

1. Galinskaya E.A. K istorii sinkretichnykh imennykh form v russkix severo-zapadnykh govorax [On the History of Syncretic Nominal Forms in Russian Northwestern Dialects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology], 1991, № 5, pp. 28–36. (In Russ.)
2. Gorshkova K.V., Xaburgaev G.A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow, *Vysshaya shkola Publ.*, 1981. 359 p.
3. *Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka (centr evropejskoj chasti SSSR). Karty. Vy-pusk II. Morfologiya* [Dialectological Atlas of the Russian Language (Center of the European Part of the USSR)]. Vol II. Morphology]. Ed. S.V. Bromlej. Moscow, *Nauka Publ.*, 1989.
4. Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskij dialect* [Old Novgorod Dialect]. Moscow, *Ya-zyki slavyanskoi kul'tury Publ.*, 2004. 872 p.
5. Kuznecov P.S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya* [Historical Grammar of the Russian Language. Morphology]. Moscow, *Moscow University Press*, 1953. 306 p.
6. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language: 11th–17th Centuries]. Ed. S.G. Barkhudarov. Vol. 4. Moscow, *Nauka Publ.*, 1977. 403 p.
7. Xaburgaev G.A. *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka. Imena* [Essays on Historical Morphology of the Russian Language. Nominals]. Moscow, *Moscow Uni-versity Press*, 1990. 296 p.

8. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)* [Novgorod Letters on Birch Bark (from the excavations of 1984–1989)]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1993. 352 p.

Поступила в редакцию 09.01.2022

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 09.01.2022

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Хадыева Татьяна Валерьевна — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, tanya.hadyeva@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana Khadyeva — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, tanya.hadyeva@gmail.com

STYLISTIC REFLEXES AND TEXT DECODING

Valeriya Smolenenkova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
vsmolenenkova@hotmail.com*

Abstract: Painters were first to describe the phenomenon of light reflexes and their ability to change colour of the objects. We are convinced that any text embraces the stylistic reflexes of its context. Research on the audience's perception of an oratorical text — both written and oral — shows that people often find meanings not implied by the author, because these meanings can exist outside of the text itself. Yuri Rozhdestvensky supposed that a newspaper's style is one of the three components that all influence how readers interpret meanings. The Pushkin speech by Dostoevsky can serve as a telling example. Oral and written editions of the text caused completely opposite reactions of the same community. Here we can refer to Eric A. Have-lock contemplating on the 'cultural collision' between the oral and the written forms. In this study, we will develop this opposition by looking into semiotic characteristics of both forms, and demonstrate a crucial role of stylistic reflexes in decoding the text.

Key words: style; context influence; stylistic reflexes; Yuri Rozhdestvensky; Pushkin speech; Feodor Dostoevsky

For citation: Smolenenkova V. (2022) Stylistic reflexes and text decoding. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 69–79.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА

В.В. Смолененкова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, vsmolenenkova@hotmail.com*

Аннотация: Художники первыми описали феномен световых рефлексов и их способность изменять цвет предметов. Мы убеждены, что любой текст вбирает в себя стилистические рефлексы своего контекста. Исследования восприятия аудиторией ораторского текста, как письменного, так и устного показывают, что люди часто находят смыслы, не вкладываемые автором, потому что эти смыслы могут существовать вне самого текста, но отражаться в нем. Ю.В. Рождественский предположил, что стиль газеты – это один из трех компонентов, которые влияют на интерпретацию смыслов читателями. Пушкинская речь Достоевского может служить показательным примером. Устная и письменная редакции текста вызвали совершенно противоположные реакции одного и того же сообщества. Здесь мы ссылаемся на Эрика А. Хавелока,

размышлявшего о «культурном столкновении» между устной и письменной формами. В данном исследовании мы будем развивать эту оппозицию, рассматривая семиотические характеристики обеих форм, и продемонстрируем решающую роль стилистических рефлексов в декодировании текста.

Ключевые слова: стиль; влияние контекста; стилистические рефлексы; Юрий Рождественский; Пушкинская речь; Федор Достоевский

Для цитирования: Смолененкова В.В. Стилистические рефлексы и интерпретация текста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 69–79.

Introduction

Yuri Vladimirovich Rozhdestvensky wrote that ‘the goal of the theory of rhetoric is to observe speech development in public context as a key determinant of social life development’ [Rozhdestvenskij, 2004: 33]¹. The key pillars of speech rules in their influence on culture and economics were conceptualized by prominent researchers of the 20th century, such as Herbert Marshall McLuhan and Yuri Rozhdestvensky. Nowadays, researchers throughout the world continue to study, describe and classify this complex and nuanced phenomenon.

In this article², I would like to speculate on how interpreting text meanings depends on the style of its context. Here I understand context rather broadly: in the setting of both oral and written expression, I am interested in any semiotically relevant adjacency. It can be other statements, signs and symbols perceived by any sensory receptor, in a nutshell, any semiotically meaningful signals that coexist with the analyzed text in space, time or in the flow of perception. The speech we hear can be greatly influenced by the surrounding interior and the text we read — written, printed or electronic — is affected by the style of the media in which it is placed.

Style as manifestation of the value system

The term ‘*reflex*’ (or ‘*reflection*’) comes from optics and painting and denotes an optical effect of the reflected light, a change in the colour of the object when the light bounces off other things. *Reflexes in texts rep-*

¹ All translations of the Russian-language texts hereinafter are the author’s of this article.

² The main ideas of the paper were presented by the author at two conferences. The presentations took place at the XXII International Scientific Conference *Media Rhetoric and Modern Culture of Communication: Science-Practice-Learning* in 2019 (Moscow) and the Sixth *Rhetoric in Society* Conference of the Rhetoric Society of Europe *Rhetorics of Unity and Division* in 2017 (Norwich). I thank the participants of the conferences for constructive discussions on the key points of the presentation, which set the ground of the current paper.

resent a semiotic effect, a change in the text meaning, so that the significance of ideas is intensified or played down. These phenomena occur due to the simultaneous perception of the text and its context.

I prefer to call these reflexes stylistic because the text is not just influenced by the interior of the hall where the speech is pronounced; or by the kind of the paper the journal is printed on, but by their consistent established style. And here I have to clarify what I mean by 'style'. I am talking more about style in a cultural sense than about the style of a speech.

Some may disagree with this definition, but at least we can accept that there are various approaches to style in rhetorical theory. In my perspective, *style is a consistent set of signs and symbols³ defined by the value system of the creator or the ordering customer of the artefact⁴.*

We may recall Harold Lasswell who studied propaganda and ideology in stylistic terms [Lasswell, Leites, 1949]. Edwin Black, in his introduction to 'Rhetorical Criticism. A study in method', wrote that 'style is manifestation of personality' [Black, 1965: xiii]. However, it refers to individual style. If we talk about the style of a historical period, nation or some community, we may put it in a broader context: *style is manifestation of the value system through a semiotic product⁵*. The more elaborate and balanced the system, the more distinctive the style is. No value system means no

³ We use the term "sign" to mean an object that can be perceived by a subject and is used by that subject to denote another object that is the meaning of a given sign. A symbol for us is a sign used not only to denote or substitute for another object, but also to indicate its special significance for the subject, i.e. the meaning of such a sign-symbol has an evaluative element. The coat of arms, flag, national anthem, company logos, etc. are vivid examples of symbols. The same word can function sometimes as a sign and sometimes as a symbol. Thus, "Kremlin" as a sign could mean the higher authority in Russia ("Kremlin" would be alongside with the words "White House", "Elysee Palace"). "Kremlin" functions as a symbol when historical and cultural components of meaning are activated in its meaning (the Kremlin will appear alongside with St. Basil's Cathedral or the Volga). Since the same word or graphic emblem can sometimes function as a sign and sometimes as a symbol, the collocation "signs and symbols" is often used in rhetoric and semiotics in order to communicate the complete functionality of a semiotic product.

⁴ I am using the concept of artifact here as a generic term for the word "text," because today rhetoric and rhetorical criticism increasingly deal not only with the text analysis, but with the analysis of artifacts whose effect on the audience is similar to a text. Thus, Sonja K. Foss writes: "The objects of study in rhetorical criticism are symbolic acts and artifacts. An act is executed in the presence of a rhetor's intended audience — a speech or a musical performance presented to a live audience, for example. Because an act tends to be fleeting and ephemeral, making its analysis difficult, many rhetorical critics prefer to study the artifact of an act — the text, trace, or tangible evidence of the act. When a rhetorical act is transcribed and printed, posted on a Web site, recorded on film, or presented on canvas, it becomes a rhetorical artifact that then is accessible to a wider audience than the one that witnessed the rhetorical act" [Foss 2004: 7]. An artefact can be a text, a building, an interior, a musical composition and so on. Rhetorical artifacts can be alternatively called semiotic products.

⁵ The term "semiotic product" is synonymous with "artifact."

style. There are styles like Barocco, Gothic, Byzantine, Romantic and many others, because a certain historical period, culture or a person generated a specific value system. These systems have found their regular expression in certain signs: types of lines in architecture, sound combinations in music, artistic devices in public speaking and so on and so forth. The consistency of these expressions gives us rhythm and a sense of resonance, which in their turn form the sense of beauty. Hence the connection between style and aesthetics. But it is just for the record, because it is important for me to provide here my conception of style.

Context style on the example of Vladimir Putin's speech

The idea that the context style affects the text decoding came to me when I investigated President Vladimir Putin's 2004 campaign speech. The speech he delivered in the Assembly Hall of the Lomonosov Moscow State University was full of liberal democratic ideas. The following quotes vividly demonstrate the value system of the text:

'The shift to democracy and a market economy at the beginning of the 1990s was supported by the citizens of Russia in the most active and decisive manner, and they made a final and, I would like to stress this once more, irrevocable choice in favour of freedom [...]. And today I am simply obliged to thank everyone who stood up for the democratic achievements of the people in this difficult situation [...]. We must continue work to create a genuinely functioning civil society in our country. I especially want to say that creating a civil society is impossible without genuinely free and responsible media. But this freedom and responsibility require a legal and economic foundation to support them, and it is the state's obligation to create this foundation. I firmly believe that only a developed civil society can truly protect democratic freedoms and guarantee the rights and freedoms of the citizen and the individual. Ultimately, only free people can ensure a growing economy and a prosperous state [...]. I would like to stress once more that the rights and freedoms of our people are the highest value that defines the sense and content of the state's work' [Putin, 2004].

As the text shows, it was by no means a pro-Communist speech. After the public delivery, an agency carried out a poll among the listeners registering their age, gender, social status, and what party they voted for in the last election [Anon., 2004]. Surprisingly, these data revealed that the speech was successful among those who had voted for the Communist Party. Expressing strong opposition to the President at the time, normally they did not favour his speeches. What happened then? I should stress, there were no allusions to Communist values in his speech. The only thing pointing to the Communist ideology was the interior of the

University's Assembly Hall. It was designed in the Stalinist Classicism style and decorated with images of Lenin and Marx and mosaics depicting red Communist flags. It seems that the style of the hall influenced the audience's perception of the text.

Certainly, it is not enough to support my hypothesis. I revisited this idea when analyzing the most famous speech in the Russian history — Pushkin speech by Feodor Dostoevsky [Dostoevskij, 1984]. Let us refer to this analysis [Smolenenkova, 2017] to explore the influence of stylistic reflexes.

Stylistic reflexes of Feodor Dostoevsky's speech

Throughout the entire Russian literature, it is difficult to determine more renowned writers than Alexander Sergeevich Pushkin and Feodor Mikhailovich Dostoevsky. With his remarkable fairy tales, extraordinary poems and heartfelt novels, the greatest Russian poet of the early 19th century, Pushkin occupies a special place in the heart of each and every Russian. Equally, Dostoevsky was one of the most influential Russian writers of the second half of the 19th century whose literary masterpieces give insights into the Russian soul.

Strikingly, the most eloquent public speech in the Russian history brings together these two figures — it is a speech about Pushkin delivered by Dostoevsky. On June 8, 1880, Feodor Mikhailovich spoke at the meeting of the Society of Lovers of the Russian Literature on the occasion of unveiling Pushkin Monument in Moscow [Kimball, 2016]. 'Human word could not aspire to have more influence', wrote journalist I.F. Vasilevsky (under a penname Bukva), a witness to the event [Bukva, 1880: 2]. Better known as Pushkin speech, it is noteworthy in several aspects. First, for the speech emphatic pathos, having elicited a strong emotional reaction never repeated in the history of Russian public discourse to this day. Second, the speech shed a new light on Pushkin's legacy. Third, Dostoevsky's ideas on the destiny of the Russian people later established themselves in the national mentality and the entire Russian culture. And last, but not least, the speech provides a phenomenon which is of most interest for us: the oral and the written forms of the same speech produced opposite reactions in the audience.

To begin with, let us refer to the prominent Russian attorney Anatoly Koni and his recollections of Pushkin speech: 'When Fedor Mikhailovich finished his speech, a minute's silence came, and then, like a furious stream, exultation broke out... Applause and shouts mingled with chair rattling and, as they say, hit the walls of the hall like a ton of bricks. Many were crying, addressing strangers sitting next to them, shouting and greeting each other and a young man fainted from intense excitement. Almost

everybody was in such a condition that you could think that they would follow the speaker anywhere! Probably, this was the effect that long ago Savonarola had on gathering crowds' [Koni, 1916: 99]. Since Koni himself was an endowed legal orator, his high opinion of the speech is extremely valuable to us.

This kind of reaction came as a total surprise to the orator himself. 'I was so shocked and exhausted that I was about to faint myself', Dostoevsky shared in his letter to Tolstoy's wife Sophia on June 30, 1880 [Dostoevskij, 1988: 188]. Festive atmosphere during Pushkin celebrations of 1880 served as a fertile soil for favourable reception of the speech. 'So precisely did this celebration in its nature and meaning correspond with the deep-seated, compelling and burning need of the Russian society, aspirations existing at the time, and an emotional uplift which sought a way out. This ever-burning necessity trying to break loose is a necessity of a joint effort needed for the common goal so that social powers, dormant and mute, could finally receive an opportunity to prove themselves useful for the country's good', newspaper "Nedelya" wrote on June 15 during the celebration [Anon., 1880: 27]. 'Dostoevsky delivered his speech in the atmosphere of tremendous enthusiasm and exultation. The audience was ready to respond to any kind of bold action and follow anyone' [Smolenenkova, 2017].

It is important to note that another prominent Russian writer Ivan Turgenev also gave a speech in the course of the celebrations, but it failed to produce an enthusiastic response. Apparently, it was too unemotional and academic.

We could suggest that the effect of Dostoevsky's speech is connected with the ideas expressed in it. And it is truly so. The analysis conducted [Smolenenkova, 2017] demonstrates that the speech is very rich in its content and touches upon the listeners' interests. However, we are left with the contradiction between opposite reactions to the speech: enthusiasm and applause of the immediate audience versus harsh and damning criticism in the press the next day. How could the same critics first praise the speaker at the meeting and then attack him in their articles?

In Eric A. Havelock's terms, we are 'encountering a cultural collision between the oral act and the writing act' [Havelock, 1986: 34]. Similarly, 'the disagreement in perception of the same speech is illustrated by the difference in reception of the information: in the first case, it is an immediate listening to the heartfelt speech delivered by the author; in the second, it is a hasty and obviously rather hypercritical reading of the text from the pages of *Moskovskiye Vedomosti* (Moscow News) newspaper' [Smolenenkova, 2017]. However, in contrast with Havelock's perspective, our research of this and other speeches indicates that it is not solely the

form of the speech delivery which influences the audience's perception. In each case, the form itself is associated with a number of stylistic characteristics of the context where it exists.

The newspaper *Moskovskiy Vedomosti* was very conservative and famous for praising monarchy and the tsar. Here are a few examples of statements that characterize the style of this newspaper (we deliberately quote from the articles for 1880). On the occasion of the 25th anniversary of the accession of Alexander II, the editor-in-chief writes: "A great jubilee year has come for our fatherland. The twenty-fifth anniversary of his glorious reign has happened. The estates of the Russian land gather everywhere for consultations on how to celebrate this universal feast. The spirit in this movement gives it a special value. Everyone would like to honor the Liberator Monarch with some good deed" [Katkov1898: 46]. In the advanced articles, government decisions were explained and interpreted in a positive way: "Our school reform has been carried out; it is the most essential of all the reforms of the present reign after the abolition of serfdom. [...] There were no rumblings in the society; uneducated people did not make any judgments, and the educated soon understood the significance and usefulness of the change made, and we remember how during the minister's visit to some school districts (especially in 1875) representatives of the zemstvo, nobility and municipalities thanked him in clever and sincere speeches for the reform the effect of which was already visible in the early days" [Katkov1898: 69]. The particularly strong emotions were shown after the assassination attempt on the tsar on February 5, 1880: "The blows that are directed against the person of the Sovereign are assigned to Russia. [...] To push Russia into an abyss of unrest is the goal of the malicious crime, by their own admission, this is what the villainous attempts against the Head of our state are aimed at. The danger haunting the Sovereign is our shared national danger" [Katkov1898: 83].

In modern parlance, in such *ideologically marked* media the great writer published his famous speech. So, when critics saw Dostoevsky's text published there, their attention shifted to phrases like 'Humble yourself, proud man', 'labour on your native land' and they began to see these ideas in a different light. According to them, Dostoevsky encouraged people to submit to the power of the tsar and continue to suffer the oppression of the monarchy. They completely ignored other ideas expressed in the text as if there were none. The speech actually focuses on other concepts which are Pushkin's insight into the Russian soul, Russian mentality, and the greatness of the Russian people. The monarchic values seem to dominate in readers' perception only because of the style of the paper *Moskovskiy Vedomosti*.

This case once again led us to the idea that media by its style can add some meanings to the message which the message does not comprise by default.

Influence of the communication technology

It turned out that I was not the first who mentioned such an influence. In his 'General Philology', Yuri Rozhdestvensky wrote that composition and style of mass media texts typically have a trinary structure: 1) thema — 'reality itself at the moment of the issue'; 2) link — 'meaningful rhetorical position of the text creator (reflected in the comprehensive image of the rhetor'; 3) rhema — 'text represented as a collection of articles and messages united in sections and composing the whole issue' [Rozhdestvenskij, 1996: 247].

Thus, we see that Rozhdestvensky also underlined that meanings and style of the paper influence the meanings of the text published in it. He related these processes to the second part of the three-part structure of newspaper meanings. But I believe that in the same way, meanings of the space influence the speech which is pronounced in this space. In the same fashion, meanings of a broadcast or a website influence the perception of the speaker or the placed content respectively. These are all 'links' in Rozhdestvensky's terms. 'The link reflects a certain view of mass media which chose and provided the material and its ideological and rhetorical paradigm' [Rozhdestvenskij, 1996: 247]. I would add: this paradigm can considerably change the message perception, especially in the case when the media's style is well-tailored and properly expressed.

Yuri Rozhdestvensky names the stylistic features which form stylistic setup for the audience's attitude to the text: 'Stylistic means used in newspapers include, for example, 1) display composition of graphic and other accents in different sections; 2) type of references to sources; 3) language synonyms which have stylistic and semantic meaning. Other kinds of mass media use their own stylistic means determined by their communication technology' [Rozhdestvenskij, 1996: 249].

Discussion

The Pushkin's speech case study clearly shows that the style of the context can make certain ideas and words resonate, while some others can be ignored. This process can lead to a complete misinterpretation of the meanings expressed in the text. Think of the Cathedral at Rouen which changes its colors at sunset in Monet's paintings.

The analysis of reasons for the audience's enthusiastic reaction to the delivered speech and the analysis of accusations brought against the writer after the publication of the very same text, demonstrate a crucial

role of stylistic reflexes in decoding the text. However, this hypothesis requires further development.

To conclude, let me quote the celebrated film director Jean-Luc Godard. He compared style to a person's appearance: 'To me style is just the outside of content, and content the inside of style, like the outside and the inside of the human body — both go together, they can't be separated' [Godard, 2021]. Here we find the same thought: change the style and thus you will change meanings' perception. Similarly, impressionists demonstrated that a person's body can change its colour: become peach-coloured or even turn green under the influence of the light reflections (here I remember Valentin Serov's paintings "Girl with Peaches" and "The Girl Illuminated by the Sun"). The metaphor underlying the suggested term 'stylistic reflex' successfully communicates the idea that the style of the context can considerably change the 'appearance' of a semiotic phenomenon or change our perception of it fundamentally.

Therefore, in the analysis of any semiotic artifacts and their perception by the intended audience, we should take into consideration the stylistic context and the values it adds to the analyzed phenomenon.

REFERENCES

1. Anon. Literaturno-Zhitejskie zametki [Literary Everyday Records]. *Gazeta 'Nedelya'*, 1880, 24, p. 27. (In Russ.)
2. Anon. 2004. *Predvybornoe vystuplenie V. Putina: priority polityki* [Putin's election address: the politics priorities]Fond Obshhestvennoe mnenie. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/president2/putin/rating_Putin/dd040824 (accessed: 16.12.2021).
3. Black, E. *Rhetorical Criticism: A Study in Method*. New York, London, *Macmillan*, 1965. 177 p.
4. Bukva, Mimoxodom: Pushkinskaya nedelya v Moskve [Passing by: Pushkin week in Moscow]. *Molva*, 1880, 162 (June 14), p. 2. (In Russ.)
5. Dostoevskij, F.M. Pushkin (oчерk) ['Pushkin (sketch)'], *Polnoe sobranie sochinenij v 30-ti tomah* [Complete Set of Works in 30 Volumes]. 1984, 26, Leningrad, *Nauka Publ*, pp. 136–149.
6. Dostoevskij, F.M. Pis'mo 875 S.A. Tolstoj 13 ijunya 1880 [Letter 875 to S.A. Tolstaya, 13 June 1880]. *Polnoe sobranie sochinenij v 30-ti tomah* ['Complete Set of Works in 30 Volumes'] 30, book 1, Leningrad, *Nauka Publ*, 1988, pp. 187–189.
7. Foss, S. *Rhetorical Criticism: Exploration and Practice*. Long Grove, *Waveland Press Inc*. 2004, 472 p.
8. Godard, J.2021. *Quotes*. URL: https://www.brainyquote.com/quotes/jeanluc_godard_142048 (accessed: 16.12.2021).
9. Havelock, E.A. *The Muse Learns to Write. Reflections on Orality and Literacy from Antiquity to the Present*. New Haven,London, *Yale University Press*, 1986, 144 p.
10. Katkov, M.N. *Sobranie peredovyx statej Moskovskix vedomostej. 1880 god* [Collection of advanced articles of the Moscow Vedomosti. 1880]. Moscow, *Izdanie S.P. Katkovej Publ*. 1898, 675 p.
11. Kimball, A. 2016. *The Great Pushkin Celebration of 1880: What Was on Their Minds? Especially, What Was on Dostoevsky's Mind?* A Narrative Extension of SAC chro-

- nologies. URL: <http://pages.uoregon.edu/kimball/DstF.Puw.lct.htm#DstF.Puw.lct> (accessed: 16.12.2021).
12. Koni, A.F. Na zhiznennom puti v 2-x tomakh [On the Life Journey' in 2 vol.], 1916, 2, Moscow, *Tipografiya T-va I.D.Sytina (Printing house of I.D. Sytina)*, pp. 82–45.
 13. Lasswell, H.D., Leites, N. Language of politics: studies in quantitative semantics. New York, G.W. Stewart Publ. 1949, 398 p.
 14. Levitt, M.C. 1989. Russian Literary Politics and the Pushkin Celebration of 1880. Ithaca, New York et. al., *Cornell University Press*. 233 p.
 15. Putin V.V. 2004. *Speech to Campaign Supporters*. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/22393> (accessed: 16.12.2021).
 16. Rozhdestvenskij, Yu.V. 1996. Obshhaya Filologiya [General Language Studies]. Moscow, *Fond Novoe tysyacheletiyе Publ.* 326 p.
 17. Rozhdestvenskij, Yu.V. 2004. Teoriya ritoriki: uchebnoe posobie [Theory of Rhetoric: a study book]. Moscow, *Flinta Publ.* 510 p.
 18. Smolenenkova V.V. 2017. Rhetorical-Critical Analysis of Pushkin Speech by Dostoevsky. *Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics*, 2, 3, pp. 5–21.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аноним Литературно-житейские заметки // Газета «Неделя». 1880. № 24. С. 27.
2. Аноним Предвыборное выступление В. Путина: приоритеты политики // Фонд Общественное мнение. 2004. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/president2/putin/rating_Putin/dd040824 (дата обращения: 16.12.2021).
3. Буква Мимоходом: Пушкинская неделя в Москве // Молва. 1880. № 162 от 14 июня. С. 2.
4. Достоевский Ф.М. Пушкин (очерк) // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 136–149.
5. Достоевский Ф.М. Письмо 875 С.А. Толстой 13 июня 1880 // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 30. Ч. 1. Л., 1988. С. 187–189.
6. Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1880 год. М., 1898.
7. Кони А.Ф. На жизненном пути: В 2 т. Т. 2. М., 1916. С. 82–45.
8. Рождественский Ю.В. Общая филология. М., 1996.
9. Рождественский Ю.В. Теория риторики: Учебное пособие. М., 2004.
10. Black E. Rhetorical Criticism: A Study in Method. N.Y.; L., 1965.
11. Foss S. Rhetorical Criticism: Exploration and Practice. Long Grove, 2004.
12. Godard J. Quotes // BrainyQuote. 2021. URL: https://www.brainyquote.com/quotes/jeanluc_godard_142048 (дата обращения: 16.12.2021).
13. Havelock E.A. The Muse Learns to Write. Reflections on Orality and Literacy from Antiquity to the Present. New Haven; L., 1986.
14. Kimball A. The Great Pushkin Celebration of 1880: What Was on Their Minds? Especially, What Was on Dostoevsky's Mind? A Narrative Extension of SAC chronologies // KIMBALL FILES 2016. URL: <http://pages.uoregon.edu/kimball/DstF.Puw.lct.htm#DstF.Puw.lct> (дата обращения: 16.12.2021).
15. Lasswell H.D., Leites N. Language of politics: studies in quantitative semantics. N.Y., 1949.
16. Levitt M.C. Russian Literary Politics and the Pushkin Celebration of 1880. Ithaca, N.Y. et. al., 1989.
17. Putin V.V. Speech to Campaign Supporters // President of Russia. 2004. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/22393> (дата обращения: 16.12.2021).

18. *Smolenenkova V.V.* Rhetorical-Critical Analysis of Pushkin Speech by Dostoevsky // Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics. 2017. № 2, 3. С. 5–21.

Поступила в редакцию 01.10.2021
Принята к публикации 15.02.2022
Отредактирована 20.03.2022

Received 01.10.2021
Accepted 15.02.2022
Revised 20.03.2022

ABOUT THE AUTHOR

Valeriya Smolenenkova — PhD, Associate Professor, Department of General and Comparative-Historical Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, vsmolenenkova@hotmail.com

ОБ АВТОРЕ

Смолененкова Валерия Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, vsmolenenkova@hotmail.com

ПАРАДОКСЫ РОМАНТИЧЕСКОГО ИСКАНИЯ АБСОЛЮТА И «НЕВЕДОМЫЙ ШЕДЕВР» О. ДЕ БАЛЬЗАКА. ЧАСТЬ 2¹

В.М. Толмачёв

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, forlit@philol.msu.ru*

Аннотация: В статье (часть 2) дается интерпретация творчества Бальзака и его рассказа «Неведомый шедевр» в терминах романтической культуры, программного для нее поиска бессмертия через творчество. Этот поиск отличают парадоксы, эффекты двойного видения, так как он опирается на самореференцию, поэтизацию в качестве Объекта всего по своей сути субъективного. «Нерелигиозная религиозность» у Бальзака — поиск невыразимого, что является в случае Френхофера опытом презентации его художественного видения, с каждым шагом утончающегося и, подобно музыке, нематериального. Творчество и жизнь меняются местами, что символически означает творца встречу с самим собой, смерть и соответственно создание абсолютно шедевра, не имеющего стороннего адресата. Бальзак модернизирует фаустовско-дюреровскую традицию. Его Френхофер одновременно художник Ренессанса, герметического «вечного Ренессанса», романтик. Изображение им прекрасной женщины перерастает из страсти в искание Абсолюта, который не отделен от творца, женственного и женского в нем самом. В рассказе представлены не только тема поединка гения с самим собой, но и образ надысторической мистерии творчества, адептами и звеньями цепи которой являются Френхофер, Пуссен, имплицитно сам Бальзак.

Ключевые слова: Бальзак; «Неведомый шедевр»; романтизм; романтический поиск бессмертия через творчество; Френхофер как модернизированный Фауст и романтический художник; портрет как автопортрет художника длиною в жизнь; женщина как модель и как женственное в творчестве, художнике; Френхофер и Пуссен как адепты герметического «вечного Ренессанса»

Для цитирования: Толмачёв В.М. Парадоксы романтического искания Абсолюта и «Неведомый шедевр» О. де Бальзака. Часть 2 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 80–97.

¹ См.: Толмачёв В.М. Парадоксы романтического искания Абсолюта и «Неведомый шедевр» О. де Бальзака. Часть 1 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2021. № 2. С. 93–112.

PARADOXES OF THE ROMANTIC SEARCH FOR THE ABSOLUTE AND BALZAC'S *LE CHEF- D'ŒUVRE INCONNU*. PART 2

Vasily Tolmatchoff

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, forlit@philol.msu.ru

Abstract: Part 2 of the paper offers an interpretation of Balzac's work and his *Le chef-d'œuvre inconnu* in terms of the Romantic culture and its program quest for eternal life through creativity. This quest reveals paradoxes, effects of double vision, for it is based on subjectivity, on poetization as Object of all the subjective at its core. "Unreligious religiosity" in Balzac's tale is a search for the inexpressible. In Frenhofer's case it is an experience of his continuous artistic self-presentation, projection of a fluid vision, which is becoming more subtle and, as pure music, immaterial with each step. Art and life change their places; symbolically it means a meeting of the artist with himself, or death, and, correspondingly, a creation of an absolute masterpiece that has no external addressee. Balzac modernizes the Faustian-Dürer tradition. His Frenhofer as artist belongs at once to Renaissance, hermetical "eternal Renaissance", Romanticism. His visualizing of a fine woman transforms from earthly passion into quest for the Absolute, which is not separated from the artist, woman-like and womanish in himself. The tale presents not only the theme of an artist struggling with himself and his vision, but also an image of transhistorical mystery of creativity, the adepts of which are Frenhofer, Poussin and implicitly Balzac himself.

Key words: Balzac; *Le chef-d'œuvre inconnu*; Romanticism; Romantic quest for eternal life through creativity; Frenhofer as modernized Faust and romantic artist; portrait as long-life artistic self-portrait; woman as model and as womanish in artist; creativity; Frenhofer and Poussin as adepts of "eternal Renaissance"

For citation: Tolmatchoff V.M. (2022) Paradoxes of the Romantic search for the Absolute and Balzac's *Le Chef- d'œuvre inconnu*. Part 2. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 80–97.

Пуссен не случайно признает Френхофера «поэтом» (32)², т. е. не подражателем, а именно адептом самовыражения («Задача искусства не в том, чтобы копировать природу, но чтобы ее выразить!», 14), которое, постоянно усложняясь, получая дополнительные штрихи, оставляет его неудовлетворенным. В финале рассказа образ Нуазезы представляет уже не картину в привычном смысле слова. Все условности перспективы, точки зрения, фигуративной образности отброшены! Живопись, утратившая черты традиционной живописности («...я добился того, что бесследно уничтожил рисунок», 31),

² Здесь и далее перевод с указанием страницы в круглых скобках цит. по: [Бальзак, 1966: 9–34].

представляет собой теперь *opus magnum* Френхофера как музыку, партитуру-арабеску (загадочное зеркальце, вызывающее в памяти таинственное отражение на картине «Семейство Арнольфини» Яна ван Эйка, герою уже не пригодится!), абсолютно понятную ее создателю и абсолютно неведомую для посторонних зрителей (ожидающих увидеть на холсте женский образ, тогда как на нем — мавр сделал свое дело, максимально выразил себя! — его гениальная страсть, преодолевшая в виде облака пятен и линий естество, всё естественное: рисунок, светотень, перспективу, иллюзию жизнеподобия). Тем не менее единственная примета человечности образа, которая сохранилась в самом углу изображения (там, где должна быть подпись художника) в виде кончика женской ножки, высовывающейся из облака, напоминает-таки и об эротизме исходного творческого импульса, и о жертве в виде женщины, принесенной на некий алтарь творческой — одновременно убийственной и самоубийственной — победы. Там, внизу, под облаком освобожденных от назначения копировать, иллюстрировать, портретировать, раскрашивать что-либо мазков-штрихов, *только женщина*. Однако вверху, или *впереди*, как сказал бы А. Блок, иное и более важное. Впрочем, далеко не молодой Френхофер по сюжету еще не знает, что его вечно молодая и бесконечно свободная душа художника, сама квинтэссенция креативности, в виде таинственного языка уже на портрете и что он как мужчина, *поменявшийся* с женщиной местами, должен умереть в храме искусства (таков его тайный кабинет) перед портретом, воплощением себя как космической творческой энергии, «другого я».

В связи с этим для возможного совершенствования того, что не может быть по сути завершено и лишь приоткрывает себя на пределе выразительности в виде подобия астральной музыки цветов, красок, он готов отправится из Парижа и Европы на Восток, чтобы явить свою якобы перенесенную на холст «живую красоту» «Турции, Греции, Азии» (25), т. е. тем странам и верованиям, которые явили свои женские символы божественности и красоты (Астарта, Афродита, Исида и др.). Для проверки высшего достоинства своего творения (живопись и магия в данном случае перетекают друг в друга) ему, собственно, и требуется возлюбленная Пуссена в роли как очередного земного воплощения Прекрасной Нуазезы, одновременно символа весны (нового цветения юности, обновления природы), таинственной души мира (имя Нуазеза перекликается со словом Нус), музыки сфер, так и Жиллетты-женщины, начального (в своей основе эротического) источника творчества. Симптоматично, что Пуссен, уподобляя себя Френхоферу и заражаясь его артистическим дерзновением, готов в каком-то смысле принести Жиллетту, живое

создание, в жертву сверхчеловечеству творца и творчества. Инстинктивно распознает смысл происходящего (а это символическое убийство плотской любви ради любви небесной и творчества: «Он больше не любит меня», 25), согласно Бальзаку, и девушка. Здесь потребуется уточнение.

Что и в каких формах, в том числе восходящих к магическим практикам нидерландского Ренессанса, ни живописал бы Френхофер в поисках Нуазезы, т. е. *шедевра*, самого философского камня, всегда он — вечный влюбленный, причем влюбленный на манер Дон-Жуана, самой квинтэссенции романтического творчества (так он видится С. Кьеркегору в трактате «Или-или», 1843), — пишет в конечном счете себя и только себя. Френхофер — единственный истинный адресат своего творчества, своей единственной и ненасытной любви. Он любит всех (точнее, свои соответствия во всем — тона, линии, пятна, фигуры, «ноты») и никого, он томится своей гиперэротической страстью и не способен быть удовлетворенным. Он любит себя, он Нарцисс, он гибнет, сливаясь со своим изображением. В этом нет противоречия. Нуазеза Френхофера — символ не только вечной женственности мира, открывающейся поэту и только поэту, то есть эротоману-ясновидящему, но и женственности самого Френхофера, Адама и Евы в одном лице. «Царственная» Нуазеза — эмблема глубинной сути космоса, Софии, Елены, и, одновременно, глубинной сути романтической мужской креативности. Собственно, Френхофер считает тему Адама (таково название картины кудесника Мабюза, висящей в приемной его мастерской) для себя пройденной. Поэтому он берется за тему Евы, поэтому пытается отделить от себя-творца-мужчины себя-творца-женщину, *эликсир творчества, бессмертия*. От мужчин, гениев творчества — Данте, Рафаэля, Ариосто, Леонардо, Дюрера, при некотором домысливании от Микеланджело (Френхофер включает их наряду с Мабюзом в ряд важнейших для себя творцов ренессансной герметической традиции³), — остались, как он говорит, только женщины, т. е. их истинные жизни, «евы». В среде Френхофера,

³ Несколько расплывчато, но вместе с тем удачно для нашего случая она именуется П. Волковой традицией «адамитов» (применительно к нидерландскому Ренессансу, Я. ван Эйку или Босху [Волкова, 2019: 275–295]). Точнее было бы говорить о международном, в том числе получившем распространение в Северной Европе, резонансе идей флорентийского герметизма М. Фичино и Пико делла Мирандола, синтезировавших в рамках некоей непрерывной цепи мудрости элементы христианской теологии, религиозного вольнодумия, тайных учений прадревности, философии Платона и Аристотеля, магии, каббалы, науки, алхимии, а также средневековых дуалистических эресей (богомилы, катары, адамиане, пикарты и др.). О герметической традиции см. труд Фрэнсис А. Йейтс [Йейтс, 2018].

Порбюса, по этой логике и Пуссена (отрекающегося фактически от Жиллетты), нет места земным женщинам, как нет их и в жизни других бальзаковских демиургов страсти, Вотрена или Гобсека.

«Неведомый шедевр» вобрал видение Бальзаком своей писательской судьбы. Это фантастический или визионерский портрет современного (романтического) художника-гения в юности. За ним — реальная история инициации, имеющая как собственно творческую, так, думается, и оккультную подоплеку. Рассказ — помимо осмысления глубинной сути романтизма, гендерных особенностей романтического художника (личности с метафизической «раной», антиклерикала и члена тайного религиозного общества, ученого и мистика, нетерпеливого любовника и равнодушного!), связи романтизма с фаустианством Ренессанса (по рассказу этот Ренессанс не делится на южный и северный, объединяет в себе Леонардо и Дюрера, флорентийских неоплатоников и нидерландских адамитов) и через него с неким вечным Ренессансом (ему по сюжету принадлежат таинственный Мабюз — Френхофер — Пуссен — Бальзак как визионер выведенных в нарративе событий 1612 г.), помимо описания парадоксов романтического творчества, места женщины и женственного в нем, — посвящен инициации самого Бальзака в то, что в рассказе остается фигурой умолчания (исключение из правила — упоминание об «арканах»⁴), но тем не менее формирует его образность.

Инициационное начало рассказа несводимо к личной инициации Пуссена. Да, читатель расстается с ним на пороге творчества. Один занавес задернут (явленный было в тайной комнате шедевр скрыт автором), другой покров вопреки скороговорке концовки начинает приоткрываться. Эстафета передана. Инициация состоялась. Неведомый шедевр будет твориться вместе с Пуссеном и помимо него дальше, в разрезе мировой истории духа, а также современности. Этот символический аспект сюжета заставляет задуматься об оккультных кодах «Неведомого сюжета».

В какое именно тайное общество был принят молодой Бальзак, использовавший масонические сигнатуры (к примеру, Алькофрибас), по меньшей мере читавший сочинения оккультистов (Бёме, Блейк, Сведенборг, Сен-Мартен), в контексте нашей статьи, не принципиально. В рассказе на основании личного знания или модных среди ряда романтиков мотивов обыгрывается жертвоприношение (подобие жертвенника здесь — доска с изображением куртизанки Катрин Леско в *тайной комнате*), отражена практика ритуала, связанного с актами самоотречения, клятвы, жертвоприношения,

⁴ “Ce n'est pas ainsi que l'on parvient l'arcane de la nature” [Balzac, 1994: 44].

рождения члена тайного общества для новой жизни. Это не должно удивлять. Среди друзей и знакомых Бальзака имелись масоны различных лож, тамплиеры, розенкрейцеры. Достаточно вспомнить Нодье, Гюго, Готье, Нервала⁵. Деятельным масоном был отец писателя [Тайяндье, 2013: 115]⁶. Кроме того, масонами были значимые для «Неведомого шедевра» Гёте (масоническая тема проходит через гётевских «Вильгельма Мейстера», «Фауста»), Байрон. «Неведомый шедевр» — несомненно рассказ, где, помимо сюжета, связанного с творчеством как таковым, проступают не вполне понятные для обычных читателей измерения. Среди них — приобщение к Традиции, к Гнозису, к Неведомому (Тайному, Непознанному, Скрытому), к Шедевру.

Посвящение рассказа — слова «Одному лорду» (À UN LORD) в сопровождении многоточия — осталось неразгаданным. Между тем в свете сказанного оно становится понятнее. Бальзак посвятил «Неведомый шедевр» и другие «этюды» («Поиски Абсолюта», «Эликсир долголетия», «Луи Ламбер») не только поискам Абсолюта (это подчеркнуто эзотерический словарь), на которые его вдохновило наследие Сведенборга или Сен-Мартена, не только, на наш взгляд, самому известному лорду 1820-х, а именно Байрону («Паломничество Чайлда Хэролда», как мы уже писали, имеет смысл рассматривать в контексте пути лирического героя в направлении тайной мудрости, которая обретается им в Вечном городе как Граде вечных мастеров и вечных вод, зеркал творчества⁷; четырехстрочное многоточие посвящения Бальзака имитирует именно поэтическую строфу; Френхофер — фигура байроническо-манфредовского склада: он наделен «раной», его гений связан с неким темным прошлым, с порывом творчества за горизонт, с влечением к женщине запретной любви), но и *самому себе* как творцу и посвященному.

Неопределенный артикль отсылает к человеку, семантика слова «лорд» — к конкретному английскому или шотландскому аристократу. Но параллельно семантика слова предполагает наличие повелителя и бога, в бальзаковском случае (такова стилистика оформления эпиграфа!) скрытого, тайного, *иного бога*. С одной стороны, этот владыка, единый во многих лицах, отражениях, самоотражениях, этот демиург мира как романа и романа как мира (то есть мира-комедии-театра, современной Шахерезады) — сам Бальзак.

⁵ См. классическую работу Марио Праца «Романтическая агония» (1933).

⁶ Тема тайной власти над социумом проходит через многие произведения Бальзака начиная с триптиха «История тринадцати» (1834). Всесилие тайных обществ, жаждущих краха «королевских лилий» Европы, обыграно также А. Дюма в романе «Жозеф Бальзамо» (1846–1848).

⁷ См.: [Толмачёв, 2018: 108–109].

Он, возвращаясь к самому себе в каждом из своих *театральных* текстов (отсюда их образ как комедии), буквально сжигаем огнем своей писательской страсти, где сплавлены в виде неразрешимых парадоксов, как у Френхофера, творчество и другой (женщина, мужчина, богиня, бог), ангелическое и демоническое. С другой стороны, «Лорд» — это неуловимый повелитель, владыка Традиции, тот, у кого нет лица, а есть только маска.

Не *он* ли, не *его* ли образ выведены на картине Френхофера под названием «Прекрасная Нуазеза», своего рода иконе, окне в другой мир, и, скажем, на в чем-то аналогичной картине Леонардо? Мона Лиза — одновременно женщина и неженщина, человек и «демон» творчества, портрет и автопортрет, изображение, чья модель не вполне известна, а также, как считал Дж. Вазари, оставшееся не оконченным, но в то же время принадлежавшее тем немногим работам, которые Леонардо увез с собой во Францию и в старческом возрасте демонстрировал в замке Клу некоторым избранным гостям (в том числе Франциску I в преддверии смерти).

Нуазеза (la Belle-Noiseuse) имя говорящее. Его семантика отсылает к типу женщины (такие «строптивницы», «озорницы», «непоседы» встречаются, отметим, у Шекспира) — отсюда *строптивость* Нуазезы как живого материала, самой живой материи, сопротивляющейся художнику, который пытается придать ей, стихии жизненности, форму. У такой Нуазезы (ср. с итал. прозвищем Моны Лизы “La Gioconda” — веселая, играющая), пусть она и куртизанка, падшая женщина, нет грехов. Правда, уже как образ, сопротивляющийся художнику, не получающий окончательного воплощения, Нуазеза в тех или иных вариациях своего изображения может обладать множеством погрешностей. Под этим углом зрения сам Френхофер критикует «женщину» Порбюса (картину Марии Египетской), а также собственные картины («изображение полунагой женщины в человеческий рост» (30) является, на наш взгляд, ранним вариантом образа именно Нуазезы), развешанные по стенам мастерской *без окон*, т. е. не имеющей естественного освещения.

При некотором допущении имя Нуазеза связано также с орехом, лещиной (фр. *noiseraie*) — деревом и кустом, обладавшими в восприятии кельтов, а также греков и римлян (в связи с их почитанием Гермеса и Меркурия) магическими свойствами. Например, Вергилий⁸ в «Георгиках» прославлял лещину, утверждая, что она достойна большего почитания, чем виноград, мирт и даже лавр. В эпоху Ренессанса тайные свойства ореха увязывались с Гермесом Трисме-

⁸ Он считался в «Средние века магом и чародеем, владеющим многими тайнами познания» [Грейвс, 2007: 88].

гистом, родоначальником, в восприятии М. Фичино (переводчика корпуса текстов Гермеса на латынь в 1463 г.), метаисторической герметической традиции. Кроме того, в имени зашифровано, о чем уже упоминалось, слово Нус (Nous).

Иначе говоря, Катрин Леско-Прекрасная Нуазеза — с одной стороны, *красотка*, чья неотразимость телесных форм, эротика способны стать для художника вызовом, который подлежит укрощению, а с другой — предлог для дальнейшего преобразования естественности, живой красоты, телесности в бестелесное искусство — для метаморфозы любовника, созерцателя плоти в *убийцу любви*, осуществляющего ради высшей мистерии творчества необходимое жертвоприношение. Уже как отражение мистической стороны дара Френхофера Божественная Нуазеза связана и с прорывом художника по ту сторону искусства, и с тайным знанием нового Пигмалиона (одухотворение неживой, т. е. созданной художником, материи), и с магией кисти, «волшебной палочки» искусства (орех — идеальный материал для изготовления посохов, жезлов; по одному из преданий жезл Моисея, которым он в пустыне ударил по скале, был сделан из изогнутого орехового прута), и с ритуалом посвящения (передача эстафеты тайного знания Пуссену: «ударяя по плечу Николая Пуссена» (17)).

Наличие кончика обнаженной женской ножки на непонятном для сторонних наблюдателей шедевре Френхофера (ножку имеют шанс увидеть лишь Порбюс и Пуссен) понятно. Это отнюдь не фигуративный остаток того, что художником безнадежно «испорчено», превращено в «мнимую картину» (31). Для того чтобы узреть то, что открыто визионеру Френхоферу, что скрывает покров «облака», нужно быть им самим, нужно обладать его *глазами* — взглядом, направленным вовнутрь себя, а не вовне. Ни Порбюс (не реализовавшийся гений), ни Пуссен (гений будущего) таким зрением визионерского характера не обладают, они не перерастают самих себя, поэтому их точка зрения ненадежна. Резонно предположить и другое.

Во-первых, ножка в углу картины — своеобразные инициалы автора, его бытия как человека и автора: Френхофер *был*. Во-вторых, этот «обломок» образа, как и обломки античных статуй, извлеченные из-под земли людьми Ренессанса (тем же Леонардо), призван быть пропуском в тайну, паролем истинного творчества и его мистерии. В-третьих, наличие фигуративного элемента, атрибута иллюзионизма старой живописи, должно подчеркнуть ту абсолютную жизненность «нуса», при выражении которого убита, устранена всякая искусственность, «литературность», а также телесность языка. Его герой — мистериальные возможности языка как такового, того

Логоса, который невоплотим на путях аллегии, трехмерных живописных средств и сопоставим разве что с музыкой. На картине — визуализация не визуального, сама звучащая музыка, песня без слов.

В-четвертых, Бог-богиня творчества Френхофера — и он сам (поединок с самим собой за выражение невыразимого), и его другое, «женственное», я, которое постепенно в виде двойника обособляется от своего создателя и вступает с ним в поединок. Своей «ножкой» оно напоминает о цели алхимического делания — спасении духа Меркурия, заключенного в Нуазезе, а также о низшей материи, сопротивляющейся освобождению из плена. Ножка принадлежит здесь, если пофантазировать, воплощенному дуализму, змедеде (наподобие Лилит или Мелузины). В-пятых, чудо (31) живой ножки в окружении хаоса линий, бесформенной туманности красок — напоминание о том, что на картине явлено нечто мистериальное (нога принадлежит, судя по описанию (31), уже не столько реальной женщине, сколько «пеннорожденной» Афродите-Венере, богине любви), но явлено под покровом, который препятствует профанам или неопитам проникнуть в тайную «комнату» (22) — святилище вечного.

Не удивляет, что Г. Гессе, позиционировавший себя художником «традиции», в романе «Степной волк» (1927) дает возможность собственному alter ego, Гарри Галлеру, получить от Гёте в сонном видении в дар коробочку с миниатюрной женской ножкой, символом творческих эротики и жертвоприношения (по сюжету Галлер убивает Гермину, заключающую его отражения и как мужчины, и как женщины).

Насколько отделяет себя Бальзак-идеолог, заявлявший о своем католицизме, легитимизме, от Бальзака-художника и Бальзака-носителя тайного знания, с пониманием дела пишущего, как мы видим, о нюансах герметической традиции и ее исторических героях, реальных или вымышленных? Вопрос открыт, но не фантастичен, лишней раз отсылает к тому, что ни о каком буквальном понимании религиозности, а также религиозности творчества в случае с литературными гениями XIX — начала XX в. говорить не приходится. По меньшей мере это двойная религиозность, взрывчато совмещающая противоположности, богоискательство и богоотрицание, молитву и кощунство, христианство и магию, оккультизм.

Вопреки утверждавшемуся Бальзаком легитимизму символический герой его прозы — иной бог, бог прекрасной лжи, бог-создатель картин, бог фикции, *литературы*, тот самый, который встречается в антикварной лавке *Рафаэлю* («Шагреновая кожа») или растворен в Вотрене («Отец Горио»). Так или иначе, но слово «лорд» входит в один из ранних псевдонимов Бальзака («Лорд Р. Оон» — анаграмма имени Оноре). Упомянем о признании Бальзака из письма к неиз-

вестной (12.06.1842): «Политически рассуждая, я католик, я из стана Боссюэ и де Бональда ... Перед Богом я исповедую религию св. Иоанна — мистицизм, единственную религию, которая смогла сохранить свою доктрину». Нелишне напомнить, что Иоанна Предтечу и Иоанна Богослова масоны считали своими покровителями, что исторически восходит к иерусалимскому ордену рыцарей св. Иоанна. Не 27-го ли декабря («в конце 1612 года холодным декабрьским утром...»), в зимний праздник Иоанна Богослова, происходит первый визит Пуссена к Порбюсу и Френхоферу?

Поразительно, но уже в начале творчества Бальзак дает свое представление о творчестве, самой саламандре в огне, не плоско, а в виде многофигурной конструкции. В «Неведомом шедевре» имеется целое сообщество различных художников — Мабюз, Френхофер, Порбюс, Пуссен, а также «Нуазеза», если считать это изображение ожившим и действующим. Все это лики самого Бальзака, как лики Уайлда в его не менее парадоксалистском «Портрете Дориана Грея» — художник Бэзил, лорд Генри, Дориан, его друг-химик (растворяющий тело Бэзила в кислоте!), вечно молодой портрет, а также Сибила Вейн. Френхофер — такой же «старик», как и Ашенбах у Манна, Геронтион и Тиресий у Элиота, не столько пожилой человек, сколько метафора самонаблюдения.

Даже Жиллетта у Бальзака входит в число художников. Она не «только женщина», одна из Ев, ревнивая любовница, но и магия юности, источник последнего штриха, а также уже не магическое, как у Фауста, а «живое» зеркало, с которым Френхофер намерен сверить завершённую работу. Эта сверка предвозвещает, помимо прочего, смерть Орфея. Жиллетта приобретает черты роковой женщины: Френхофер теряет *голову*.

Как следствие, в новелле возникает объёмный парадокс на тему абсолютистски понимаемого творчества, а также его цены, артистического жертвоприношения.

Из числа самых сложных составных частей парадокса рассказа укажем на следующие:

1. Шедевр есть, открыт визионеру Френхоферу / шедевра нет; как «ничего» (32) или нечто, скрытое под слоями краски или в самом художнике («Но я, я ее вижу!», 32), он не может быть оценен конвенциональным зрением (реплика Порбюса: «Смотрите сами!», 32), задержан новым покровом и сожжен автором.

2. «Быть» значит не быть — завершить шедевр, значит для художника стать самим собой (тождественно смерти), отказаться ради взгляда вовнутрь себя от всяких «стооких» зеркал искусства.

3. Мужчина / женщина в творце-мужчине (обе части рассказа озаглавлены женскими именами, но речь идет в них о мужчинах-

художниках, которые забывают о своей страсти, реальных женщинах и влюбляются в свои идеи, отражения, создания — воплощают себя, мужчину-артиста, в виде женского образа или самой стихии вечно женственного).

4. Мы убиваем любимых (Френхофер, любя натуру, модель, *убил ее*, создал портрет, свое другое противоестественное я, в конечном счете источник его собственной гибели; в свою очередь, шедевр старика соблазн для юноши Пуссена, который, даже пожелав взглянуть на него, тотчас узнал, что он призван стать гением и также убил — сначала Жиллетту-женщину, а затем, своими словами («...на его полотне ничего нет», 32) и обретенного было учителя-Френхофера).

В продолжение парадокса о бытии / небытии искусства. Шедевра нет, шедевр есть — он не отделен от нас, он рядом и в нас, он видим, и он незрим — это сложная герметическая аллегория, которая отсылает, как нам кажется, к передаче тайного знания от посвященного к посвященному, отсылает к розенкрейцерскому образу гробницы Розенкрейцера.

Обыгрывание парадоксов способствует превращению «Неведомого шедевра» в метатекст, уровни которого отчасти совпадают, а отчасти не совпадают друг с другом.

1. Экзотический сюжет как таковой, история творческой и демонической одержимости гения: доведенное до запредельных высот творчество, «Нуазеза», как бы оживает, берет верх над создавшим ее человеком, который в безумии уничтожает свой шедевр и гибнет сам, давая молодому художнику пример культового служения искусству, с одной стороны, и представления о его цене (культовой же) — с другой. Принимая во внимание расхожее представление о классицизме Пуссена, его творчество хотя бы отчасти противопоставлено в данном случае леонардовско-дюреровскому типу творчества.

2. Многосоставный парадокс о творце, его отношениях с материалом (действительностью, личным опытом) — рассуждение на тему того, что такое художник-романтик, что первично / вторично в неклассическом искусстве, которое отказывается от идеального подражания и дерзает утверждать, что искусство есть жизнь, что искусство формирует, творит жизнь. Преступление (оно столь же туманно и столь же несомненно, как у Байрона в «Манфереде»), болезнь, безумие Френхофера здесь эквивалент его гениальности, «святости». Шедевр — вечный путь к шедевр, любовь, страсть к искусству, переплавляющиеся в искание смерти и отрицание жизни как только подмостков искусства, которые в итоге должны сгореть. Картина таинственна, у этой души художника нет и не может быть

зрителей (отчасти повторено в «Портрете Дориана Грея»). Тайна остается тайной: образ в конечном счете скрыт героем Бальзака под зеленой саржей, а затем сожжен. У Френхофера-художника, что симптоматично, нет исторического соответствия, это своего рода псевдоним, маска. От анонима остается «ничего» (сокрытый шедевр) и всё — ученик Пуссен, в этом случае уже не «классицист», а загадочный мастер, обретающий себя в Италии, по-своему синтезирующий там античность и христианство. На луврском «Автопортрете» (1650) Пуссен изображен на фоне стоящих у стены полотен. Два из них повернуты к зрителю обратной стороной. И только на фрагменте третьего видна голова *таинственной женщины* в венке.

3. Рассуждение о соотношении эротического, эстетического и религиозно-мистического в творчестве. На вопрос, что есть красота в неклассическом искусстве, рассказ Бальзака, пожалуй, отвечает, что это высшая интенсивность самовыражения, перерастающая из эротики в культ, самообожествление. Френхофер — святой самовыражения, принесший ему в жертву что-то для себя наиглавнейшее, любимую; он же и эстетик; он же и специфический преступник: под влиянием молодой женщины и слов юного художника (в определенном смысле, лжеца, искусителя) он усомнился в своем искусстве. Однако изгнание «искусителей» из «храма» живописи (именно в нем выставлен шедевр) и добровольная, как угадывается, смерть восстанавливает его права гения, не намеренного считаться с попытками профанировать его творчество. Даже если ограничиться буквальным пониманием живописи Френхофера, то это, конечно, не провал, как считают многие критики, а некая дерзновенная победа в поражении. Непонятность полотна — следствие описанного уже Д. Дидро несоответствия гениальной страсти обычным грамматике и словоупотреблению.

4. Аллегория в связи с творчеством о различных разновидностях любви: о низкой (или площадной) и других, по-платоновски возвышенных, но более запутанных воплощениях эроса. Френхофер, Нуазеза в рассказе — и мужчина, и женщина, и андрогин, и «вечно-женственное», и преодоление пола.

5. Оккультный пласт рассказа.

6. Сохраним за Бальзаком вопреки всему сказанному выше и возможность создания буффонады, пародии на формы современного ему неистового романтизма, а также на романтическую готику, фантастику.

7. Внимания в свете сказанного заслуживает сопоставление первого и второго варианта рассказа. Именно в редакции 1837 г. появляются не без влияния Т. Готье, первого, кто обратил внимание

на двусмысленность улыбки «Моны Лизы», обильные вставки, которые наделили Френхофера некоторыми чертами Леонардо.

Еще несколько замечаний об алхимии, оккультизме. Мабюз и Френхофер — и некие условные нидерландцы, и маски нидерландской живописи XV–XII вв., и образы ренессансных живописцев-магов. Здесь, пожалуй, уместно вспомнить реального Яна Госсарта (1478–1532), живописца и гравёра по прозвищу Мабюз. Именно он первым из голландских художников отправляется в 1508–1509 гг. в Италию, знакомится там с леонарδεςками, сочинениями гуманистов, античностью, в том числе с только что извлеченными из земли статуями (реальный ученик Мабюза, Ян ван Скорел, также учившейся у Дюрера, даже становится зрителем папского Бельведера, где они выставлены; добавим, что занимался обмерами статуй — в частности Аполлона Бельведерского — Пуссен), и сам по возвращении, оказавшись от ранее интересовавшей его религиозной живописи в духе Герарда Давида или Рогира ван дер Вейдена, инициирует в роли некоего северного Леонардо «романизм», или голландский итальянизм, создает на своих полотнах весьма плотские, но при этом загадочные аллегорические фигуры⁹. Известен его автопортрет (1515–1520), где Мабюз изображен на зеленом фоне, в красной шляпе, он хочет что-то выразить левой рукой, тогда как правая прижата к сердцу.

Однако Бальзак на основании имевшихся у него сведений о голландской живописи несколько искусственно делает Френхофера главным наследником тайн Мабюза. Он именно таинственный иностранец, так сказать, летучий голландец — носитель знания, «света», корни которого в Лондоне (где Мабюз изучал рисунок), в Антверпене, в Виттенберге, а может быть, и на гравюрах Дюрера. В рассказе в этот ряд имен вписан и Рембрандт, создатель «алхимических» эффектов особого, светящего из мрака, золота.

1612-й едва ли случаен у Бальзака — это год, в которой еще не забыты Пико, Эразм, Агриппа Неттестеймский, Парацельс, а также Йоганн Георг Фауст, дата, на фоне которой как бы скрещиваются литературная («Алхимик» Б. Джонсона, 1610; «Буря» Шекспира, 1610–1611) и не совсем литературная («Астрейя», часть 1, Ф. Бэкона, 1607; «Аврора» Я. Бёме, 1612) магия, деятельность Джордано Бруно (1548–1600), Роберта Фладда (1574–1637), Иоганна Валентина Андреа (1586–1654), Атанасиуса Кирхера (1602–1680) и основание ордена розенкрейцеров (ок. 1612). Иными словами, бальзаковский Френхофер помимо его исключительных художественных дарований — символическое обозначение тайной мудрости Ренессанса.

⁹ См. недавнюю работу М. Бэсс [Bass, 2016].

Таковы же и Мабюз, Пуссен — ренессансные фигуры в каком-то особом, загадочном смысле. Это не Ренессанс надежных рубрикаций, а именно Ренессанс неизвестный, по мотивам Мабюза или Рембрандта, как выразилась бы Маргерит Юрсенар, т. е. тот вечный Ренессанс, который, существуя по ту сторону делений на эпохи, доходит вместе с Калиостро и Казановой до XIX в. Проблема романтизма в описании Бальзака, отдадим ему должное, может формулироваться как проблема продолжения Ренессанса, как проблема герметического измерения культуры всего так называемого Нового времени.

Под этим углом зрения неожиданно предстают Мария Египетская, Адам, Ева, упоминаемые Бальзаком в связи с картинами Мабюза и Порбюса. Очевидно, что в рассказе преподобная Мария и прекрасная Нуазеза не столько противопоставлены как отречение от плоти и торжество плоти (конечно, не в рубенсовском духе — Рубенс получает в рассказе отрицательную характеристику как исключительно «натуралист»), сколько взаимодополняют друг друга. Но как? Во-первых, обе, каждая по-своему, красивы в своей абсолютной естественности (рассуждения, на этот счет имеются, например, и у А. Франса в романе «Таис», где героиня тождественна самой себе в обоих своих воплощениях — гетеры и святой). Во-вторых, Френхофер превращает прекрасное тело Катрин в абсолют тела, лишает идеально телесное в творце и творчестве как гендерных, так и телесных покровов.

Из текста Бальзака также не вполне ясно, в какой именно момент жизни изображена на картине Френхофера преподобная Мария. На первый взгляд, она изображена тогда, когда 17-летняя блудница, покаявшись, вняв наставлению Пресвятой Богородицы, отправилась из Храма Гроба Господня за Иордан и провела в пустыне до своей святой кончины 40 лет.

Но Бальзак упоминает о Марии, желающей «расплатиться за переправу в лодке» (12). Аберрация это бальзаковской памяти или нет? Ни в одном из житий преподобной, в том числе в их средневековой обработке («Золотая легенда» Иакова Ворагинского), не говорится о Марии, платящей за переправу через Иордан. Точнее, еще в Иерусалиме после обращения ей жертвуют три монеты, но на них преподобная сразу же покупает три хлеба, которые берет с собой за реку и от которых как птица небесная там в течение долгих лет вкушает.

Тем не менее из житий Марии можно узнать о другой плате, но только не за переправу через Иордан, а за путь 17-летней блудницы из Египта (родной Александрии) на корабле в Святую Землю. Блудница расплачивается с корабельщиками *собственным телом* и на самом корабле всячески соблазняет им юношей, в данном случае

идя путями Катрин Леско. Иными словами, на картине Френхофера соблазнительнейшее тело, а вовсе не подвиг аскезы. Соответственно, критикуя изображение Порбюса и гениально несколькими мазками исправляя его, Френхофер несколько непонятно, на сторонний взгляд, восторгается красотой фигуры Марии, указывая то на ее грудь, где «есть правда» (13), то на другие части тела и только тела, где этой красоты, на его вкус знатока женщин, нет.

Соответственно, какого именно Адама запечатлел Мабюз, чтобы затем его ученик, «адамит», связал поиски своего философского камня уже не с мужчиной, а с женщиной, с Нуазезой? Похоже — не моисеева, а Адама первоначального, Адама Кадмона каббалы, знакомство с которой — примета флорентийского гуманизма.

Все это, на наш взгляд, говорит об изощренной пародии сакрального профанным у Бальзака, о двойном характере романтической религиозности и алхимическом понимании ею любви. Любопытно, что в стихотворении «Бальзак» (1927) Б. Пастернак называет французского писателя алхимиком. От Катрин Леско-Нуазезы до замысла Лары («Доктор Живаго») один шаг. В письме М. Цветаевой (29 июня 1922 г.) упоминается о более раннем пастернаковском интересе к автору «Философских этюдов»: «Я хочу написать большой роман: с любовью, с героиней — как Бальзак» [Иейтс, 2018: 300]. Эти слова произнесены Пастернаком именно в 1918 г. Есть соблазн предположить, что сказанное поэтом — косвенная реакция на выход в том же году в переводе И. Брюсовой, жены московского «мага» с Цветного бульвара, «Неведомого шедевра» (издательство «Альциона»). Возможно, Пастернак имел в виду что-то иное, «Евгению Гранде» или «Лилию долины». Тем не менее пастернаковская Лара позволяет вспомнить не только поэзию А. Блока, но и Нуазезу. Она станет всем — от падшей женщины, возлюбленной, вечной женственности, самой России до вечного золота лирики Живаго, единственного (и абсолютного!) оправдания его существования как творца.

Надо сказать, что у алхимического поворота темы имеется автобиографическое измерение. Полагаем, помогает его понять манфредовский код «Неведомого шедевра» (любовь Манфреда к сестре Астарте, загадочно умершей по его вине). Катрин Леско не только куртизанка, но и имплицитно «жена», т. е. часть Френхофера, и уже в этом виде «Прекрасная Нуазеза» (см. развитие темы «жены» Блоком в цикле «На поле Куликовом»). Влечение к ней и инцестуально, греховно, и является проявлением желания восстановить некую утраченную райскую телесную целостность. Нет нужды говорить, что для Бальзака, страстно влюбленного в свою сестру Лору (в «Стении», одной из первых проб в жанре романа, Бальзак прямо изобразил

вспыхнувшую между братом и сестрой нежность), этот мотив был значим.

В каком виде изображена Нуазеза? Именно в виде лежащей богини, что предполагает поклонение ей, о чем упоминается в тексте? Или в виде Юдифи или Саломеи с отсеченной головой в руках? И все же экфрасис рассказа — ширма. Неведомый образ скрыт в конечном счете под покровом. Как ширма и голландско-алхимическое имя Мабюз (загадочный наставник Френхофера), и многое другое. Что бы ни виделось, ни грезилось Френхоферу, что бы ни узрели на якобы испорченной картине Порбус, Пуссен, на портрете женщины, не знавшей милости, он и только он, Френхофер, история его борьбы с самим собой за бессмертие, за Абсолют. Его портрет — автопортрет, портрет его души в полный рост, то есть прошедшей через разные стадии самопознания, алхимического делания. Завершение портрета, нанесение на него последнего штриха, последняя его сверка с жизнью в виде опять-таки женщины, юной Жиллетты, — символически обозначает сознательное отречение от жизни, смерть. Френхофер стал самим собой, не нуждается больше в портретах и автопортретах. Он все упрощает и упрощает, зрит в корень, но в стороннем восприятии это усложнение и еще раз усложнение.

Итак, главный парадокс концовки рассказа связан со «спасением». В нем торжествует неуловимое, недоступное разуму, выходящее за грань обычного, трехмерного понимания. Френхофер уносит с собой в инобытие обретенную им тайну жизни как искусства, обретения философского камня, оживления материи, жизни как искусства-алхимии. Как и Клаас (новелла «Поиски Абсолюта»), умирая, он, вроде бы побежденный и испепеленный, может произнести как победитель «Эврика!» Более того, он, похоже, совершил самоубийство, которое по аналогии совершили Клод Лантье (роман «Творчество» Э. Золя), Дориан Грей. Оно, как можно догадаться, имеет ритуальный характер. Френхофер стал самим собой, обрел самость, Адама Кадмона в себе. В другом я, в женщине или в мужчине, более нет необходимости. Он — андрогин, Серафита и Серафитус, он — центр мира, он — философский камень.

Подведем итог. «Неведомый шедевр» — загадочный романтический текст о расширительно толкуемом творчестве, чей герметизм сплавляет вместе творчество, магическую практику, образ вечного Ренессанса, а также инициационные шифры оккультной традиции, восходящей, по преданию герметистов, к Гермесу Трисмегисту. Рассказ стал краеугольным камнем и «Человеческой комедии», и многих других романтических и постромантических текстов на тему творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бальзак Оноре де*. Неведомый шедевр / Пер. И.М.Брюсовой // Неведомый шедевр. Поиски абсолюта. М., 1966. С. 9–34.
2. *Волкова П.* Мистики и гуманисты. М., 2019. 320 с.
3. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции / Пер. с англ. Екатеринбург, 2007. 1008 с.
4. *Йейтс Фр.А.* Джордано Бруно и герметическая традиция / Пер. с англ. М., 2018. 520 с.
5. Переписка Бориса Пастернака / Сост. Е.В. Пастернак, Е.Б. Пастернака. М., 1990. 575 с.
6. *Тайяндье Фр.* Бальзак [2005] / Пер. с фр. М., 2013. 206 с.
7. *Толмачёв В.М.* Байрон и Наполеон: Опыт интерпретации творческой биографии Байрона и поэмы «Паломничество Чайльда Гарольда» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 6. С. 92–109.
8. *Balzac Honoré de.* Le Chef-d'œuvre inconnu, Pierre Grassou et autres nouvelles / Éd. présentée et annotée par Adrien Goetz. P., 1994. 381 p.
9. *Bass M. A.* Jan Gossart and the Invention of Netherlandish Antiquity. Princeton (N.J.), 2016. 212 p.

REFERENCES

1. Bal'zak O. de. Nevedomij shedevr [Le Chef-d'œuvre inconnu], trans. from French I.M.Briusova. *Nevedomij shedevr. Poiski absoluta*. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 9–34. (In Russ.)
2. Volkova P. *Mistiki i gumanisti* [Mystics and Humanists]. Moscow, AST Publ, 2019, 320 p. (In Russ.)
3. Grejvs R. *Mifi drevnej Grezii* [Myths of Ancient Greece], trans. from English. Ekaterinburg, U-Factoria Publ., 2007, 1008 p.
4. Jejts Fr.A. *Dzhordano Bruno i germeticheskaja tradizija* [Giordano Bruno and Hermetic Tradition], trans. from English. Moscow, Novoje literaturnoje obozrenije, 2018, 520 p. (In Russ.)
5. *Perepiska Borisa Pasternaka* [Correspondence of Boris Pasternak], comp. Je.V. Pasternak, Je.B. Pasternak. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1990, 575 p. (In Russ.)
6. Tajandje, Fransua [Taillandier, François]. *Bal'zak*, trans. from French. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2013, 206 p. (In Russ.)
7. Tolmatchoff V.M. *Bajron i Napoleon: Opit interpretazii tvorcheskoj biografii Bajrona i poemi "Palomnichestvo Chailda Garol'da"* [Byron and Napoleon: An Interpretation of Creative Biography of Byron and His Poem "Childe Harold's Pilgrimage"]. Moscow, Vestnik PSTGU Filologija, 2018, № 6, pp. 92–109. (In Russ.)
8. Balzac Honoré de. *Le Chef-d'œuvre inconnu, Pierre Grassou et autres Nouvelles*, éd. présentée et annotée par Adrien Goetz. Paris, Gallimard, 1994, 381 p. (In French)
9. Bass Marisa Anne. *Jan Gossart and the Invention of Netherlandish Antiquity*. Princeton (N.J.): Princeton UP, 2016, 212 p. (In English)

Поступила в редакцию 01.10.2021

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 01.10.2021

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Толмачёв Василий Михайлович — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, forlit@philol.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vasily Tolmatchoff — PhD, full professor, chairman, Department of History of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, forlit@philol.msu.ru

СИМВОЛИКА СВЕТА В ПОЭЗИИ В. ШАЛАМОВА

Д.В. Кротова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, da-kro@yandex.ru

Аннотация: Образ света наделен в поэтическом мире В. Шаламова исключительной значимостью. Его прочтение весьма многообразно, но всегда характеризуется двумя важнейшими аспектами: во-первых, образы света у Шаламова глубоко символичны, во-вторых, они непременно связаны с моральным началом, с воплощением той или иной этической грани. Цель исследования — выявление и последовательное раскрытие важнейших аспектов трактовки образа-символа света у Шаламова, как соотносимых со сложившейся в истории культуры и литературы традицией, так и ярко новаторских, присущих именно художественному мышлению автора «Колымских тетрадей». С традиционным семантическим спектром в поэзии Шаламова соотносится интерпретация света как блага, как созидательного, витального начала. Световые образы связываются с идеей приятия жизни как целостности, ощущением высшего единства в бесконечном разнообразии явлений бытия (названный семантический спектр раскрывается на примере стихотворений из сборника «Сумка почтальона», а также в «Стихах в честь сосны», в таких текстах, как «Я сегодня очень рад...», «Восход солнца», «Индигирка» и др.). Более необычная трактовка образной сферы света — когда он оказывается бесполезен и бессилен, не дает ни тепла, ни блага («Вот солнце в лесной глухомани...»), а порой интерпретируется даже как предвестие беды («Луч»). Наконец, в ряде случаев у Шаламова мотив света непосредственно связан со злом («Я думаю все время об одном...», «У полотен Борисова» и др.). Осмысление света как зла является одним из новаторских и необычных художественных решений Шаламова. В статье подробно раскрываются различные формы трактовки света как зла, в том числе анализируются особенности истолкования автором «Колымских тетрадей» соляной символики в различных ее гранях в контексте традиций Серебряного века. К исследованию привлекаются не только опубликованные тексты, но и материалы архива В. Шаламова (РГАЛИ).

Ключевые слова: русская поэзия; Шаламов; образ света; моральные категории в литературе; соляная символика; метафора тепла

Для цитирования: Кротова Д.В. Символика света в поэзии В. Шаламова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 98–107.

SYMBOLISM OF LIGHT IN V. SHALAMOV'S POETRY

Daria Krotova

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, da-kro@yandex.ru

Abstract: The image of the light is endowed with exceptional significance in the poetic world of V. Shalamov. Two most important aspects characterize its interpretation: Shalamov's images of light are always deeply symbolic and they are certainly connected with the moral beginnings. The purpose of the article is to reveal and disclose the most important aspects of the interpretation of the image of light, both correlated with the tradition and brightly innovative. The treatment of light as a good and vital beginning in Shalamov's poetry is linked with the traditional semantic spectrum. Light images are associated with the idea of accepting life as wholeness, a feeling of higher unity of phenomena of being. The named semantic spectrum is revealed on the example of poems from the collection "Bag of a postman", as well as in "Poems in honor of pine", "I am very pleased today...", "Sunrise", "Indigirka", etc. A more unusual treatment of the sphere of light — when it is useless and powerless, does not give either warmth or good and sometimes interpreted even as a harbinger of trouble ("Ray"). Finally, in some cases motive of light is directly related to evil ("I think all the time about one thing...", "At the paintings of Borisov", etc.) An interpretation the light as an evil is one of Shalamov's innovative artistic decisions. The article discloses various forms of representation of light as evil, including the analysis of the solar symbolics in its multiform facets in the context of traditions of the Silver Age. The analysis involves the materials of Shalamov's archive (Russian State Archive of Literature and Arts).

Key words: Russian poetry; Shalamov; image of light; moral categories in literature; solar symbolism; metaphor of warmth

For citation: Krotova D. (2022) Symbolism of light in V. Shalamov's poetry. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 98–107.

В лирике Шаламова образы света играют исключительно значимую роль. Они встречаются и в каждом из шаламовских поэтических сборников, и в стихотворениях, не входящих в «Колымские тетради». Мотив света можно считать достаточно традиционным для русской поэзии, но Шаламов во многих случаях предлагает собственную, ярко индивидуальную его трактовку. Спектр его прочтений у Шаламова весьма многообразен, но всегда характеризуется двумя важнейшими аспектами: во-первых, образы света в стихотворениях Шаламова глубоко символичны, во-вторых, они непременно связаны с моральным началом, с воплощением той или иной этической грани.

Моральная окрашенность образов света у Шаламова может быть полярно противоположной: свет порой выступает носителем идеи добра (что в целом традиционно для мирового искусства и литера-

туры), но в то же время может ассоциироваться с темным, злым началом. Свет как зло — это необычная трактовка темы света в русской поэзии. В комментариях к своему стихотворению «Я думаю все время об одном...» (1963) Шаламов отмечал: «В.Л. Андреев хвалил изображение света как зла — новинку в русской лирике» [Шаламов, 2013b: 489]. Трактовку Шаламовым образов света как воплощения злого начала действительно можно признать новаторской, и такая интерпретация характерна далеко не только для одного названного стихотворения. Мы обнаруживаем разные грани подобного прочтения в целом ряде стихотворений Шаламова и утверждаем, что мотив «свет как зло» является новаторским поворотом в решении этой темы, осуществленным в шаламовской поэзии.

Целесообразно начать рассмотрение с более привычных моральных коннотаций образа света у Шаламова: свет как добро, благо. Если обратиться к мотивам света в русской классической поэзии или в лирике Серебряного века, то можно обнаружить, что они по большей части связаны именно с положительным спектром смыслов. Мотив света обычно встроен в позитивный образный ряд (даже если общий тон стихотворения не лишен элегически-печальных нот, например, «Мне грустно и легко; печаль моя светла...» [Пушкин, 1981: 149]). Свет зачастую ассоциируется с благом жизни, с темами любви, вдохновения и творчества. Именно такие ассоциации зачастую обретает этот образ в поэзии XIX столетия. В лирике допушкинского периода мотив света также играет весомую роль, не случайно А.А. Харлушина даже называет свет «первометафорой» русской литературы XVIII в., «неотъемлемым атрибутом поэтики просветителей» [Харлушина, 2016: 15].

Позитивный семантический спектр образа света получил всестороннее воплощение в русской поэзии Серебряного века и последующих десятилетий. Символика света зачастую соотносится с высшими началами мироздания, которые понимаются в христианском ключе (как, например, в стихотворениях «Свет» З. Гиппиус, «А Смоленская нынче именинница...» А. Ахматовой, «Август» Б. Пастернака), в том числе ассоциируются с вечно-женственными основами бытия («Стихи о Прекрасной Даме» А. Блока, «Золото в лазури» и Четвертая симфония А. Белого). Нередко этот образ связывается и с представлением о безграничной силе любви, искусства и красоты (напр., у К. Бальмонта, у Ф. Сологуба в цикле «Звезда Маир»). Подобное понимание идеи света глубоко укоренено в фольклорных и религиозных представлениях. Так, А.Н. Афанасьев размышлял о сущностном родстве в народном сознании категорий света и блага: «... по древнейшему убеждению, *святой* <...> есть светлый, белый; ибо самая стихия света есть божество, не терпящее

ничего темного, нечистого, в позднейшем смысле — греховного. Понятие светлого, благого божества и святости неразлучны, и последнее — прямой вывод из первого» [Афанасьев, 2008: 69]. В Библии свет связан с божественным началом: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин 1:5).

У Шаламова целый ряд стихотворений соответствует спектру традиционных коннотаций, связанных с пониманием света как блага (но в большинстве случаев вне религиозного контекста, поскольку Шаламов не был верующим¹). Именно такое видение отражено в ряде стихотворений из сборника «Сумка почтальона» («Утро», «Неосторожный юг...»), а также в «Стихах в честь сосны», в таких текстах, как «Я сегодня очень рад...», «Восход солнца», «Индибирка» и др. Во всех этих стихотворениях образ света ассоциируется с созидательными началами бытия, с идеей добра, спасения, жизни. Подобный комплекс смыслов находит отражение в неразрывной связи темы света с метафорой тепла. «Утро», «Неосторожный юг...», «Индибирка» — это «летние» стихотворения, в которых органичное сплетение названных мотивов воплощает идею красоты мира, надежды на спасение. Во всех этих стихотворениях отражается характерная (хотя и не вполне ожидаемая читателем, ориентированным прежде всего на «Колымские рассказы») грань художественного сознания Шаламова: приятие жизни в ее целостности, понимание существования как блага, ощущение высшего единства в бесконечном разнообразии явлений бытия, и прежде всего бытия природы.

Образы тепла и света ассоциируются в первую очередь с контекстом летних образов, но у Шаламова встречаются и «зимние» стихотворения, претворяющие означенные смыслы. Например, «Я сегодня очень рад...» — «зимний» текст, но здесь также находят отражение названные метафоры: «И растущий куст огня / Пышет жаром на меня» [Шаламов, 2013b: 345]. Это стихотворение о счастье спасения, о возвращении к жизни, здесь передано благодатное чувство прилива творческих сил. Переживание полноты бытия пронизывает все стихотворение, но в особенности обращает на себя внимание финальное трехстишие, где появляется образ «звездного краешка небес». Звездное небо — это широко понимаемый символ добра и надежды, и в то же время здесь можно усмотреть аллюзию на знаменитую кантовскую метафору, ассоциируемую с неизменными высшими началами бытия.

В некоторых стихотворениях образы тепла и света обретают сугубо личный оттенок. Так, в «Стихах в честь сосны» лесное дере-

¹ См. подробнее об отношении В. Шаламова к религии: [Кротова, 2011].

во спасает лирического героя от «смертного зимнего бреда» своим «зеленым мягким светом», «теплотой» «хвойного листа» [Шаламов, 2013b: 284–287]; сосна, как отмечает В. Гончарова, «предстает в стихотворении <...> в образе дамы рыцаря» [Гончарова, 2009: 80]. Характерное для Шаламова соединение образа света с темой любви представлено и в стихотворении «Утро» — одном из лучших и самых радостных любовных стихотворений Шаламова. Возлюбленная предстает перед лирическим героем, «лучась» и окутывая пространство «своим блаженным светом» [Шаламов, 2013b: 98].

В приведенных стихотворениях раскрываются яркие и индивидуальные, но в целом не выходящие за рамки сложившихся традиций интерпретации образа света. Более необычной выглядит трактовка этого мотива, например, в стихотворении «Вот солнце в лесной глухомани...». Солнечные лучи здесь становятся источником света («сыплют в тумане / С небес золотое пшено»), но их свет оказывается бесполезен и бессилён, он не даёт ни тепла, ни радости («Рассыпаны эти крупинки, / И я их собрать не могу» [Шаламов, 2013b: 354]). Здесь свет не связан с образом зла как такового, но и блага он не даёт.

Свет как тревожный знак, предвестие беды появляется в стихотворении «Луч»: здесь солнечный свет, «прорезав занавески», проникает в комнату, но это не ласковый и радостный луч, как в стихотворении «Утро», а предвещающий нечто недоброе — луч, который «в глаза мне брызжет кровью» [Шаламов, 2013b: 134]. Свет порой ассоциируется с болью, с испытанием, которое нужно преодолеть: «Свет — порожденье наших глаз, / Свет — это боль, / Свет — испытание для нас, / Для наших воль» [Шаламов, 2013b: 297].

Наконец, в ряде случаев у Шаламова образ света непосредственно связан со злом. «В окне вдруг стало чересчур светло – / Я догадался: совершилось зло» [Шаламов, 2013b: 397] (стихотворение «Я думаю все время об одном...», где речь идёт о том, как «убили» дерево, тополь). Вполне объяснимы, на наш взгляд, причины такой трактовки образа света у Шаламова: на Колыме, в северных широтах, длительный полярный день (и полярная ночь, соответственно). Не заходящее за горизонт солнце, «двух зорь огневое сближенье, / Режущее глаза», «оранжевый небосвод» [Шаламов, 2013b: 99–100] — эта картина, наполненная светом, стала для Шаламова символом пережитой трагедии. Свет в сознании Шаламова неизбежно обретал ассоциации с лагерной жизнью, с нечеловеческими условиями, которые пришлось ему выдержать. Поэтому, как нам представляется, в его стихотворениях и возникает столь необычная для русской поэзии трактовка света как символа деструктивного начала.

Солнечный свет порой предстает у Шаламова уничтожающим, мертвенным. В стихотворении «Немилосердное светило...» солнце

сжигает все вокруг, убивает живую траву, скалы «лопаться готовы» от нестерпимого жара. Начавшийся было дождь только «едва обрызгал косогор», и солнце снова «выскочило» «плясать в дымящейся траве» [Шаламов, 2013b: 338]. «Пляска» солнца ассоциируется с образом, сквозным для мировой культуры, — «пляска смерти», губительный, убивающий танец. Размышляя о мотиве пляски смерти в литературе XIX — начала XX в., исследователь отмечает: «В русской культуре мотив танца смерти встречается в романтической литературе, в вокальном цикле М.П. Мусоргского “Песни и пляски смерти” (1875–1877) на стихи А.А. Голенищева-Кутузова, в лирическом цикле “Dances Macabres” (1903) К. Бальмонта, в цикле “Пляска смерти” (1910) В. Брюсова. На позднейшей волне интереса к пляске смерти этот мотив появляется в 1910-х годах и в творчестве А.А. Блока» [Леонавичус, 2015: 87]. На наш взгляд, Шаламов в стихотворении «Немилосердное светило» предлагает собственную интерпретацию этого классического мотива европейской и русской культуры.

«Что в угол загнано жарюю, / Кому под солнцем жизни нет, / Что скрыто грязною корою, / Умылось, выползло на свет...»² — такие строки читатель встречает в стихотворении «После дождя» [РГАЛИ. Ф. 2596, оп. 3, ед. хр. 3], где образ благодатного, спасительного ливня противопоставлен мертвящему солнцу.

Солнечный свет у Шаламова связан с гибельным началом и в стихотворении «У полотен Борисова». Художник Александр Борисов — уроженец Вологды, отразивший в своих картинах впечатления от Арктики, где он неоднократно бывал в составе исследовательских экспедиций. Шаламов так осмыслил увиденное на его полотнах: «Нет места закату. Свет клином сошелся. / И солнце спускается в полынью. / Горящее море. Кипящее солнце. / Циклоп одноглазый, глядящий на юг» [Шаламов, 2020: 400]. Образ «кипящего солнца» концентрирует в себе мощь уничтожения. В рукописи этого стихотворения присутствует вариант четвертой строки: «Циклоп, перед смертью взглянувший на юг» [РГАЛИ. Ф. 2596, оп. 3, ед. хр. 1]. Непосредственно явленный здесь образ смерти еще более подчеркивает гибельную энергию солнечного света. Свет в этом пейзаже ассоциируется со злом. Как видится, такая трактовка возникла у Шаламова потому, что в художественном представлении самого поэта свет порой связан с сугубо негативными коннотациями. Автор «Колымских тетрадей», не принимая образного мира Борисова, уловил в его

² В рукописи стихотворения [РГАЛИ. Ф. 2596, оп. 3, ед. хр. 3] содержится вариант четвертой строки приводимой строфы: «Умылось и идет на свет». Именно этот вариант строки представлен в «Колымских тетрадях» («Дождя, как книги, слышен шелест...»).

полотнах те смысловые оттенки, которые были присущи его собственному поэтическому мышлению.

Названные аспекты шаламовской трактовки солярной символики представляют собой ярчайший контраст по отношению к наиболее частотным интерпретациям образа солнца в поэзии Серебряного века, с которой Шаламов органически связан и традиции которой продолжает в своем творчестве. Мотивы солнца и солнечного света как воплощения творящей энергии художника широко представлены в лирике К. Бальмонта (книги «Будем как солнце», «Только любовь», «Сонеты Солнца, Меда и Луны» и др.), солярные образы обладают несомненной значимостью в творчестве А. Белого («Золото в лазури»), Вяч. Иванова (цикл «Солнце-сердце» и др. из сборника «Cor Ardens»), они находят разноплановое воплощение на полонах М. Чюрлениса («Соната солнца»). В художественной культуре Серебряного века солярная символика зачастую связана с образами вдохновения, с созидательными началами бытия. Трактовка Шаламова в ряде случаев, как было доказано выше, резко противостоит традиции.

В некоторых шаламовских стихотворениях («Черский», «Огонь — кипрей! Огонь — заря!») солнечный свет — всего лишь «желтая мгла», это свет жесткий, недобрый и даже калечащий: «Голый лес насквозь просвечен / Светом цвета янтаря. / Искалечен, изувечен / Желтым солнцем января» [Шаламов, 2013b: 356]. Желтый солнечный свет ассоциируется с мучением («А я — как муха в янтаре, / В чудовищной смоле, / Навеки в этом январе, / В прозрачной желтой мгле» [Шаламов, 2013b: 359]). «Желтый» — часто злой, пугающий, предвещающий беду. Подобную семантику желтого цвета читатель встретит не только в поэзии Шаламова, но и в его прозе: так, в рассказе «Выходной день» священник Замятин выходит в барак «из темноты на желтый свет коптилки-бензинки» [Шаламов, 2013a: 158] — и оказывается издевательски обманут блатарями. Шаламов в подобной трактовке семантики желтого цвета идет вслед за русской литературной традицией — как известно, этот цвет зачастую окрашен глубоко негативными коннотациями у Ф. Достоевского, А. Блока, А. Ганина и ряда других авторов.

В стихотворении «У светофора» [Шаламов, 2020: 177–178] урбанистическая метафора «мерцающего желтого света» выступает эмблемой тревоги и драматизма того исторического времени, которое выпало на долю художника. Свой «путь напряженный», начало дороги «удач и бед» Шаламов иносказательно соотносит в этом стихотворении именно с пульсирующим желтым сигналом светофора.

Символом злых, деструктивных начал может выступать и свет луны: в стихотворении «Приподнятый миллионом рук...» [Шаламов,

2013b: 101] появляется образ лунного «мертвого» света. Означенные смыслы оказываются актуализированы и в прозе Шаламова: как отмечают И.А. Макевнина и Н.Ю. Филимонова, «в “Колымских рассказах” частотный образ луны нередко ассоциируется со смертью; луна предвещает трагическое, непоправимое действие» [Макевнина, Филимонова, 2020: 597].

Кульминационным же воплощением образа света как зла в шаламовской поэзии становится страшный образ радиационного свечения, уничтожающего все живое. В стихотворении «Золотой, пурпурный и лиловый...» образ ядовитого света, порожденного атомным взрывом, становится символом мирового зла (ср. размышления о смертоносной угрозе ядерных экспериментов в «Атомной поэме» Шаламова). Мотив света преломился здесь в «слепой огонь пожара» [Шаламов, 2013b: 377]. Стихотворение насыщено многообразными цветовыми эпитетами — золотой, лиловый, синий, пурпурный... Как отмечает В.В. Есипов, Шаламову вообще было свойственно «необыкновенно острое восприятие ярких красок», связанное «с тем, что Шаламов основную часть жизни провел на Севере, где всегда преобладали холодные черно-белые тона» [Есипов, 2012: 289]. В названном стихотворении богатый световой и колористический спектр создает впечатление не красоты, а устрашающей, неестественно-яркой и губительной картины, образ света обретает ассоциации с идеей всемирной угрозы. Характерно, что Шаламов переосмысливает здесь в трагическом ключе традиционные цвета русской иконописи: золотой, пурпурный, синий.

Итак, образ света в поэзии Шаламова предстает в разнообразных интерпретациях и всегда сопряжен с многомерной перспективой символических смыслов. Не случайно в понимании Е.В. Волковой одним из значимых свойств шаламовских текстов является их «амбивалентная символика» [Волкова, 1998: 6], а И.П. Сиротинская (размышляя о прозе Шаламова) обращала внимание на «глубокий подтекст, метафоричность, символы» [Сиротинская, 2013: 40].

Характерные черты трактовки темы света у Шаламова связаны с ее обязательным моральным наполнением, причем этическая двунаправленность в интерпретации образа света сохраняется на протяжении всего творческого пути поэта. Ярko выраженная семантическая двуплановость характеризует в художественном мире Шаламова именно образ света, в то время как некоторые другие центральные мотивы его поэзии — такие как снег и метель, стланик и лиственница, юг и тепло — при всем разнообразии и широте трактовок обладают более однозначной моральной окрашенностью и более определенно тяготеют к тому или иному смысловому полюсу. Символ света же парадоксальным образом фокусирует взаи-

моисключающие концептуальные сферы, в чем проявляется специфика шаламовского художественного подхода и его безусловное новаторство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев А.Н. Славянская мифология. М.; СПб., 2008.
2. Волкова Е.В. Трагический парадокс Варлама Шаламова. М., 1998.
3. Гончарова В.Н. Лингвокультурологический анализ стихотворения В. Шаламова «Стихи в честь сосны» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2009. No 2. С. 78–81.
4. Есипов В.В. Шаламов. М., 2012.
5. Кротова Д.В. Поэтическое творчество В. Т. Шаламова // Шаламов В. Колымские тетради. М., 2011. С. 5–58.
6. Леонавичус А.В. Бал как пляска смерти у А. Блока и русских романтиков // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. №8. С. 85–99.
7. Макевнина И.А., Филимонова Н.Ю. Формально-семантические инварианты в поэзии и прозе Варлама Шаламова и Бориса Пастернака // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81). С. 596–598.
8. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М., 1981.
9. Сиротинская И.П. Мой друг Варлам Шаламов // Шаламов В. Собр. соч. Т. 1–7. Т. 7. М., 2013. С. 9–40.
10. Харлушина А.А. Свет как «первометафора» русской литературы XVIII века // Актуальные проблемы филологии: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.) Краснодар, 2016. С. 13–15.
11. Шаламов В.Т. После дождя // РГАЛИ. Ф. 2596, оп. 3, ед. хр. 3.
12. Шаламов В.Т. Собр. соч. Т. 1–7. Т. 1. М., 2013а.
13. Шаламов В.Т. Собр. соч. Т. 1–7. Т. 3. М., 2013б.
14. Шаламов В.Т. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 2. СПб., 2020.
15. Шаламов В.Т. У полотен Борисова // РГАЛИ. Ф. 2596, оп. 3, ед. хр. 1.

REFERENCES

1. Afanas'ev A.N. *Slavyanskaya mifologiya* [Slavic mythology]. Moscow, *Eksmo Publ.*; Saint Petersburg, *Midgard Publ.*, 2008. 1518 p. (In Russ.)
2. Volkova E.V. *Tragicheskii paradoks Varlama Shalamova* [Varlam Shalamov's tragic paradox]. Moscow, *Respublica Publ.*, 1998. 176 p. (In Russ.)
3. Goncharova V.N. Lingvokul'turologicheskii analiz stikhotvoreniya V. Shalamova "Stikhi v chest' sosny" [Linguaculturological analysis of the poem "Verses in honor the pine-tree" by V. Shalamov]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Lingvistika, 2009, No 2, pp. 78–81. (In Russ.)
4. Esipov V.V. Shalamov [Shalamov]. Moscow, *Molodaya gvardiya Publ.*, 2012. 346 p. (In Russ.)
5. Krotova D.V. Poeticheskoe tvorchestvo V. T. Shalamova [Shalamov's poetic work]. *Shalamov V. Kolymskie tetradi*. Moscow, *Eksmo Publ.*, 2011, pp. 5–58. (In Russ.)
6. Leonavichus A.V. Bal kak plyaska smerti u A. Bloka i russkikh romantikov [A ball as a dance of death by A. Blok and Russian romantics]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, 2015, №8, pp. 85–99. (In Russ.)
7. Makevnina I.A., Filimonova N.Yu. Formal'no-semanticheskie invarianty v poezii i proze Varlama Shalamova i Boris Pasternaka [Formal and semantic invariants in

- poetry and prose of Varlam Shalamov and Boris Pasternak]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2020, № 2 (81), pp. 596–598. (In Russ.)
8. Pushkin A.S. *Sobr. soch.* [Collected works]: In 10 vols. Vol. 2. Moscow, *Pravda Publ.*, 1981, 415 p. (In Russ.)
 9. Sirotinskaya I.P. *Moi drug Varlam Shalamov* [My friend Varlam Shalamov]. *Shalamov V. Sobr. soch.* Vol. 1–7. Vol. 7. Moscow, *Knigovek Publ.*, 2013, pp. 9–40. (In Russ.)
 10. Kharlushina A.A. Svet kak «pervometafora» russkoi literatury XVIII veka [Light as a «prime-metaphor» of Russian literature of the 18th century]. *Aktual'nye problemy filologii: materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* (Krasnodar, fevr. 2016). Krasnodar, *Novatsiya Publ.*, 2016, pp. 13–15. (In Russ.)
 11. Shalamov V.T. *Posle dozhdy* [After the rain]. *Russian State Archive of Literature and Arts*. F. 2596, inv. 3, un. 3. (In Russ.)
 12. Shalamov V.T. *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 1–7. Vol. 1. Moscow, *Knigovek Publ.*, 2013a. (In Russ.)
 13. Shalamov V.T. *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 1–7. Vol. 3. Moscow, *Knigovek Publ.*, 2013b. (In Russ.)
 14. Shalamov V.T. *Stikhotvoreniya i poemyy* [Poems]. In 2 vols. Vol. 2. Saint Petersburg, *Izdatelstvo Pushkinskogo Doma, Vita Nova Publ.*, 2020. 640 p. (In Russ.)
 15. Shalamov V.T. *U poloten Borisova* [At the paintings of Borisov]. *Russian State Archive of Literature and Arts*. F. 2596, inv. 3, un. 1. (In Russ.)

Поступила в редакцию 22.03.2021

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 22.03.2021

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Кротова Дарья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, da-kro@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Daria Krotova — PhD, Associate Professor, Department of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, da-kro@yandex.ru

БОДЛЕР КАК НЕКРАСОВ: К ИСТОРИИ ПЕРВЫХ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ИЗ «ЦВЕТОВ ЗЛА»

Н.А. Зупник

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, nadidi00018@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу первых русских переводов Бодлера, выполненных Н.С. Курочкиным для журнала «Отечественные записки», и оригинальных произведений Бодлера. На переводческие стратегии Курочкина не могла не повлиять поэтическая манера Н.А. Некрасова. Вследствие этого влияния Бодлер на страницах «Отечественных записок» предстает не как декадент, но как социальный поэт. Сравнительная характеристика основывается на материале публикаций переводов Курочкина в «Отечественных записках»: «Сплин» (1869), «Из Шарля Бодэлера» (1870), «Сплин» («Заключенный жизни враг — с своей обычной мглой...», 1871), «Nocturno» (1872); оригинальных текстах Бодлера из сборника «Les fleurs du mal» («La fin de la journée», «Spleen» («Pluviøse, irrité contre la ville entire...», «Le Crépuscule du soir», «Spleen» («Quand le ciel bas et lourd pèse comme un couvercle...»), «Le Crépuscule du matin»). К анализу также привлекаются произведения Некрасова конца 50-х и 60-х годов. Уподобление Некрасову в процессе перевода такого поэта, как Бодлер, позволяет говорить о распространенности и влиятельности поэтического языка Некрасова в России к 70-м гг. XIX в. Переводы Курочкина можно воспринимать как попытку адаптировать французский материал к русскому контексту; поэтому в России 70-х годов представление о Бодлере, с поэзией которого русский читатель впервые познакомился в переводческой интерпретации Курочкина, отличается от принятого сегодня взгляда на творчество французского поэта.

Ключевые слова: Ш. Бодлер; Н.А. Некрасов; Н.С. Курочкин; «Отечественные записки»; первые переводы Бодлера

Для цитирования: Зупник Н.А. Бодлер как Некрасов: к истории первых русских переводов из «Цветов зла» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2022. № 2. С. 108–116.

BAUDELAIRE AS NEKRASOV: TO THE HISTORY OF THE FIRST RUSSIAN TRANSLATIONS FROM THE FLOWERS OF EVIL

Nadezhda Zupnik

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, nadidi00018@mail.ru

Abstract: The article presents a comparative analysis of the first Russian translation of Baudelaire's verse made by N. Kurochkin for the magazine *Notes of the Fatherland*, and the original poems. Kurochkin's translation strategies were by all means influenced by the diction of Nekrasov's poetry. As a result of this influence, Baudelaire appears in the *Notes of the Fatherland* not as a decadent, but as a social poet, likened to Nekrasov. The comparative analysis is based on Kurochkin's translations published in the *Notes of the Fatherland* in 1869–1872 and on the original texts of Baudelaire from the collection *The Flowers of Evil*. Some of Nekrasov's poems are also touched upon in the analysis. The similarity of such a poet as Baudelaire to Nekrasov in the process of translation allows us to speak about the prevalence and influence of Nekrasov's poetic language in Russia in the 1870s. Russian translations by Kurochkin can be perceived as an attempt to adapt the French material to the Russian context; therefore, in Russia of the 1870s, the idea of Baudelaire, whose poetry the Russian reader first met in the interpretation of Kurochkin, differs from the current view on the work of the French poet.

Key words: Ch. Baudelaire; N. Nekrasov; N. Kurochkin, *Notes of the Fatherland*; first translations of Baudelaire

For citation: Zupnik N. (2022) Baudelaire as nekrasov: to the history of the first russian translations from *the flowers of evil*. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 108–116.

Первые русские переводы Бодлера относятся к рубежу 60-х и 70-х годов XIX в. Одним из первых переводчиков Бодлера был Н.С. Курочкин; его переводы из «Цветов зла»¹ были опубликованы в журнале «Отечественные записки». Так, в № 12 «Отечественных записок» за 1869 г. мы находим первое переведенное Курочкиным стихотворение Бодлера “Spleen” (“Quand le ciel bas et lourd pèse comme un couvercle...”). Публикаций переводов Курочкина из Бодлера в журнале всего четыре, они относятся к 1869–1872 гг.

Странен сам факт появления в журнале Некрасова поэзии Бодлера, эстетически и идеологически ему чуждой. Кроме того, «Цветы зла» были запрещены в России вплоть до 1906 г., поскольку, по словам цензора Н.А. Васенцовича-Макаревича, «трактование <...> о различного рода болезнях, смерти, разложении трупов, о пьянстве или проституции — было явлением новым, оскорблявшим нежный слух читателя, привыкшего встречать в стихах лишь воспевание всего прекрасного» [Айзеншток, 1939: 822]. Однако именно эти темы, позволяющие поэтам некрасовского круга придать своим переводам социальное звучание и выйти за пределы исключительно эстетиче-

¹ Первое издание «Цветов зла» вышло в 1857 г., второе издание — в 1861 г., третье издание 1868 г. появилось уже после смерти Бодлера. Курочкин мог пользоваться только вторым или третьим изданием, поскольку некоторые переведенные им стихотворения отсутствуют в издании 1857 г.

ского, могли вызвать интерес у Курочкина. Темы, отдельные образы, но не их авторская интерпретация. В процессе перевода для «Отечественных записок» Курочкин либо намеренно изменял Бодлера, либо не осознавал новаторские содержательные и стилевые особенности его поэзии. В любом случае, на переводческие стратегии Курочкина повлияла поэтическая манера Некрасова. Это влияние проявилось, во-первых, в интерпретации переводчиком основных тем поэзии Бодлера, во-вторых, в образной структуре его переводов.

Принято считать, что урбанистическая тема сближает поэзию Некрасова и Бодлера [Брюсов, 1987: 68; Григорьев, 1973]. Действительно, в урбанизме Бодлера можно увидеть причину интереса к его текстам переводчиков революционно-демократического круга, поскольку к городской теме не раз обращался Некрасов. Однако в основе урбанизма Бодлера лежит не столько социальное, сколько эстетическое начало. Зло переживается и осознается лирическим героем прежде всего как метафизическая категория (такое понимание Бодлер задает еще во вступлении к «Цветам зла» («Au lecteur»), где главную роль играют образы тьмы, Дьявола, Смерти, тела, подверженного тлению, Скуки). Предметом изображения в «Le Crépuscule du soir» («Вечерние сумерки») становится авторская рефлексия, мир, воспринимаемый лирическим героем; переживание передается через символические образы. В переводе Курочкина же в центре внимания оказываются такие темы, как нищета, преступность, проституция, непосильный труд, болезнь, и стихотворение превращается в иллюстрацию острых общественных проблем:

Больницы все полны страдальцами такими,
Им облегчения не доставляет ночь,
Ни скрежетом зубов, ни стонами глухими,
Им мук болезненных своих не превозмочь.

[Бодлер, 1872: 508]

В оригинале:

Recueille-toi, mon âme, en ce grave moment,
Et ferme ton oreille à ce rugissement.
C'est l'heure où les douleurs des malades s'aigrissent!
La sombre Nuit les prend à la gorge; ils finissent
Leur destinée et vont vers le gouffre commun...² (195)

² Здесь и далее оригинальные тексты Бодлера цитируются по следующему изданию с указанием номера страницы: *Baudelaire Charles. Le Crépuscule du soir // Les fleurs du mal. Paris, 1917.* Французский текст мы сопровождаем в примечаниях нашим подстрочным переводом:

Забудься, душа, в это тяжелое мгновение,
Закрой слух от этого воя.
Настал час, когда страдание ожесточается на больных!
Мрачная ночь берет их за горло; они заканчивают
Свое существование и движутся к общей пропасти.

В переводе Курочкина зло изображается как социальный феномен, со стороны, вводится позиция наблюдателя (при помощи местоимений «там» и «тут»), которые маркируют всеведущую позицию лирического субъекта):

Там оргия кипит ночная, там гулянка
Пойдет безумная до самого утра,
А тут бесчестная неопытных приманка
Открыла свой притон азартная игра.

[Бодлер, 1872: 508]

Новаторское в поэзии Бодлера не передается. Поэтический мир Бодлера наполняет тление, смерть, тьма и тайна — тайна красоты в безобразном, то, что нельзя объяснить, но можно символически передать. Происходящее в мире, который создает Курочкин-переводчик, социально детерминировано.

На типологическое сходство “*Le Crépuscule du soir*” и некрасовских «Сумерек» (цикл «О погоде») обратил внимание еще А.Л. Григорьев [Григорьев, 1973: 126]. Он отмечал, что город Некрасова конкретнее и что Некрасову чужда эстетизация зла, которая делала Бодлера предшественником декадентства, а также чужды размышления «о ничтожестве человека перед лицом вселенной», романтические ирония и мятеж [Григорьев, 1973: 127]. Однако важно отметить, что Некрасов изображает прежде всего зло социальное, зло как метафизическая категория отсутствует в его поэтическом мире, а значит, его эстетизация, о которой говорит Григорьев, невозможна.

Нельзя согласиться и с выводом Григорьева о том, что «оба поэта с симпатией приглядывались к жизни трудового народа» [Григорьев, 1973: 127]: Бодлеру по-настоящему не интересен трудовой человек; напротив, бодлеровская и некрасовская интерпретации этой темы показывают серьезное расхождение между мировоззрениями двух поэтов, двумя созданными ими эстетическими системами. Действительно, в нескольких стихотворениях французского поэта можно найти упоминания о, например, «труженике Париже»: “*Et le sombre Paris, en se frottant les yeux, / Empoignait ses outils, vieillard laborieux*” (211) или о том, что наступление ночи становится желанным для тех, кто честно трудился днем: “*Ô soir, aimable soir, désiré par celui / Dont les bras, sans mentir, peuvent dire: / Aujourd’hui / Nous avons travaillé!*” (194). Но утверждение, что тема народа играет сколько-нибудь значительную роль в поэзии Бодлера, неверно. Это лишь «деталь», помогающая создать образ безжалостного к человеку современного города, но не являющаяся самостоятельной темой.

Итак, поэтизация скорби, отчаяния — общее в эстетике Бодлера и Некрасова. Но одна и та же тема страдания интерпретируется ими

по-разному. Бодлеру дисгармония нужна, чтобы выразить себя, свое мироощущение, а Некрасову — чтобы рассказать о жизни и судьбе *другого*, как в «Размышлениях у парадного подъезда»:

<...> Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?

[Некрасов, 1981: 49]

Урбанистическая тема у Некрасова неотделима от его главной задачи: рассказать о простом человеке. Случайное событие на улицах города становится поводом, чтобы рассказать о нуждах народа и даже выйти за рамки городского пространства, расширив его до масштабов всей страны: «Как великою скорбью народной / Переполнилась наша земля, — / Где народ, там и стон...» [Некрасов, 1981: 49]. Не так у Бодлера: изображение города — самоцель, город — центральный символ его поэтического мира; происходящее в городе — коррелят состояния человеческой природы, цивилизации и всего универсума. Следовательно, нельзя объяснить поэтику переводов Курочкина случайными искажениями или непрофессионализмом: на его переводческую манеру, несомненно, повлияла поэзия Некрасова. Курочкин адаптирует поэзию Бодлера к русскому контексту, актуализируя проблемы современной ему России, ставшие предметом изображения в русской литературе этого периода.

Образы в стихотворениях Бодлера возникают спонтанно, главная роль отводится метафорам; значимы создающие контрасты эпитеты. Курочкин, напротив, отказывается от насыщенной образности оригинала, заменяя яркие эпитеты стилистически нейтральными или разворачивая суггестивный образ в описательную структуру. Так, бодлеровский эпитет «чувственная» (“*voluptueuse*”), создающий образ ночи в “*La fin de la journée*”³ («Конец дня»), заменяется на описательную структуру, одновременно искажаются смысловые акценты оригинала: «Ночь сходит медленно в красе своей немой, / Во всем величии своем оцепенелом...» [Бодлер, 1870: 435]. Это отражается и в разрушении строфической структуры в переводе: вместо сонет-

³ В оригинале:

La nuit voluptueuse monte,
Apaisant tout, même la faim,
Effaçant tout, même la honte...
(Чувственная ночь поднимается,
Утоляя все, даже голод,
Стирая все, даже стыд.)

ной строфики у Курочкина — два восьмистишия⁴. Передавая описание современного города, предложенное Бодлером в “Le Crépuscule du soir”, Курочкин посвящает каждое четверостишие (или два-три четверостишия, последовательно сгруппированные) определенной социальной проблеме; каждая из них выделяется в структуре стихотворения, тематизируется: «Вот проституция — для незаконной ловли / Шлет тысячи погибших дочерей...»; «Больницы все полны страдальцами такими, / Им облегчения не доставляет ночь...» [Бодлер, 1872: 508]. Так аллегорические образы (“La Prostitution s’allume dans les rues...”⁵, “...des demons malsains dans l’atmosphère / S’éveille lourdement”⁶ (194)) заменяются перечислением волнующих переводчика тем. Образы, имеющие у Бодлера символическое значение, например, ночь в “Le Crépuscule de soir” или больная старуха в “Spleen” (“...un jeu plein de sales parfums, / Héritage fatal d’une vieille hydropique”⁷ (130)), понимаются переводчиком буквально:

Колоду грязных карт я разглядел в углу,
Она валяется без смысла на полу
С тех пор, как и стонать и охать перестала
Хозяйка мертвая, что в них порой гадала,
С глухим проклятием оставив этот свет...

[Бодлер, 1871: 272]

Так, в переводе Курочкина реализуется *тенденция к «разворачиванию» образа*.

Вторая тенденция заключается в переходе от *поэтики отвлеченного к поэтике конкретного*. В стихотворении “Spleen” ужас, который царит в поэтическом мире Бодлера, будучи иррациональным, не имеет определенной причины и не только переживается лирическим героем как эмоция, но и наполняет окружающий его мир: “...et l’angoisse atroce, despotique, / Sur mon crâne incliné plante son drapeau noir”⁸ (135). В переводе Курочкина обозначена причина этого ужаса, который ощущает отдельно взятый человек, — «проклятые» вопросы; так метафизическое понятие становится антропологически и социально конкретным: «И немощен и наг / Мой ум — пред ужасом

⁴ Такое разрушение строфики оригинала последовательно проявляется практически во всех его переводах, что существенно меняет и поэтическую интонацию, и визуальный облик стихотворения.

⁵ Проституция разгорается на улицах...

⁶ Развращающие демоны в атмосфере

Тяжело пробуждаются.

⁷ ...колода карт, полная грязных запахов,

Роковое наследство больной водянкой старухи...

⁸ ...и Ужас, жестокий и властный,

Склонясь к моему черепу, водружает черное знамя.

проклятых и печальных / Вопросов, траурный свой выкинувших флаг» [Бодлер, 1869: 354].

А такие отвлеченные образы, как «голод» и «стыд» в “La fin de la journée”, трансформируются в конкретную ситуацию, позволяющую по-некрасовски развить тему «бедняков» и «забывших стыд»: ночь приходит, «чтобы бедняк забыл на время голод свой, и стыд забыли те, чьей жизни — стыд уделом!» [Бодлер, 1870: 435]. Сравним со стихотворением Некрасова «Ночь. Успели мы всем насладиться...»:

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто все терпит, во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам <...>
Предаваться мечтам и страстям...

[Некрасов, 1981: 50]

Третья тенденция, определяющая образную структуру переводов Курочкина, состоит в том, что иногда переводчик *вставляет в текст строки, отсутствующие в оригинале*, но последовательно повторяющие образный ряд некоторых стихотворений Некрасова: «И тысячи людей спешат толпою праздною <...> В притоны жалкие порока и соблазна»; сравним у Некрасова: «Толпы пустых, надменных, праздных, / Полны пороков безобразных, / В тебе [городе] кишат» [Некрасов, 1982: 31]. Другой пример: в переводе бодлеровского «Спина» (“Pluviöse, irrité contre la ville entière...”) в целом образная структура оригинала последовательно сохраняется, исключение — первое четверостишие. Курочкину удается передать изображение дождливого времени года («Плювиоз» заменяется на привычный русскому читателю «Октябрь»), мертвецов в могилах (“...pales habitants du voisin cimetièrè”), образы тьмы и холода (“un froid ténébreux”), но последняя строка (“Et la mortalité sur les faubourg brumeux”), которая является частью сложной синтаксической конструкции в оригинале, составляя благодаря рифме вместе с прилагательным “ténébreux” целостный образ, исключается; вместо этого переводчик вводит образ крика «голодных и больных»: «...с своей обычной мглой / Гнилой Октябрь царит над стонущей землей, / И — мертвым холодней в могилах их, / И крик озлобленной голодных и больных!» [Бодлер, 1871: 272]. Созданная в переводе Курочкина картина напоминает стихотворение Некрасова «Сумерки» (из цикла «О погоде»):

Душный, стройный, угрюмый, гнилой,
Некрасив в эту пору наш город большой...

И далее:

И шарманка с пронзительным воем, <...>
И детей раздирающий плач
На руках у старух безобразных –
Всё сливается, стонет...

[Некрасов, 1981: 184–185]

Создавая образ Петербурга, погружающегося в сумерки, Некрасов описывает улицу, где есть вывеска «Делают гробы»; заказы у гробовщика будут всегда, потому что «бедность гибельней всякой заразы» [Некрасов, 1981: 185]: так в стихотворении появляется и мотив смерти. Город Некрасова невозможен без изображения обездоленности, нищеты, тяжелого труда простого человека; эти же мотивы вводит в свои переводы Курочкин.

Итак, отбор и переработка переводчиком материала обусловлены его литературными взглядами, мировоззрением человека эпохи позитивизма: вероятно, именно в результате переводческой интерпретации Курочкиным стихотворений Бодлера стало возможным появление его поэзии на страницах «Отечественных записок». Благодаря такой трансформации под влиянием поэтики Некрасова стихотворения Бодлера, предвосхитившего декаданс и символизм, не могли сильно отличаться в глазах читателя от произведений его русских современников, таких как Некрасов и поэты его круга, и появились в окружении текстов Г. Успенского, Салтыкова и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айзеншток И.* Французские писатели в оценках царской цензуры // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33–34. С. 769–858.
2. *Бодлер Ш.* Nocturno / Пер. Н. Курочкина // Отечественные записки. 1872. №8. С. 507–509.
3. *Бодлер Ш.* «Смолкает бестолочь назойливая дня...» / Пер. Н. Курочкина // Отечественные записки. 1870. № 4. С. 435.
4. *Бодлер Ш.* Сплин / Пер. Н. Курочкина // Отечественные записки. 1869. № 12. С. 354.
5. *Бодлер Ш.* Сплин / Пер. Н. Курочкина // Отечественные записки. 1871. № 1. С. 272.
6. *Брюсов В.Я.* Анкета о Некрасове // Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 68.
7. *Григорьев А.Л.* Некрасов и зарубежная поэзия (поэзия Некрасова в ее соотношении с литературным процессом за рубежом) // Некрасовский сборник. Л., 1973. Т. V. С. 116–129.
8. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 2. Л., 1981.
9. *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 4. Л., 1982.
10. *Baudelaire Ch.* Les fleurs du mal. Paris, 1917.

REFERENCES

1. Aizenshtok I. Frantsuzskie pisateli v otsenkakh tsarskoi tsenzury [French writers according to the tsar's censorship assessment]. In *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, 1939, vol. 33–34, pp. 769–858. (In Russ.)
2. Baudelaire Ch. Nocturno. *Otechestvennye zapiski*, 1872, № 8, pp. 507–509. (In Russ.)
3. Baudelaire Ch. “Smolkaet bestoloch’ nazoilivaya dnya...” *Otechestvennye zapiski*, 1870, № 4, p. 435. (In Russ.)
4. Baudelaire Ch. Spleen. *Otechestvennye zapiski*, 1869, № 12, p. 354. (In Russ.)
5. Baudelaire Ch. Spleen. *Otechestvennye zapiski*, 1871, № 1, p. 272. (In Russ.)
6. Bryusov V.Ya. *Anketa o Nekrasove* [Questionnaire about Nekrasov]. In *Sochineniya: v 2 t.* Moscow, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1987, vol. 2, p. 68. (In Russ.)
7. Grigor’ev A.L. Nekrasov i zarubezhnaya poeziya (poeziya Nekrasova v ee sootnoshenii s literaturnym protsessom za rubezhom) [Nekrasov and foreign poetry (Nekrasov’s poetry in its relation to the literary process abroad)]. In *Nekrasovskii sbornik*. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1973, vol. V, pp. 116–129. (In Russ.)
8. Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenii v 15 t.* [Collected works]. Leningrad, 1981, vol. 2, 446 p. (In Russ.)
9. Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenii v 15 t.* [Collected works]. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1982, vol. 4, 655 p. (In Russ.)
10. Baudelaire Charles. *Les fleurs du mal*. Paris, *Librairie des bibliophiles parisiens Publ.*, 1917, 349 p.

Поступила в редакцию 01.07.2021

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 01.07.2021

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Зупник Надежда Алексеевна — бакалавр, кафедра истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, nadidi00018@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda Zupnik — Bachelor, Department of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, nadidi00018@mail.ru

УДИВЛЕНИЕ ОТ ТЕКСТА

SOME PROGRESS IN LITERARY STUDIES: ‘OSTRANENIE’ AND BEYOND

W. van Peer

University of Munich, München, Germany, w.vanpeer@gmail.com

Abstract: Victor Shklovsky and Roman Jakobson have proposed an anthropological theory of literature and the arts, namely that they are human inventions, to counter habituation, and thereby contribute to emotional richness of life through *ostranenie*. Their views became highly influential all over the world through translations of their works, so that now they are part and parcel of a general theory of art. This article explores the ways in which we can somehow ‘prove’ that this is really how literature functions. To find it out, we combined poetics and methods of inquiry developed mostly in the social sciences. Six poems were selected, written by e.e. cummings, Emily Dickinson, Christina Rossetti, Theodore Roethke, Dylan Thomas and William Wordsworth. For each of these six poems a highly detailed analysis of all foregrounding devices was undertaken, separately for phonology, grammar and semantics. Rank order numbers were allocated to verse lines. We asked readers to underline passages where they felt surprise while reading them. The theory of *ostranenie* was reformulated into a concrete prediction: that readers of *ostranenie* passages will be surprised. We collected the underlinings by readers where they felt surprised, and statistical analysis showed a highly significant result, underscoring the truth of our predictions. In addition to *surprise*, two other measures were employed: *importance* and *discussion value*. All in all, the investigation revealed strong support in favor of the theoretical claims made by Shklovsky and their empirical validity.

Key words: *ostranenie*; Shklovsky; statistical analysis; foregrounding; empirical literary studies; quantitative studies of literature; reader response

For citation: Peer W. van. (2022) Some Progress in Literary Studies: ‘Ostranenie’ and Beyond. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 117–127.

НОВОЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ЛИТЕРАТУРЫ: ОСТРАНЕНИЕ И НЕ ТОЛЬКО

В. ван Пир

*Университет Людвиг-Максимилиана, Мюнхен, Германия,
w.vanpeer@gmail.com*

Аннотация: Виктор Шкловский и Роман Якобсон разработали теорию, согласно которой литература и другие виды искусства существуют для того, чтобы противостоять автоматизации и способствовать эмоциональному обогащению жизни. Эта теория, в основе которой лежит понятие остранения, приобрела большое влияние во всем мире. Но можно ли верифицировать этот теоретический тезис, «доказать», что литература функционирует именно так, а не иначе? Чтобы это выяснить, мы соединили поэтику с методами, которые применяются главным образом в общественных науках. На материале шести стихотворений (написанных Э.Э. Каммингсом, Эмили Дикинсон, Кристиной Россетти, Теодором Рётке, Диланом Томасом и Уильямом Вордсвортом) мы осуществили детальную «инвентаризацию» всех лингвистических средств, позволяющих получить эффект остранения (*foregrounding devices*), отдельно на уровне фонологии, грамматики и семантики. Строки были ранжированы по степени «насыщенности» острающими приемами. Затем мы попросили читателей подчеркнуть те фрагменты поэтического текста, при чтении которых они чувствовали удивление. Был сформулирован конкретный прогноз: фрагменты, где ярче реализуется остранение, вызовут у читателей более сильную эмоцию удивления. Статистический анализ собранных фрагментов дал результат, с высокой степенью достоверности говорящий о надежности нашего прогноза. Мы также просили читателей оценить выделенные фрагменты стихотворений по двум другим показателям: *важность* и *привлекательность для обсуждения*. По этим критериям прогноз тоже подтвердился. Таким образом, наше исследование на эмпирическом материале показало высокую продуктивность теоретических выводов Шкловского.

Ключевые слова: остранение; Шкловский; статистический анализ; количественные методы в литературоведении; эмпирическое литературоведение; рецепция

Для цитирования: Пир В. ван. Новое в исследовании литературы: остранение и не только // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 117–127.

I take as my point of departure some general knowledge about the contribution of the Russian Formalists in general, and of those by Victor Shklovsky and Roman Jakobson in particular. Both have proposed an anthropological theory of literature and the arts, namely that they are human inventions, to counter habituation, and thereby contribute to emotional richness of life. Their views became highly influential all over the world through translations of their works, so that now we can say that they are part and parcel of a general theory of art. I personally find their insights brilliant, and — what is more — without real competitors in the field. The question that occupied me from the beginning, when I first encountered their ideas, however, was: are they correct? Is *that* really how (and why) literature functions?

Presumably this is a question that is on everyone's mind: can we say that the views proposed in “Art as Technique” or “The Poetic Function”

make valid assertions? This presents us with a methodological question: HOW does one find out? How can we somehow ‘prove’ that this is really how literature functions. This is the question that will occupy me in the rest of this article.

In order to investigate the correctness of the claims in question, we will have to marry two fields that have hitherto remained largely separate: on the one hand, age-old *poetics*, and, on the other, more recent methods of inquiry developed mostly in the *social sciences*. As a general model, we can make use of the following investigative steps:

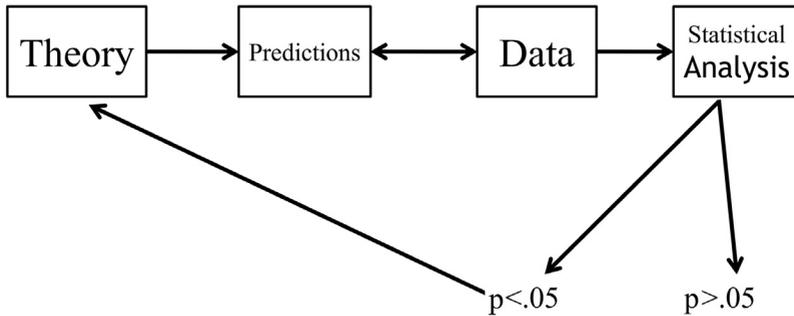

Fig. 1. Theoretical Model for Testing Theories

Let us look at this model in some more detail. It starts from a theory, of course, because that is its rationale, to *test* the theory. But theories are often rather abstract, so an essential step in this process is to reformulate this abstract nature into concrete *predictions*: if we accept that the theory is correct, can we then predict events in reality? Compare this to astronomy, where, if the theories are correct, we should be able to accurately predict a solar or lunar eclipse. Needless to say, astronomers are exceedingly successful in doing so. If the study of literature aspires to a likewise status, it has to convert theoretical statements like the ones by Shklovsky or Jakobson into concrete predictions. Because these will then be held against independently collected data bearing on the prognosis made. For instance, a prediction will be that — given the nature of art as described by the *ostranenie* concept — spectators (of art works, movies, opera, theatre plays, or literature) will be surprised. *Ostranenie* is making our everyday perceptions strange, and strangeness will (initially, at least) surprise us. So here we have a starting point: we predict that readers of *ostranenie* passages will be surprised. Not much, maybe, when compared with the astronomers’ precision, but one has to start somewhere, prefer-

ably in a clear and simple way. So far for predictions, but what about 'data'? Surprise is a momentary emotion, experienced by a human (or animal) caused by an unexpected event. How to collect independent data on people's surprise emotions? An easy access to them is, of course, to simply ask them. Turning to literature, as a form of art, the theory of foregrounding may now be reformulated as follows:

If you request readers to indicate their surprise emotion while reading, they will preferably indicate passages that are characterized by ostranenie.

We could simply do this by asking readers to underline passages where they felt surprise while reading them. So far, so good. But how do we determine which passages count as *ostranenie*, as foregrounded? Shklovsky gives several examples in his writings, but how to generalize from these? The method developed in this respect starts from the fundamental distinction made in linguistics between (at least) three levels or organization: phonetics, grammar and semantics. Human languages operate simultaneously on these three levels: language consists of *sounds*, produced by our vocal system. The study of these sounds is phonology (and phonetics). Sounds are essential for language. But not just any sounds. Each individual language requires the sounds to be grouped and arranged in a highly specific way. This *order* is what we call 'grammar'. If this condition (of ordering the sounds correctly) is met, the sounds acquire *meaning*, studied in the area of linguistics called semantics. Each of these sub-areas of linguistics, phonology, grammar and semantics has produced a relatively stable body of insights into their organization. We can use these to descriptively take stock of the various cases of *ostranenie* in the text.

Which text? It would be best to execute the research with more than one text, so as to avoid that one's observations would be limited to this one particular text, which may have characteristics unique to it. So more texts are needed. How many? That is difficult to say, but more important is the difference between texts, so not from the same kind of authors, period, genre, theme. For instance, one could imagine that gender may play a role, so that it is important to include both male and female poets in the *corpus* used. In this case six poems were selected, rather intuitively. They were by such different writers as e.e. cummings, Emily Dickinson, Christina Rossetti, Theodore Roethke, Dylan Thomas and William Wordsworth.

For each of these six poems a highly detailed analysis of all foregrounding devices was undertaken, separately for each of the three levels just indicated: phonology, grammar and semantics. The devices falling under the label of foregrounding are deviations and forms of parallelism. Let us

look in somewhat detail, by way of an example, at the most unusual poem, the one by E.E. Cummings. Here is its first stanza:

yes is a pleasant country:

if's wintry

(my lovely)

let's open the year

We cannot go into a detailed analysis here, but it will be immediately clear that the 3rd verse hardly contains any *ostranenie*, while the 1st and 2nd verse lines are heavily foregrounded. This plays at the phonological level: the *assonance* of the /e/ vowel in 'yes'/'pleasant' and the /i/ vowel in 'if's'/'wintry', but also on the grammatical level: both lines are a-grammatical in English: 'yes' is not a place name (e.g. the name of a country), as grammar would require, and 'if' is not a time indication, as in 'today's wintry' or 'January's wintry'. The strong grammatical deviations have substantial consequences for the semantic level. Since the grammatical construction makes no sense, readers have to construct a meaning themselves. I have proposed a road by which they arrive at some kind of interpretation in Van Peer (1987) which goes more or less like this: there is some invisible speaker addressing a loved one ('my lovely' in line 3). In the first two lines the speaker is basically inviting the beloved to say 'yes' to him/her, not 'if'. The grammatical parallelism between the two initial verses helps to underscore an interpretation along those lines. In other words, the first stanza is a *modernist* variation on a love poem. This leads to the 4th verse, which also contains a deviation, but now a very mild one: the formulation 'let's open' is a bit unusual, but it is not at all unusual to speak about the 'opening of the year'.

These are merely a few of the many instances of *ostranenie* found in this stanza. Their extensive analysis was then turned into some visualization, in which all instances from this inventory were indicated in the text of the poem itself, with different forms for the phonological, grammatical and semantic levels. The result of this can be seen in the following figure:

The visualization allows one to distinguish between locations where one sees a *nexus* of *ostranenie*: a heavy accumulation of foregrounding devices, as in verses 1, 2, and 9 — contrasted with other regions in the text where little or no foregrounding can be detected, as, for instance in verses 3, 7 and 11. On the basis of these differences, rank order numbers were allocated to verse lines, leading to what we are aiming at, namely concrete predictions. If Shklovsky's theory is correct, then readers should be most surprised by the verse lines where we observed an accumulation of foregrounding instances. And we can even rank them in descending order, for instance like this:

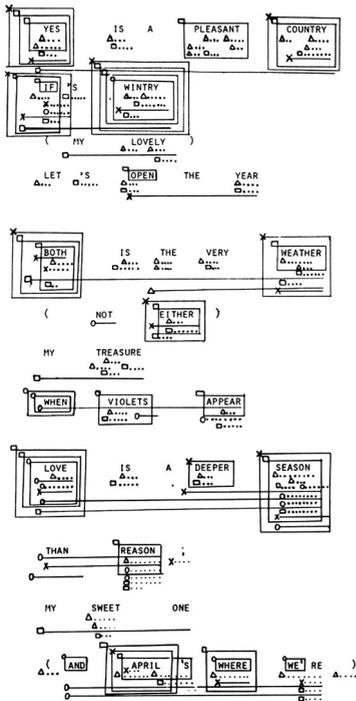

Fig. 2. Visualisation of Foregrounding in a poem by E.E. Cummings

Line number	Foregrounding rank order
1	2
2	3
3	11
4	8
5	5
6	6
7	12
8	7
9	1
10	9
11	10
12	4

Fig 3. Foregrounding rank order in the Cummings poem

We now have a concrete instrument predicting an outcome if we would try to detect readers' surprise reactions. That, however, is an internal mental event, not open to direct observation. So we collected the underlinings by readers where they felt surprised. We have come a long way from Shklovsky's formulations, and our prediction has now become much

more concrete. But it is still not concrete enough. That is why in actual research we use a reformulation of theories that is still more specific. We will devote the next paragraph to it: to *hypotheses*.

We now turn the prediction into a yes/no question: is the prediction borne out by the facts? The 'facts' in this case are the passages underlined by readers. That could be individual letters, syllables, words, phrases, clauses, or whole (groups of) sentences. But how to deal with them? In order to allow us to practically handle them, we now cast the prediction in the form of the following hypothesis:

H: Text passages that had been analyzed as containing a high degree of ostranenie will be underlined more frequently.

If we make the hypothesis *that* concrete, one will notice immediately that it is a risky statement. Could we really expect readers to behave in such a 'predictable' way? Reading poetry being a highly subjective kind of reading, in which individual emotional reactions play a major role, should one not rather expect readers to react in an idiosyncratic way? If so, then the distribution of underlinings would be more or less random — depending on each reader's individual reaction, and no obvious pattern would emerge. Shklovsky would have it differently, however. His *hypothesis* is contrary to the widespread idea of idiosyncratic readings. These two opposite hypotheses are now used to facilitate a decision. Because they mutually exclude each other, our research will have to lead to a conclusion which of the two hypotheses is to be preferred, ultimately to the decision whether the theory is correct or not. The two forms of hypotheses allow us such a decision, since we will gather evidence (underlinings) that will speak more in favor of either. They are usually indicated by two technical terms: the *alternative* hypothesis (often abbreviated as H_a) and the *null-hypothesis* (H_0). Since the two hypotheses are logical opposites, only one of the them can be true. So the search is now for the evidence. That, as we said before, should be independent. But independent of whom? Of the researchers, of course. If we would act ourselves as readers, there is an obvious danger that we might wish to influence the results in a way that we would prefer to see as an outcome. (Which is what happens mostly in literary criticism, but also in more academic approaches, like in much of stylistics: researcher and reader are identical, so there is no separation of subject and object — and the assertions made about meaning or effect of the text are in no way independent from the person making them.) So we better ask other people to do it — preferably people we do not know, because they might also be influenced by us, and may wish to comply with what they believe our aims or preferences are.

So we had recourse to university students (not our own, of course): they are easy to get hold of, they are intelligent, they do not need long introductions to an experiment, and have no reason to give other than

their own reactions. But couldn't they be influenced by their study object, for instance if they were all students of literature? That could perhaps be the case, so three groups of students were asked to participate:

- (1) students who were familiar with the notion of *ostranenie*;
- (2) students of literature who were *not* familiar with the notion of *ostranenie*;
- (3) students outside the humanities departments (like physics, engineering, oceanography, etc.)

By comparing the reactions of these three groups of readers, the influence of familiarity with the theory, or with literature in general, could be controlled. In that way one can raise the chances that the observations are not limited to one particular group, but may be generalized. It turned out indeed that the differences between the three groups in their underlinings of what they experienced as surprising were negligible. But can we really generalize any results that we thus obtain?

To answer this question, we have to return to *Fig. 1*: until now we have only discussed it up to the box DATA. But now we do have DATA. What to do with them? We have to compare things: on the one hand the predictions made on the basis of our textual analyses with — on the other hand — the underlinings provided by our three groups of readers. The underlinings we can quantify: we count their number in each verse and subsequently compare the verses with heavy *ostranenie* with those in which little foregrounding was observed. The first question is, of course: were there more underlinings in the former than in the latter? If not, the theory is not worth the name. But if so, how large must the difference be before we can accept it?

It is here that statistics comes in. (For a hands-on introduction into empirical methods in the Humanities, including statistics, refer to Van Peer, Hakemulder and Zyngier 2012). As you can see, two arrows start from the box, both leading to the symbol p and the number $.05$, separated either by the symbols for 'smaller than' ($<$) or 'larger than' ($>$). What does this mean? The letter p here stands for: probability. It is an estimate of the probability that the observations are flawed, caused by some invisible errors. (At this point, you may wonder: how do we know? The answer is not easy to give and is the result of 400 years of research in probability. So if one *really* wants to know how people arrive at such an estimate, one should enroll in a statistics course, of which there are many at every university.) For our purposes, may it suffice to realize that this p -value, as it is technically called, is a (reliable) estimate of the *error probability*, the chances that the observed differences (between prediction and data) are caused by uncontrolled liabilities, by contingencies over which we have no command — what are called 'errors' in methodology. Some such errors are unavoidable, for instance because our measurements are rather

primitive and allow for all sorts of ‘noise’ to creep in. It is easy to understand that we want this error probability to be as low as possible. The value is expressed as a number between zero and one. In *Fig.1* this is indicated by the expression $p < .05$, so rather close to 0 — which makes sense, because ideally we would wish there to be zero flaws. Another way of saying it is that p varies between zero and 100. You can see this if you move the decimal point two places to the right, then .05 becomes 5. And this is the maximum percentage of error probability that we conventionally allow. So $p < .05$ means: the error probability should be lower than 5%. If it is, then we accept that our predictions, derived from the theory, are borne out by the data. But if $p > .05$, i.e., higher than 5%, then we judge the theory as corroborated by the independent data. This is indicated in *Fig. 1* by the offshoot below the box STATISTICAL ANALYSIS: given $p < .05$, the theory (as supported by the independent data) is accepted — for now. When $p > .05$ we reject the claims of the theory at this moment in time.

Now what were the data for the underlining task in the poem by e.e. cummings? If we divide the verse lines of the poem according to the amount of *ostranenie* (as revealed in our previous text analysis) the ‘foregrounded’ verse lines obtained a total of 497 underlinings, the ‘background’ verse lines 135. The difference is marked, of course, and in the direction that the theory predicted. Now what is the error probability of this difference? I won’t bother you at this point with the question *how* you calculate this — suffice it to say that a binomial test is an appropriate test in this case: it calculates how probable such a distribution is on the basis of chance. If chance is *not* the cause of the difference in distribution, then it means that something other, something *structural*, must have caused it. The binomial test revealed that the observed difference of 497 / 135 has a p-value of .00003. In other words, the probability that this difference is caused by some error in our observations is 3 in 100,000! It hardly needs any further clarification that this is a highly significant result: significant in the sense that it underscores the truth of our predictions.

Similar results were obtained in the statistical analyses of readers’ underlining in the other five poems under investigation: in none of the six poems studied were the number of underlinings in the foregrounded lines not significantly higher than in the background lines. But surprise was only one measure. Two others were employed: *importance* and *discussion value*. The latter referred to a social situation, one in which people would discuss the meaning of (parts of a) poem. This is a situation that predominantly occurs in educational settings, so we asked participants to imagine they were a teacher of a class of 17-year old youngsters. Given that their pupils had understood all lexical items in the text, which passages would they (as teachers) select for comments, elucidation, discussion,

exploration, etc. Also in this part of the study participants were asked to underline the passages that they would select. The statistical analysis was run along the same lines: the number of underlinings for the different verse lines was compared. The outcome was basically the same as for the *surprise* measure: for all poems, the number of underlinings was significantly higher for verse lines that contained dense forms of *ostranenie*.

But how *important* did readers judge this *ostranenie*? In this case we asked them to rank order verse lines according to their own appraisal of their relative importance in the whole of the text. This is a different method to collect data, and since rankings contain more information, it entails a higher risk of yielding a negation of our predictions. In this case, the average rank for each verse line was calculated and compared to the ranks predicted at the end of our stylistic analysis. What you can do in this case is calculate a *correlation* between the prediction and the average of all rankings given by the readers. And the height of such a correlation is also tied to a probability error, which was found to be lower than 1 % for the (in this case) four poems under consideration. So in terms of *Fig. 1* it means that $p < .01$, again good grounds to accept the theory under scrutiny.

All in all, then, the investigation revealed strong support in favor of the theoretical claims made by Shklovsky, once one translates them into tractable hypotheses. More important even are several later studies, that followed similar, but partly also different — and more sophisticated methods, that carried considerably higher risks for the theory of being rejected. The thematic issue of the journal *Language and Literature* on foregrounding, vol. 16, no. 2 in 2007 offered a good overview. Since then, more extended studies have been conducted, further deepening our understanding of the psychology of literary reading. Let me illustrate the depth of these emotional reading experiences with one study, that by Koopman (2016).

She had three groups of readers indicate their amount of empathy with a protagonist in a story of suffering (the loss of a child). Unbeknownst to the participants was that they were each reading a different version of the same story, differing in the magnitude of *ostranenie*: the original literary story, heavily foregrounded, another version with a diminished degree of foregrounding, and one version from which all foregrounding had been stripped. The spectacular finding was that — although the content of the three versions was the same — readers' reactions of empathy correlated with the degree of foregrounding they had been exposed to. And the differences were independent of personality characteristics, including empathic sensitivity. And this significant difference occurred after reading a mere 1,500 words!

In sum then, with Shklovsky's theory we are in good hands. Other theories of literature may have their merit, may be interesting in some ways, but none of them can match the empirical validity, in other words, its ability to make trustworthy observations about the functioning of literature in the lives of real readers. That is no small merit in the Humanities.

REFERENCES

1. *Jakobson R.* Closing Statement: Linguistics and Poetics. Language and Style. Ed. by T. Sebeok. Cambridge, MA, 1960.
2. *Koopman E.* Reading suffering: An empirical inquiry into empathic and reflective responses to literary narratives. Rotterdam, 2016.
3. *Shklovsky V.* Art as Technique. Russian Formalist Criticism: Four Essays. Ed. by L.T. Lemon & M. Reis. Lincoln, 1965.
4. *Van Peer W.* Stylistics and Psychology. Investigations of Foregrounding. London, 2020.
5. *Van Peer W.* Top-down and Bottom-up: Interpretative Strategies in Reading E.E. Cummings. New Literary History. Vol. 18. 1987, pp. 597–609.
6. *Van Peer W., Hakemulder F., Zyngier S.* Scientific Methods for the Humanities. Amsterdam, 2012.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Jakobson R.* Closing Statement: Linguistics and Poetics. Language and Style / Ed. by T. Sebeok. Cambridge, MA, 1960.
2. *Koopman E.* Reading suffering: An empirical inquiry into empathic and reflective responses to literary narratives. Rotterdam, 2016.
3. *Shklovsky V.* Art as Technique. Russian Formalist Criticism: Four Essays / Ed. by L.T. Lemon & M. Reis. Lincoln, 1965.
4. *Van Peer W.* Stylistics and Psychology. Investigations of Foregrounding. L., 1986.
5. *Van Peer W.* Top-down and Bottom-up: Interpretative Strategies in Reading E.E. Cummings // New Literary History. Vol. 18. 1987. P. 597–609.
6. *Van Peer W., Hakemulder F., Zyngier S.* Scientific Methods for the Humanities. Amsterdam, 2012.

Поступила в редакцию 30.08.2021

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 30.08.2021

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ABOUT THE AUTHOR

Willie van Peer — Professor Professor of Literature and Intercultural Hermeneutics, LMU University of Munich, Germany, w.vanpeer@gmail.com

ОБ АВТОРЕ

Пир Вилли ван — профессор литературы и межкультурной герменевтики, Университет Людвиг-Максимилиана, Мюнхен, Германия, w.vanpeer@gmail.com

ОСТРЫЕ ВОПРОСЫ ВОКРУГ ОСТРАН(Н)ЕНИЯ¹

Л.О. Чернейко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, avollis@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению категории о-странн-ения прежде всего как модуса сознания либо автора художественного текста (ХТ), либо повествователя, либо персонажа. И это состояние в основе своей имеет такой интеллектуальный феномен, как удивление, а остраннение, осмысляемое в виде литературного приема, лишь воплощает языковыми средствами, а также композицией произведения его эмоциональные обертоны — эпифеномены, сопровождающие удивление с прямо противоположными знаками при нейтральном нуле: А) остраннение-констатация «0» (нейтральное восприятие нового и/или непонятного), Б) остраннение конструктивное «+» (прятие — конструктивное непонимание явления наблюдателем в его движении к пониманию, рождающее в читателе и эмоциональное прятие остранненного предмета, и интеллектуальный восторг перед интуицией художника) и В) остраннение деструктивное «-» (непрятие воспринимаемого, его о-чуждение, от-стран-ение от него, имеющее разные причины, дающие основание для его типологии) в его разновидностях, определяемых интенциями «о-страннителя» и их языковым воплощением в иронии, абсурдизации, критике.

Ключевые слова: наука о литературе; структура текста; восприятие текста; удивление; остраннение; типология остраннения; литературный прием

Для цитирования: Чернейко Л.О. Острые вопросы вокруг остран(н)ения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 128–139.

URGENT ISSUES AROUND OSTRAN(N)ENIE

Lyudmila Cherneyko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, avollis@mail.ru

Abstract: The article considers the category of estrangement as primarily a mode of consciousness of either the author of a literary text (LT), or the narrator, or the character. And this state is based on such an intellectual phenomenon as surprise, and estrangement, interpreted in the form of a literary technique, only embodies its

¹ В статье использован и существенно расширен материал одноименного доклада, прочитанного 29 марта 2021 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках круглого стола «Удивление от текста: остран(н)ение в аспекте когнитивной прагматики».

emotional overtones — epiphenomenons accompanying surprise with directly opposite signs at neutral zero: A: ostrannenie (estrangement) — statement “0” (the perception of the new and/or incomprehensible is neutral), B: constructive ostrannenie “+” (acceptance — constructive misunderstanding of the phenomenon by the observer in his movement towards understanding, which gives rise to both emotional acceptance of the alienated object and intellectual delight in the artist’s intuition) and C: destructive ostrannenie “-” (rejection of the perceived, its alienation, separation from it, — all having different reasons giving rise to its typology) in its varieties, determined by the intentions of the “estranger” and their linguistic embodiment in irony, absurdization, criticism.

Key words: science of literature; text structure; text perception; surprise; ostrane-
nie (estrangement); typology of ostrannenie; literary technique

For citation: Cherneyko L.O. (2022) Urgent Issues around Ostrannenie. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 128–139.

Термин «остран(н)ение», так и не получивший на протяжении столетия единого означающего, наполняется разными смыслами в зависимости от интенций исследователя. Путеводной нитью к адекватной внешней форме пониманию этого термина является его внутренняя форма — прилагательное *странный*, выступающий как его мотиватор (ср. французский эквивалент: l’effet d’*étrangeté*).

Следует отметить, что в русском языке этим прилагательным оцениваются как новизна воспринимаемого явления и связанная с ней невозможность или затруднительность его идентификации, так и его непонятность текстовому перцепту (наблюдателю), который одновременно является субъектом речи. Непонятность объекта, являющаяся его отличительным «апперцептивным» свойством, может касаться не только вновь увиденного, но и вещей привычных². Так что удивление новому и удивление привычному, выражаясь в разных языковых средствах, открывают путь к постижению различных модусов сознания «повествовательной инстанции» в статусе «перцепта говорящего» (анализ двух ХТ, осуществленный в этом ракурсе, в [Чернейко, 2020]).

Внимательное изучение известной и широко цитируемой работы В. Шкловского позволяет обнаружить два понимания открытого им феномена остраниения как литературного приема — широкое и узкое. Широкое, согласно которому «остранение есть везде, где есть образ» [Шкловский, 1929: 17], не имеет эпистемологической ценности, являясь эквивалентом термина «искусство». В науке о литературе широко распространено узкое понимание термина, которое

² А. Белый называл своего отца «остраннителем быта», чья «новая мысль о мире и жизни» конфликтовала с “бытиком”, мысли такие расплющивающим» [Белый, 1989: 67].

связано с поэтическим приемом представления воспринимаемой вещи (явления) как новой, впервые увиденной, данной в тексте в режиме «видения, а не узнавания». Остраннение как прием концентрации внимания читателя на привычных ему вещах в их трудно узнаваемой модификации выступает антиподом автоматизма восприятия, который «съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны» [Шкловский, 1929: 13]. Ценность «узкого» понимания термина в том, что оно открывает возможность иного взгляда на феномен остраннения, в горизонте которого тот, что предложен Шкловским, — лишь один из возможных.

Типичная текстовая конструкция — описание свойств хорошо знакомых, привычных вещей без их названия — переводит вещь «в сферу нового восприятия», что и приводит к ее семантической модификации и к новому видению. Такой вид остраннения условно можно назвать имплицитным, а его классическими примерами служат не только извлеченные В. Шкловским из текстов Л. Толстого хорошо известные фрагменты (вещи в восприятии лошади — «Холстомер», описание сражений и восприятия театрального действия — роман «Война и мир» и др.), но и такие произведения, как, например, «Житейские воззрения кота Мура» Гофмана, «Дневник фокса Микки» Саши Черного. Более сложный тип остраннения представлен в описании восприятия мира персонажем-перцептом в режиме «здесь и сейчас».

По Шкловскому, автор (Л.Н. Толстой) описывает восприятие увиденного персонажем исключительно по эмпирически доступным ему параметрам, т. е. так, как описывается предмет восприятия при отсутствии в базе данных «предмета мысли» (по Р. Декарту), который возникает только тогда, когда «имя поднимает вещь в сознание» (А. Лосев). Эффект «отсроченной категоризации», если рассуждать в терминах когнитивной поэтики, налицо. Исследуя произведения Л.Н. Толстого, Шкловский делает следующее обобщение: «Прием остранения у Л. Толстого состоит в том, что он не называет вещь ее именем, а описывает ее как в первый раз увиденную, а случай — как в первый раз происшедший, причем он употребляет в описании вещи не те названия ее частей, которые приняты, а называет их так, как называются соответствующие части в других вещах» [там же: 14]. Эта вскрытая специфика толстовского приема предполагает, во-первых, перцепта-новичка (условно говоря, ребенка, открывающего для себя мир, или взрослого-профана), а во-вторых, энигматичность построения описания вещи за счет проекций ее свойств на сходные свойства других вещей. Но состояние сознания Наташи Ростовской, переданное Л.Н. Толстым, никак не вяжется с таким по-

ниманием остраннения, поскольку взгляд Наташи на происходящее отнюдь не взгляд профана.

Предлагаемый анализ фрагмента текста романа «Война и мир» (т. 2, ч. 5, гл. 9) позволяет по-новому посмотреть на предложенный Шкловским анализ, который представляется некорректным прежде всего по той причине, что не указан персонаж, в восприятии которого описана ситуация, и, как следствие, неверна оценка роли приема в этом фрагменте. Действительно, этот эпизод поначалу воспринимается так, будто человек оказался в опере впервые (*ровные доски сцены, девицы в красных корсажах, пели что-то, кончили свою песнь* и т. д.). Но эта иллюзия новизны восприятия рассеивается, когда в свободном косвенном дискурсе, раскрывающем состояние сознания Наташи, появляются такие слова, как *кулисы, занавесь, партия (закончили свою партию)* и, особо отмечу, *хроматические гаммы, аккорды уменьшённой септимы*, показывающие, что персонаж знает обо всем происходящем, чему в тексте есть и эксплицитное подтверждение: *она знала, что всё это должно было представлять*.

Восприятие Наташей происходящего можно разделить на две части: на описание внешнего для нее пространства — это сцена и партер и внутреннего — это ее психоэмоциональное состояние. Эти части организованы ритмически: «сцена-Наташа-партер» (дважды); «сцена-диалог Наташи в партере». И прием остраннения в этом фрагменте служит у Толстого отнюдь не описанию новизны и свежести восприятия привычных вещей, а совсем другому: описанию душевного смятения Наташи, в отношении которой с Болконским вторгается Курагин. Таким образом, открывается возможность иного взгляда на прием, который позволяет предложить его типологию с опорой на различия психоэмоциональных состояний персонажа, воплощенных в структурах текста.

Любой художественный прием как филологический инструмент анализа художественного текста основан на количественном методе — подсчете синтаксических конструкций (например, безличных, неопределенно-личных предложений, номинализаций), тропов (образных и когнитивных метафор, метаморфоз, конструкций сравнения, зевгмы и под.) и других преобладающих в тексте языковых средств. Прием остраннение — не исключение. С его помощью моделируется как видение мира персонажем, отношение к нему, так и актуальное психическое состояние³. Но этот литературный прием имеет не только эстетическую ценность, но и психологическую

³ Недаром М. Эпштейн посвятил свою статью связи открытого В. Шкловским приема и открытий З. Фрейда в сфере психоанализа. И термин «о-жут-чение» придуман им. *Эпштейн М.* Жуткое и странное: О теоретической встрече З. Фрей-

значимость, поскольку опирается он на вероятностный подход к воплощенному модусу сознания повествовательной инстанции ХТ, и этот психологический субстрат является основанием для типологии приема.

Подробная аргументация типологии остраннения, построенная на концепции К. Гинзбурга и собственных наблюдениях, представлена в [Чернейко, 2020]. Предлагаемая классификация⁴, как и всякая другая, достаточно условна, но в ней выделены те функции, которые можно считать основными для категоризации литературного приема, если поставить вопрос о его базе-причине и цели. Пять разновидностей объединены вокруг трех инвариантных для них субстратов — А: удивление-констатация (с вариантом видения), Б: удивление конструктивное (прятие) и В: удивление деструктивное (непрятие).

А. «Остраннение-констатация» («ОК»): удивление без эмоциональных обертонов (или вариант видения, лишенный эмоциональных сопровождений: описание видимых свойств предмета восприятия с отсрочкой его категоризации, наименования, как, например: *Свет дают округлые стеклянные плоды, которые носят название ламп. В каждом шестиграннике их две, по одной на противоположных стенах* (Борхес. Вавилонская библиотека). **А1.** «ОК, осложненная отстранением от наблюдаемого» и его «мягкой» критикой: пример — роман Е. Водолазкина «Авиатор» (подробный анализ в [Чернейко, 2020]).

Б. «Остраннение конструктивное»: конструктивное непонимание наблюдателя-персонажа в его движении к пониманию, рождающее в читателе эмоциональное прятие остранненного предмета (фрагменты романа Е. Водолазкина «Лазарь»). **В.** «Остраннение деструктивное»: непонимание, рождающее в персонаже непрятие наблюдаемого, что вызывает его раздражение и/или критику, о-чужд-ение и от-стран-ение от воспринимаемого, предел которого — абсурдизация как мира внешнего, так и внутреннего (анализ текста А. Сальникова «Петровы в grippe и вокруг него» в [Чернейко, 2020]). От **А1** тип **В** отличается высокой степенью непрятия воспринимаемого мира.

Разновидностями этого типа остраннения являются «остраннение-ирония» (**Ва**), «остраннение-абсурдизация» (**Вб**) и «остраннение-критика» (**Вв**). Последнее демонстрирует полное непрятие

да и В. Шкловского. URL: https://www.emory.edu/INTELNET/es_uncanny.html (дата обращения: 20.07.2021).

⁴ В настоящей статье классификация дана с уточнениями и ориентацией исключительно на читательское восприятие текста, а не на авторское восприятие мира.

существующего положения дел, раскрывая «правду жизни» снятием с нее искусственно создаваемых одежд, которые кроит по своим привычным лекалам социум (или его отдельный страт). Более всего этому типу соответствует брехтовское «о-чужд-ение», трактуемое как «трезвый полемический взгляд на привычные явления»⁵.

К. Гинзбург истоки этой разновидности остраннения видит в фольклоре, в текстах французских моралистов XVI–XVII вв., литературе французского Просвещения XVIII в. (особенно в текстах Вольтера, использовавшего этот прием как «средство делегитимации» социальных отношений, как позже Л. Толстой)⁶.

В критике могут совмещаться два модуса сознания — деструктивное со всеми отрицательными коннотациями, которое может быть квалифицировано как удивление-недоумение («Как такое сущее возможно?»), и конструктивное, заключающееся в предложениях по улучшению общественных нравов.

Применительно к роману А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» феномен остраннения может быть рассмотрен не только как авторский прием изображения мира, но и как внутренний, принадлежащий герою способ мироощущения, который манифестирует принципиальное непонимание им правил, в данном мире действующих. Остраннение, получившее в науке о литературе статус основного художественного приема, в мире героев А. Сальникова существует как прием передачи мышления и осознания действительности, воспринимаемой в виде абсурдной реальности.

С точки зрения философии человек заперт внутри себя, а все, что лежит вне его внутреннего ментального пространства, являет собой сферу догадок и домыслов, сферу чужого, сферу не принимаемой, чуждой инаковости.

Текст романа А. Сальникова, включающий описание восприятия Петровым привычного, будничного, насквозь прошит «непонятностью»: *Петров зачем-то сразу полез в посудный шкаф, он решил, что начинать нужно с тех мест, куда Петрова точно не могла убраться таблетка; Петров зачем-то встал, слушая длинные гудки вызова, будто выражал почтение человеку, которого собирался беспокоить.* Статистика текстовых «неопределенностей» такова: среди полутора тысяч контекстов с остранняющими лексическими единицами текста доминируют контексты (их 875) с показателем неопределен-

⁵ ЛЭТП — Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. URL: <https://www.academia.edu/37372082/> (дата обращения: 12.07.2021).

⁶ Гинзбург К. Остранение: Предыстория одного литературного приема // НЛО. 2006. № 80. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/> (дата обращения: 15.03.2019).

ности -то: какой-то, где-то, зачем-то, почему-то (подробно в [Чернейко, 2020]).

Прием «остраннение-абсурдизация» способен воспроизводить жизнь как воспринимаемый наблюдателем хаос через абсурдизацию не только жизненных ситуаций, но и слов («метаостраннение»).

«Метаостраннение»: у А.П. Чехова — *риткарт* («Скучная история») и известная *реникса* («Три сестры»), у М. Булгакова — АБЫР-ВАЛГ («Собачье сердце»), у Сальникова Петров читает на стекле троллейбуса аббревиатуру «Росгосстрах» как *хартссогсор*, и имя своей жены Петров тоже читает задом наперед: *Асинылрун* вместо *Нурлыниса*. Такие палиндромы-спунеризмы⁷ (Д. Бурлюк: тенибак = кабинет, *рехамкиран* = парикмахер, А. Белый: *Вонави* = *Иванов*, Маяковский: «*Номис рефаук*» = «Куафер Симон» — вывеска) из языковой игры превращаются в значимую деталь текста и имеют важное смыслообразующее значение в структуре художественного произведения. Следует отметить, что и у Чехова, и у Булгакова, и у Сальникова эти абсурдизмы создаются не повествователем, а персонажем. И такая при поверхностном взгляде «невинная» языковая игра в перевертыши с очевидностью выявляет «абсурдизирующую» инстанцию (как правило, это персонаж) и дает дополнительные штрихи к портрету его психоэмоционального состояния.

В романе Е. Водолазкина «Авиатор» через прием остраннения воспроизводится осложненное удивление: констатация воспринимаемого сопровождается несогласием с «новым» положением дел, а несогласие композиционно значимо, поскольку является стимулом к воспроизведению и описанию прошлого главного героя. Критическое отношение (в мягком варианте) главного героя не только к новым для него предметам мира видимого (вещам, ситуациям, городскому ландшафту), но и слышимого — это его восприятие слов «нового» для него языка. Остранняющий эффект («метаостраннение») создается графическими средствами, возможностями шрифта, например: «Хитроумный Гейгер брызгал на него водой и чистил *дворниками*. Мы *припарковались* у железнодорожной станции; В ближайшее время я войду в *медийное пространство*. В качестве *нюсмейкера* (есть на свете и такое слово); Вынося утром мусор, заметил человека, рывшегося в *контейнере*». В этих контекстах слова выделены курсивом автором произведения. Этот графический прием имплицитно представляет три позиции: нейтральную повествователя, в несобственно-прямую речь которого введена точка зрения «архаичного» Платонова, а именно его несогласие с новым для него языком, носителем которого является

⁷ Подробно в: [Чернейко, 2018].

«современный» доктор Гейгер, но новые слова Платонов не присваивает, а цитирует, что и передается курсивом как нечто чужеродное персонажу, а состояние удивления Платонова усиливается вставной синтаксической конструкцией («есть на свете и такое слово») с ироническим оттенком.

«Остраннение-ирония» как художественный прием в теории литературы описан всесторонне⁸, но связывается он прежде всего с асимметрией таких языковых единиц, как слово и интонация в их смысловой неоднозначности. Но, во-первых, нет ничего в художественном тексте, чего бы не было в обыденной, повседневной речи и что не было бы атрибутом сознания человека (например, ирония как мировоззрение представляет собой состояние ума, характеризующееся высокой степенью недоверия миру, производного от эмоций презрения и опасения); во-вторых, ирония как стилистический прием проявляет себя не только в художественных произведениях (им широко пользуется сфера публицистики, в частности, СМИ, особенно в оформлении заглавия газетных статей) и опирается не только на асимметрию языкового знака. В таких ироничных заглавиях (газетных заголовках), как, например, «*Биполярное устройство*» или «*Ядрена мощь*» (Новая газета. 2021, № 40, с. 10, 2) и подобных, проявляет себя закон паронимической аттракции. В приведенных заглавиях работает «остраннение-ирония», что требует к себе внимания лингвистов.

«Остраннение-смятение» как способ передачи наблюдателем-повествователем сложного психологического состояния персонажа, его растерянности перед ситуацией (Наташа Ростова) представляет собой тоже разновидность удивления-неприятя, но причина этого состояния, как было уже показано, совершенно иная.

Таким образом, удивление как интеллектуально-эмоциональное состояние, взятое в его негативной, деструктивной разновидности, воплощается по-разному в языковых вариантах, однако инвариантом всех возможных воплощений является смысл 'высокая степень неприятя', который и позволяет провести терминологическое различие между удивлением (в психологии его относят к «нейтральным» эмоциям, с чем трудно согласиться) и остраннением как разными состояниями сознания: **удивление «–» (деструктивное) и есть собственно остраннение.** Лингвистикой зафиксирован и подтвержден факт более глубокой категоризации негативного, плохого по сравнению с позитивным, «хорошим». И остраннение как художественный прием очевидно связано с восприятием-неприятяем, доходя-

⁸ Описаны и типы иронии в ХТ (концептуальная и контекстуальная), и связь иронии с речевой агрессией и парадоксом как особой формой выражения точки зрения (мнения, оценки), и многие другие аспекты феномена.

щим до своих крайних эмоциональных форм воплощения. Именно эта гипотеза требует количественного подтверждения в эмпирическом изучении литературы.

Если говорить об эгоцентриках как о семантическом поле лексических единиц, выполняющих в тексте разные функции, объединенные одним инвариантным значением 'эго' («точка зрения», «субъектная перспектива»), то метафорическая номинация, в которую включена позиция наблюдателя, например, *лезвия рек, паутина мостов, светляки окурков* (в [Чернейко, 1996; 2017] и более ранних статьях они названы «дейктическими метафорами»), являет собой прямо противоположное остраннению состояние сознания наблюдателя, а именно удивление, которое **влечет** к предмету через его переживание, означает приближение воспринимаемого предмета к себе (*зернистая икра асфальта* — О. Мандельштам) и включенность наблюдателя в мир, активизирующую элементы его опыта, а не дистанцирование от него, которое передается терминами «очуждение» и «отстранение»⁹. И хотя в метафоре (в выборе автором метафоризатора) присутствует эффект неожиданности, он, как эвристически значимый, открывает уму читателя (как открыл писателю) новое видение привычного, сопровождающееся интеллектуальной радостью (подробно в: [Чернейко, 2021]). В зрительной метафоре неизвестное, непонятное, далекое соединяется с элементами опыта наблюдателя: нельзя увидеть иероглиф в потрескавшейся штукатурке, если его образа нет в сознании наблюдателя. Но к этой легкости, с которой метафоризованный поэтический образ объясняет что-то в мире неизвестного (а им может оказаться и привычное), читатель должен быть готовым.

В методике понимания ХТ и, шире, взаимопонимания в коммуникации, разработанной А.А. Потебней, важное место уделяется общей, говоря современным языком, «базе данных» говорящего (автора) и слушающего (читающего). От читателя кроме общего развития требуется еще такое «приготовление» к пониманию, которое состоит в «тщательном отношении к поэтическому образу. Нужно понимать его буквально, затем пойдет более отдаленное его понимание» [Потебня, 1976: 522]. Можно провести прямую параллель с концепцией Д. Дэвидсона [Дэвидсон, 2003], посвященной проблеме адекватного восприятия метафоры (образной и когнитивной) через прямое, буквальное значение вспомогательного субъекта метафоры (т. е. метафоризатора).

⁹ Этот термин находится в отношениях паронимической аттракции с термином «остраннение», что ведет к их некорректному употреблению, смешению, чему немало способствует и неверная («шкловская») орфография.

Некоторые выводы

Продланное исследование имело задачей провести демаркационную линию между понятиями «удивление» и «остраннение», а за основу типологии остраннения как эстетико-когнитивной (формально-психологической) категории принято деструктивное удивление «-», являющееся интеллектуальным инвариантом всех его эмоционально окрашенных смысловых вариантов. Этот инвариант может быть определен через смысл-архисему ‘неприятие (наблюдаемого)’, но не в лексикографической интерпретации этого понятия, трактуемого толковыми словарями в его «умственном» формате («несогласие с взглядами, принципами»), а гораздо глубже — на уровне эмоции неприязни. Наблюдения показывают, что остраннение как литературный прием и есть материальное воплощение этого вида удивления, перспектива изучения которого требует вероятностного подхода к анализу и художественного текста, и восприятия приема в его предложенных смысловых вариантах читателем.

Именно такой подход и является ответом на предложение К. Гинзбурга, которое он дал в статье, посвященной В. Шкловскому: «... если искусство есть прием, нужно понять, как этот прием работает, а не как он возник»¹⁰, поскольку «восприимательный процесс» (выражение Шкловского) ориентирован на проникновение читателем через «работу» приема, т. е. через художественную форму, в содержательную ткань произведения для постижения его смысла, а не только для получения удовольствия от формы. Обнаружение механизма «работы приема» требует в первую очередь уточнения понятия «остраннение», что позволяет с иных, содержательных позиций изучать языковые средства его воплощения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белый А.* На рубеже двух столетий. М., 1989. 543 с.
2. *Гинзбург К.* Остраннение: Предыстория одного литературного приема // НЛО. 2006. № 80. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/> (дата обращения: 15.03.2019).
3. *Дэвидсон Д.* Истина и интерпретация. М., 2003. 595 с.
4. ЛЭТП — Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. URL: <https://www.academia.edu/37372082/> (дата обращения: 12.07.2021)
5. *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М., 1976. 613 с.
6. *Чернейко Л.О.* Позиция наблюдателя в художественном тексте как импликатура метафорической номинации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1996. № 1. С. 55–68.

¹⁰ *Гинзбург К.* Остраннение: Предыстория одного литературного приема // НЛО. 2006. № 80. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/> (дата обращения: 15.03.2019).

7. Чернейко Л.О. Как рождается смысл. Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. М., 2017. 208 с.
8. Чернейко Л.О. Мифологеми сознания: вербализация и интерпретация // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 3 (34). С. 135–154.
9. Чернейко Л.О. «Вероятностный мир» языковой личности (применительно к анализу художественного текста) // Вопросы психолингвистики. 2020. Т. 3. № 45. С. 137–152.
10. Чернейко Л.О. Языковая метафора и метафорическое мышление // Язык, сознание, коммуникация. М., 2021. Т. 63. С. 40–61.
11. Шкловский В. Искусство как прием // Теория прозы. М., 1929. С. 7–23.
12. Эпштейн М. Жуткое и странное: О теоретической встрече З. Фрейда и В. Шкловского. URL: https://www.emory.edu/INTELNET/es_uncanny.html (дата обращения: 20.07.2021).

REFERENCES

1. Belyj A. *Na rubezhe dvuh stoletij*. [At the Border of Two Centuries] Moscow: Khudlit, 1989. 543 p. (In Russ.)
2. Ginzburg K. Ostranenie: Predystoriya odnogo literaturnogo priema. [Defamiliarization: The backstory of a literary technique] NLO. 2006. № 80. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/> (retrieval date: 15.03.2019).
3. Davidson D. *Istina i interpretacija*. М., 2003. 595 p. (In Russ.)
4. Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij [Literary encyclopedia of terms and concepts]. М.: NPK <https://www.academia.edu/37372082/> (retrieval date: 12.07.2021).
5. Potebnaya A.A. *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. М.: Iskusstvo, 1976. 613 p.
6. Чернейко Л.О. *Pozicija nabljudatelja v hudozhestvennom tekste kak implikatura metaforicheskoj nominacii*. Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologija. 1996. № 1, pp. 55–68. (In Russ.)
7. Чернейко Л.О. *Kak rozhdetsja smysl. Smyslovaja struktura hudozhestvennogo teksta i lingvisticheskie principy ee modelirovanija*. М., 2017. 208 p.
8. Чернейко Л.О. *Mifologemy soznaniya: verbalizacija i interpretacija. Chelovek: Obraz i sushhnost'*. *Gumanitarnye aspekty*. М.: INION RAN, 2018, № 3 (34), pp. 135–154. (In Russ.)
9. Чернейко Л.О. “*Verojatnostnyj mir*” *jazykovej lichnosti (primenitel'no k analizu hudozhestvennogo teksta)*. *Voprosy psiholingvistiki*. 2020. Т. 3. № 45, pp. 137–152. (In Russ.)
10. Чернейко Л.О. *Jazykovaja metafora i metaforicheskoe myshlenie*. *Jazyk, Soznanie, Kommunikacija*. М.: MAKSS Press, 2021, tom 63, pp. 40–61. (In Russ.)
11. Shklovskij V. *Iskusstvo kak priem*. *Teorija prozy*. М., 1929, pp. 7–23. (In Russ.)
12. Epshhtejn M. *Zhutkoe i strannoe. O teoreticheskoj vstreche Z. Frejda i V. Shklovskogo* [CREEPY and STRANGE. About the theoretical meeting of Z. Freud and V. Shklovsky]. URL: https://www.emory.edu/INTELNET/es_uncanny.html (retrieval date: 20.07.2021).

Поступила в редакцию 30.08.2021

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 30.08.2021

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Чернейко Людмила Олеговна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, avollis@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila Cherneyko – Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, avollis@mail.ru

ОСТРАНЕНИЕ В СОСТАВЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОПЫТА: К ПРАГМАТИКЕ ЛИТЕРАТУРНОГО СТИЛЯ

Т.Д. Венедиктова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, tvenediktova@mail.ru*

Аннотация: Поставив вопрос об исторических версиях остранения, К. Гинзбург провел водораздел между «классическим» и «модернистским» использованием этого приема: первое привлекает внимание к структурам знания, претендующим на истинность и всеобщность (в противовес ложным претензиям того же рода), второе — к структурам индивидуального эстетического опыта (в противовес общему знанию как сомнительному в своей аутентичности).

Эстетика, которую А. Баумгартен определил свое время как «чувственное познание», мобилизует к работе смыслообразования в том числе и те слои психического, что слабо осознаваемы, тесно сопряжены с телесностью. Интерес к ним современной когнитивной прагматики обусловлен сосредоточением на инференционной, реляционной природе речевой коммуникации (с уходом, соответственно, от кодовой модели языка). Литературная речь рассматривается как среда и процесс становления смыслов взаимонаправленными усилиями пишущего и читающего, которые содержат в себе как эксплицитные, ясно осознаваемые речевые действия, так и действия имплицитные, приобретающие смысл исключительно за счет контекста. Особый интерес с этой точки зрения приобретает стиливая составляющая — несимволический уровень художественной коммуникации, транслирующий и порождающий чувство соучастия в опыте другого субъекта.

Этот вектор прагматической мысли можно развивать с опорой на исторический материал, в частности, на самонаблюдения и рефлексии писателей прошлого. В качестве примера в статье анализируются высказывания Г. Флобера и Ш. Бодлера об экспериментальной природе литературного реализма. Из них следует, что читатель реалистической прозы переживает сопричастность творческому усилию автора в той мере, в какой замечает искусство/искусственность речевого перформанса.

Ключевые слова: эстетический опыт; воплощенность; литературная прагматика; литературное восприятие; стиль и стилистические исследования

Для цитирования: Венедиктова Т.Д. Остранение в составе эстетического опыта: к прагматике литературного стиля // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 140–150.

OSTRANENIYE IN AESTHETIC EXPERIENCE: TOWARDS THE PRAGMATICS OF LITERARY STYLE

Tatiana Venediktova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, tvenediktova@mail.ru

Abstract: Carlo Ginzburg differentiated between “classical” and “modern” usages of “estrangement” as a literary device: the first attempts to go to the heart of actual facts overcoming false ideas and imaginations, the second attempts to emphasize structures of individual experience making general truths feel no longer authentic.

Aesthetics defined by A. Baumgarten as “sensuous knowledge” gives priority to embodied, mostly unconscious practices of sense-formation. Contemporary cognitive pragmatics focusing on the inferential, relational nature of communication finds its code model insufficient. It explores literary discourse increasingly as a medium and a process — sense generation that involves writers and readers in a complex interaction, largely through implication and inference. Style is of particular interest as a non-symbolic level of communication providing for an experiential engagement with another subject.

This vector of present day pragmatic literary research may be supported by writers’ and poets’ (in our instance, Flaubert’s and Baudelaire’s) self-observations and self-reflections. Trustful acceptance of reference that is experienced as natural even though known to be artfully enacted, — this paradoxical complex generates in a reader of fiction the sense of alterity, of another subject’s creative will latent in linguistic performance.

Key words: aesthetic experience; embodiment; literary pragmatics; literary reception; style and stylistics

For citation: Venediktova T.D. (2022) Ostraneniye in aesthetic experience: towards the pragmatics of literary style. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 140–150.

Trust in the Unexpected –
By this — was William Kidd
Persuaded of the Buried Gold –
As One had testified –
Through this — the old Philosopher —
His Talismanic Stone
Discernéd — still withholden
To effort undivine
‘Twas this — allured Columbus —
When Genoa — withdrew
Before an Apparition
Baptized America —
The Same — afflicted Thomas —
When Deity assured
‘Twas better — the perceiving not —
Provided it believed —

Emily Dickinson

Стартовой точкой я бы выбрала рассуждение Карло Гинзбурга об исторической вариативности остранения как приема. В своей уже давней статье «Остранение: предыстория одного литературного приема» [Гинзбург, 2006] итальянский филолог отдал должное теоретическому инсайту молодого Шкловского и, посетовав на преобладающее среди формалистов равнодушие в истории, провел внутри литературной традиции важный водораздел. Есть, предположил он, остранение «по Толстому»: это использование приема восходит к Марку Аврелию, ведет к Монтеню, Лабрюйеру, Вольтеру и далее к реализму XIX столетия. По сути, это способ делегитимизировать ошибочное представление о жизни и утвердить истинный смысловой порядок в противовес тому, что лишь кажется самоочевидным в силу привычности и авторитетности. И есть еще остранение «по Прусту», — оно характеризуется скепсисом в отношении всех вообще объясняющих конструкций, претендующих на объективность и истинность. Эта негативная, скептическая посылка во многом обуславливает модернистский формальный эксперимент. Последний подразумевает неоднозначные отношения между автором и повествователем, эффект неполноты владения смыслом собственного повествования, непонимания и даже непостижимости описываемых явлений. Не только пишущий, но и читающий переживает произведение как длящееся «делание» (отнюдь не образцовость уже «сделанной» вещи), — что побуждает и исследователей к отходу от привычного для филологии текстоцентризма и фокусировке на динамике индивидуального опыта. Речь идет об опыте, который предшествует и сопутствует авторскому творчеству, материализуется в тексте, дематериализуется и трансформируется в актах читательской рецепции. По ходу этих метаморфоз вырабатывается особое знание о мире, которой следует назвать эстетическим.

А. Баумгартен в свое время определил эстетику как «чувственное познание» или иначе — познание, мобилизующее в качестве основного ресурса слои психического, которые традиционно представлялись низшими (относительно разума). Этот источник энергии, недоступный для рационализации и прямого проговора, впервые стал фокусом интереса в романтической философии, затем — в разных версиях психоанализа, а ныне исследуется когнитивистикой, работающей с формами «телесно воплощенного» (embodied) знания. Специфика эстетического опыта обусловлена его чувственной непосредственностью, эмоциональностью, относительной автономией, парадоксальным сочетанием целостности с процессуальностью. Такого рода переживание мы никогда не осознаем вполне, однако ценим как глубоко личное и как правило стремимся разделить с другими, — отсюда неустанный поиск (в искусстве) все новых

средств и способов передачи. Этот поиск можно описывать как смену культурных условностей, риторических и языковых кодов (что и делает история литературы), но при этом от внимания ускользает другая, не менее важная его сторона.

Невозможно начать писать литературное произведение, признавался Толстой в известном письме Н.Н. Страхову без «энергии заблуждения... земной стихийной энергии, которую выдумать нельзя» [Толстой, 1953: 411]. Речь идет об энергии, которая преобразует латентность замысла в вещественную реальность текста, а последнюю — в виртуальность читательского восприятия. И первое, и второе преобразование достигается индивидуальным усилием, — и первое, и второе включает творческий компонент, — и первое, и второе контекстозависимо и потому чревато неожиданностями. Литературный диалог сложно опосредован и в определенном смысле самоцелен, точнее, он предполагает не конкретную цель-мотивацию, а целый букет таковых. Роман сочиняется не (только) затем, чтобы, например, научить добру и получить денежное вознаграждение за труды, а читается не (только) с целью приятно заполнить досуг или выполнить школьный урок, — хотя дидактический, меркантильный, гедонистический, дисциплинарный и еще многие другие резоны могут участвовать, более или менее значимо, в литературном пакте. Однако в той мере, в какой любой из них становится доминантой и акт соучастного творчества обретает предсказуемость целерационального действия, коммуникация обедняется. И наоборот, чем эстетическое переживание богаче, чем более в нем выражен творческий компонент, тем более мы склонны пестовать в нем потенциальную вариативность путем последующих возвратов — перечитывания¹.

¹ За пределами школярства и узкого цехового профессионализма никому не интересно, чтобы литературный текст застыл, остановился, обрета окончательный, «правильный» смысл. Рассуждая об этой особенности эстетического опыта сравнительно с этическим, философ К.Т. Нгуэн пишет: «Вообразите, что бы вы почувствовали, если бы все, кто работает в поле философской этики после тысячелетних трудов наконец согласно приняли правильную этическую теорию и соображения породили текст с тщательной и убедительной аргументацией, где прояснились бы основные дилеммы морали и предлагались решения важнейших вопросов. Я думаю, мы испытали бы облегчение и даже почувствовали, что философия частично оправдала свое существование... Но что бы, с другой стороны, мы почувствовали, если бы мир литературоведения породил окончательный анализ джойсова Улисса, решив все споры, дав ответы на все вопросы, прояснив всякую неоднозначность с приведением убедительных и всеобъемлющих аргументов? Думаю, меня охватила бы печаль, а мир искусства понес бы существенную утрату. И лично я такую книгу не захотел бы читать. Мы развиваем моральные суждения в поисках правильного решения, но эстетические суждения мы разви-

В связи с этим фразу «Доверие Неожиданному» (Trust in the Unexpected) из стихотворения Эмили Дикинсон можно осмыслить как формулу эстетического опыта, эффектно выражающую его живую, творческую, парадоксальную природу. Категория доверия в контексте этого поэтического высказывания наполняется остро парадоксальным смыслом. В самом деле: доверие подразумевает предсказуемость в поведении субъекта, на которого направлено, т. е. как раз ожидаемость, соответствие ожиданию. Оно же, однако, предполагает и ситуацию неопределенности, непредсказуемости и в этом смысле всегда представляет собой рискованный аванс². В то же время аффект расположенности к другому дает доверяющему драгоценное ощущение свободы от собственной уязвимости — творческой и сотворческой свободы действий.

Эмоция *доверия к неожиданному* у Дикинсон осмысливается как фактор, делающий возможными действия неординарные и проблематичные по своей сути: By this was persuaded... Through this discerned... 'Twas this allured... The same afflicted. Из упомянутых в четырех четверостишиях субъектов каждый — пират Уильям Кидд, чье имя ассоциируется с поиском спрятанных сокровищ, мореплаватель и первооткрыватель Колумб, безымянный алхимик, пребывающий в поиске философского камня и апостол Фома — выступает в роли одновременно «страдательной» и активной, переживает внутреннюю трансформацию, открытие нового ценой утраты былой определенности. В ряд этих сомнительно-благодатных усилий (effort undivine) вписывается по умолчанию и поэтическое творчество. В нем тоже наличествует стремление к сверхценности, подразумевающее риск самопотери, утраты чувства контроля. Ввергая себя в творческое состояние, субъект движется на свой страх и риск, как Колумб в промежутке между уже скрывшейся от глаз Генуей и еще не материализовавшейся Америкой, — практически в отсутствие навигационных приборов и другого ориентира, другого стимула продвигаться дальше, кроме *доверия к неожиданному*. Обозначаемая этим сочетанием слов эпистемическая, творческая эмоция во все времена служила людям своего рода щупом, позволяющим продвигаться в область еще не освоенного, неизвестного, непривычного в отношениях с миром. В этой связи имеет смысл вернуться к тезису К. Гинзбурга о различии между классической версией острашения и постклассической или «современной». «Современность» при этом нельзя сводить к модернистскому эксперименту, — реализацию указанной тенденции мы обнаруживаем и в типе творче-

ваем ради деятельного соучастия в произведениях (we pursue aesthetic judgments for the sake of the activity of engagement) (Nguyen, 2019, 1152).

² См. об этом: [Скрипкина, 2000].

ства, который предшествовал модернизму и до сих пор нередко представляется как антагонистический ему, — за ним закрепилась метка «реализм».

Эстетику реализма в целом питает одно из парадоксальных «открытий» современной эпохи: открытие того, что способность человека к производству разного рода иллюзий — это сила и слабость одновременно, источник творческих возможностей и безнадежного самообмана. Дотошные описания реальности в романе служили и служат проблематизации, более или менее радикальной, самой категории «реальность». Можно привести в пример разительно схожие «театральные сцены» в романах великих современников — Флобера и Толстого. Сцену из «Войны и мира» (т. 2, ч. 5, гл. IX), регулярно упоминают как иллюстрацию приема остранения: в театре Наташа Ростова вдруг становится нечувствительной к чаре оперного действия, испытывая острое смущение под взглядами Элен и Курагина. В похожей сцене у Флобера («Госпожа Бовари», ч. 2, гл. 15) Эмма сначала вовлекается в царство оперного воображения — музыки и Вальтера Скотта, — но, когда в ложе появляется Леон, эстетический контакт оказывается прерван, «точно инструменты утратили звучность, а певцы ушли за кулисы» [Флобер, 1994: 229]. В обоих случаях читателю демонстрируется своего рода двойное остранение: искусство остраняет жизнь, но затем само остраняется жизнью. Эстетическая иллюзия оказывается хрупкой сравнительно с «натуральностью» чувственного влечения, а также — у Толстого — с принудительностью идеологического предрассудка, социальной конвенции. В обоих случаях, однако, крушение художественной иллюзии наблюдается изнутри романа, природа которого ничуть не менее условна, не менее иллюзорна, чем природа оперного искусства, притом что утверждается обоими авторами под знаком стремления к без-условной правдивости. При кажущейся простоте, прозрачности эстетический пакт писателя-реалиста с читателем изощренно сложен, поскольку предполагает способность ценить в искусстве *иллюзию безыскусности*, — работу творческого воображения, которая убедительно выдает себя за буквальное воспроизведение «того, что есть», но при этом не притворяется тем, что есть. Послание о правде жизни, не отвечающее за собственную правдивость, призвано вызвать в читателе эмоцию доверия, однако отнюдь не наивного.

Собственно, чему *доверяет* читатель романа? Предполагаем ли мы в романисте исключительную житейскую мудрость или нечто даже высшее — надмирную святость? На то, как правило, нет оснований. Куда более веским основанием для «аванса» оказывается особое чувство языка и мастерство его использования, владения им.

Но язык реалистической прозы подчеркнуто *не* производит впечатления особого, «усовершенствованного» сравнительно с тем, что мы используем повседневно. Толстому (как и Стендалю, и Бальзаку, и Достоевскому) современные им знатоки не раз предъявляли претензии по части «бесстильности», — многим казалось, что о стиле эти авторы заботятся мало. Озабоченность стилем Гюстава Флобера, напротив, — притча во языцех, но... указать пальцем на конкретные отличия, приподнимающие язык романа «над естественным языком» [Лотман, 1970: 30] и актуализирующие в тексте эстетическую функцию, крайне непросто. Строгий Пруст заметит, что не так много в прозе французского классика ярких метафор, что встречаются даже (!) явные ляпы, а бывает, что речь «от автора» и вовсе становится неотличима от речи какого-нибудь аптекаря Оме. Чего же добивался от себя Флобер, корпя за письменным столом или «прокрикивая» — часами — уже написанные фразы? Тайна обаяния его (как и других «классиков реализма») прозы прячется, на наш взгляд, в парадоксе плохого, но хорошего, отсутствующего, но наличествующего стиля.

Рассмотрим часто цитируемый фрагмент из письма Г. Флобера Луизе Коле от 9 декабря 1852 г.:

«Автор в своем произведении должен быть подобен богу во вселенной — вездесущ и невидим. Искусство — вторая природа, и создателю этой природы надо действовать подобными же приемами. Пусть во всех атомах, во всех гранях чувствуется скрытое беспредельное бесстрашие. Зритель должен испытывать некую ошеломленность. Как все это возникло? — должен он вопрошать и чувствовать себя подавленным, сам не понимая отчего. Греческое искусство держалось этого принципа и, дабы быстрее достигнуть цели, избирало своими персонажами существа по своему общественному положению исключительные — царей, богов, полубогов. Никто не пытался заинтересовать вас вами самими, предметом искусства было божественное» [Флобер, 1984: 235].

Речь идет о героическом *усилии подражания*... однако чему? Отнюдь не природе как чему-то объективно существу, предстоящему субъекту на манер картины, скорее — тому сильному и сложному эффекту, какой созерцание природы способно порой произвести в человеке. Стремясь воссоздать аналог этого эффекта, древние художники «усиливали» свои произведения фигурами существ исключительных («царей, богов, полубогов») и такими же исключительными ситуациями. Но стратегия современного художника, на взгляд Флобера, должна быть иной. Драматические жесты в подражание литературе старых времен были бы не более, чем «покупкой», которая разочаровала и оттолкнула бы если не публику вообще, то того идеально-требовательного читателя, которому

внутренне адресовался Флобер. Современность приглашает к взаимодействию более тонкому, косвенному, эгалитарному — и именно этот путь выбирает писатель, при всем своем демонстративном высокомерии «буржуазофоба». Чем слабее сигнал о всеприсутствии в тексте автора-творца, тем выше его ценность, если и когда сигнал воспринимается, подхватывается, развивается далее читателем.

Стиль прозы Флобера соткан из микрожестов, дискурсивных сигналов авторского творческого присутствия (по наблюдению Пруста, союз «и» тут будет стоять чуть-чуть не на том месте, куда расположит его привычно любой франкоговорящий субъект и т. д.). Редко какая из этих мелочей отсылает к конкретному, объективируемому значению, но в совокупности они работают на общую задачу: вызывают в читателе удивленный вопрос: «Как все это сделано, как сотворено?» (*Comment tout cela s'est-il fait?*)³. «Беспредельное бесстрашие», упоминаемое тут же («...во всех атомах, во всех гранях чувствуется скрытое беспредельное бесстрашие...») — не синоним отсутствия страстей/чувств, ровно наоборот. Слово *impassibilité* отсылает к теологической категории, подразумевающей божественную способность к всеочувствию. Таким образом, речь идет об ответственной трансформации обыденного режима восприятия — в режим соучастного творческого смыслопроизводства: простое смотрение должно стать всматриванием, простое слышание — чутким вслушиванием. В той мере, в какой читатель романа оправдывает максималистское ожидание автора, он превратится в достойного творческого партнера, а сам роман сможет держаться «как собственной силой». «Сила» должна произойти из труднодостижимого (почти невозможного, — это признавал сам Флобер) сочетания: доверчивое принятие текста в его квазиреференциальности, «натуральности», напоминающей бедность «подобранного объекта», сочетается с удивлением «сделанностью» того же текста, с чуткостью к присутствию авторской творческой воли в каждой его точке.

На этот прагматический вызов, который нес (или прятал?) в себе стиль Флобера, кажется, первым отреагировал Бодлер в известной рецензии на «Госпожу Бовари». Констатируя впечатляющий успех романа, он поставил вопрос: каким же, собственно, оригинальным художественным решением этому романисту удалось завоевать читателя? Неужели сенсационной историей про адюльтер, про грубую правду пошлой жизни? Нет. Если трактовать «реализм» не банально, как копирование сущего, а всерьез — как небывало-новый, современный метод творчества (*une méthode nouvelle de création*

³ Слово «возникло» в процитированном выше русском переводе исключает оттенок сделанности, сотворенности, одновременно не предполагающей и предполагающей творца [Flaubert, 1980: 208].

[Baudelaire, 1949: 70]), следует признать: он рождался из напряжения между вопиющей предсказуемостью, узнаваемостью, вторичностью форм, образов, речевых клише, общих мест, как бы взятых «из жизни» без всякой обработки, и ощущением мощного, искупительного присутствия творческого субъекта в недрах этой обезличенности. Из этого парадокса, заключает Бодлер, и родилась «Госпожа Бовари» — «затея невозможная, держу пари, совершенно невозможная, как всякое произведение искусства» [Бодлер, 2001: 332]. Так мы читаем в переводе Л. Цывьяна, размноженном русскоязычным интернетом, хотя в оригинале у Бодлера рождение произведения искусства ассоциируется не только и даже не столько с абстрактной «невозможностью», сколько с отношением, в которое входят субъекты, когда бьют по рукам, заключают пари (переводчик, по-видимому, просто не поверил, не принял вызывающей странности развиваемой Бодлером метафоры)⁴.

Пари — это соглашение, в которое вступают две взаимодействующие стороны или два конфликтующих вида предположительного знания, — при этом некая ценность определяется как заклад. Взаимодействие партнеров оттеняется зависимостью обоих от непредсказуемости (никто не заключает пари в ситуации высоко предсказуемой). Сторонами взаимодействия нетрудно представить пишущего и читающего, художника и зрителя, композитора и слушателя, встречающихся на поле творческого сопроизводства, — где без «доверия к неожиданному» не обойтись. Полтора столетиями позже (и даже не вспоминая, по-видимому, Бодлера) эту стратегию опишет американский искусствовед Майкл Фрид в диптихе, посвященном эстетике реализма [Fried, 1990; 2012]. Секрет экспериментального реализма Курбе и Флобера он также увидит не в точном, опознаваемом описании реалий жизни, а в способе отношения художника к акту описания, косвенно — к адресату. В финале книги рассказывается иллюстративный анекдот о том, как Курбе и Коро собрались писать пейзаж, и Коро погрузился в поиски «правильной» точки для наблюдения ландшафта, а Курбе просто сел и начал писать: самопровозглашенному реалисту было не важно, на что и откуда смотреть, он воспринимал природу не как отдельный от наблюдателя *вид*, а как среду, предполагающую вхождение в нее и обживание ее художником из любой точки. Принципиальна в этой логике плотность контакта субъекта и природы, которая не так отображается, удваивается в акте письма, а заново возникает под кистью или пером. Чувство стиля, запускающее в читателе/зрителе эстетическую реак-

⁴ (В оригинале: “Dès lors, *Madame Bovary*, — une gageure, une vraie gageure, un pari, comme toutes les œuvres d’art, — était créée” [Baudelaire, 1949: 72]).

цию, — по сути, чуткость к «другости» другого, сопряженная с позитивным аффектом доверия. То, как (полноценно, уместно, убедительно, обаятельно и т. д.) другой (автор) расположил себя в языке или в картине, вызывает в нас чувство доверия к нему и удивления одновременно⁵.

Убедительных попыток концептуализации этой важной составляющей эстетического опыта пока не так много⁶, но они появляются все чаще как плод междисциплинарных исследовательских альянсов. Для нас в данном случае важно, что из предложенных посылок вытекает необходимость внимания к литературному авторскому стилю не как к совокупности объективных языковых свойств и форм⁷, а как к процессу интерактивному, интересубъективному, предполагающему «воплощаемость» (embodiment) психических процессов в процессах порождения и восприятия речи. Это серьезный вызов филологу, тем более, что наличный арсенал техник текстового анализа в такой перспективе оказывается ограниченно годен, а инструментарием, адекватным сложности вновь открытого предмета, мы пока не располагаем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барт Р.* Третий смысл. М. Ad Marginem, 2015.
2. *Бодлер Ш.* Проза. Харьков, 2001.
3. *Гинзбург К.* Остранение: предыстория одного литературного приема // Новое литературное обозрение. 2006/4. № 80. С. 9–29.
4. *Гумбрехт Х.-У.* Производство присутствия: Чего не может передать значение. М., 2006.

⁵ Отчасти здесь применимо используемое в психологии понятие проприоцепции: оно означает способность чувствовать свое тело в пространстве, — но можно ведь говорить и о пространстве визуальной образности, и о пространстве языка. Проприоцептивным навыком мы располагаем все — в мере, достаточной для практической жизни, но в отдельных случаях (например, в искусстве или спорте) он реализуем куда более широко и свободно и потому приковывает к себе внимание, вызывает восхищение.

⁶ Можно сослаться на предложенное Р. Бартом в эссе «Третий смысл» (1970) разграничение двух видов коммуницируемого художественного смысла: если *sens obvie* передается как символическое значение, возникающее из отношения воображаемого референта с культурной конвенцией, то *sens obtus* — на уровне подражательного/миметического телесного чувства. Именно второй вид смысла служит, по Барту, основой художественной выразительности [Барт, 2015]. Х.У. Гумбрехт работает с категорией «присутствия» («производство присутствия», «чувство присутствия») образом очень созвучным. Природу эстетической читательской реакции немецкий философ связывает с *колебанием*, «одновременно радостным и мучительным» [Гумбрехт, 2006: 129], между утратой контроля/ориентации и их восстановлением, новым обретением, — что очень схоже с «доверием неожиданному».

⁷ «То: что обычно именуется стилем... принадлежит несимволическому уровню коммуникации» [Malmberg, 1967: 161].

5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970. 383 с.
6. Скрипкина Т.П. Психология доверия. М., 2000.
7. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 61. М.; Л., 1953.
8. Флобер Г. Избр. соч. Т. 1. М., 1994.
9. Флобер Г. Письма 1862–1880 гг. // Флобер Г. О литературе, искусстве, писательском труде. Т. 1. М., 1984.
10. Baudelaire – Selected Critical Studies of Baudelaire. Cambridge, 1949.
11. Flaubert G. Correspondence. Vol. II: 1851–1858 / Ed. Jean Bruneau. Paris, 1980. P. 208.
12. Fried M. Courbet's Realism. Chicago, 1990.
13. Fried M. Flaubert's "Gueuloir". On "Madame Bovary" and "Salambó". New Haven, 2012.
14. Malmberg B. Structural Linguistics and Human Communication. Berlin, 1967.
15. Nguyen C.T. Autonomy and Aesthetic Engagement // Mind. 2019. 129 (516).

REFERENCES

1. Barthes R. *Tretii smysl*. М. Ad Marginem, 2015.
2. Baudelaire Sh. *Proza*. Khar'kov: Folio, 2001.
3. Ginzburg K. *Ostranenie: predystoriia odnogo literaturnogo priema*. Novoe literaturnoe obozrenie 2006/4. № 80. S. 9–29.
4. Gumbrecht Kh.-U. *Proizvodstvo prisutstviia*: Chego ne mozhet peredat' znachenie. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006.
5. Lotman Iu.M. *Struktura khudozhestvennogo testa*. Iu.M. Lotman. М.: Iskusstvo, 1970. 383 s.
6. Skripkina T.P. *Psikhologiya doveriia*. М., 2000.
7. Tolstoi L.N. *Polnoe sobranie sochinenii v 90 t.*, t. 61. М.; Л., 1953.
8. Flaubert G. *Izbrannye sochineniia*. Т. 1. М., Druzhba narodov, 1994.
9. Flaubert G. Pis'ma 1862–1880 gg. // Flober G. *O literature, iskusstve, pisatel'skom trude*. Т. 1. М., 1984.
10. Baudelaire – Selected Critical Studies of Baudelaire. Cambridge University Press, Cambridge. 1949.
11. Flaubert G. *Correspondence*. Vol. II: 1851–1858, ed. Jean Bruneau. Paris: Pleyade, 1980. P. 208.
12. Fried M. *Courbet's Realism*. Chicago: University of Chicago Press, 1990.
13. Fried M. *Flaubert's "Gueuloir"*. On "Madame Bovary" and "Salambó". New Haven: Yale University Press, 2012.
14. Malmberg B. *Structural Linguistics and Human Communication*. Berlin, Springer, 1967.
15. Nguyen C.T. *Autonomy and Aesthetic Engagement*. Mind, 129 (516). 2019.

Поступила в редакцию 30.08.2021; Принята к публикации 15.02.2022;
Отредактирована 20.03.2022

Received 30.08.2021; Accepted 15.02.2022; Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Венедиктова Татьяна Дмитриевна — доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1003-4338>, tvenediktova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana Venediktova — Doctor Hab. in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1003-4338>, tvenediktova@mail.ru

ШОК И РУТИНА КАК МОДУСЫ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ПИСЬМА: К ИСТОРИЧЕСКОЙ НАРРАТОЛОГИИ РУССКОГО КЛАССИЧЕСКОГО РОМАНА

А.В. Корчинский

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
korchinsky@mail.ru*

Аннотация. Шок и рутина как категории повседневного опыта давно стали предметом рефлексии в философии, социологии и антропологии. Философия шока отсылает к категории возвышенного, восходящей к Бёрку и Канту и оказавшейся в центре теоретической рефлексии XX–XXI вв. Рутинa также вызывала большой интерес у мыслителей, достаточно назвать имена Дюркгейма, Зиммеля, Хайдеггера. Для теории литературы эти понятия (являющиеся в то же время переживаниями нашего опыта и фигурами нашего воображаемого) важны тем, что в них определенным образом концентрируются, в частности, нарратологические категории событийности и процессуальности, дискретности и континуальности, сингулярности и повторяемости (итеративности). Кроме того, с опорой на современные теоретические представления о фундаментальной взаимосвязи и разрыве между шоком и рутиной как ключевой характеристике современной культуры представляется возможным взглянуть на эту базовую оппозицию и как на важнейшую динамическую модель литературного воображаемого эпохи модерности и, в частности, исследовать исторические формы литературного нарратива в свете изменения конфигурации отношений между данными категориями. В настоящей статье предложен «диалектический» взгляд на проблему соотношения шока и рутины как модусов реалистического повествования, по одним версиям, структурированного вокруг поворотного ментального события, по другим — основанного на проработке мельчайших элементов изображаемой реальности, создающей эффект всеобщей связи вещей и бессобытийной континуальности жизни. На нескольких примерах из современной теории литературы и искусства и собственно литературных кейсах (Толстой, Достоевский) мы показываем, как романтическая оппозиция шока и рутины трансформируется в рамках парадигмы реализма.

Ключевые слова: шок; рутина; нарратив; нарратор; событийность; процессуальность; дискретность; континуальность; сингулятив; итератив; реализм; действительность

Финансирование: Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 20-18-00417 «Историческая нарратология: новый подход в гуманитарном знании (на примере изучения русской литературы).

Для цитирования: Корчинский А.В. Шок и рутина как модусы реалистического письма: к исторической нарратологии русского классического романа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 151–162.

SHOCK AND ROUTINE AS MODES OF REALIST WRITING: TOWARDS A HISTORICAL NARRATOLOGY OF THE RUSSIAN CLASSICAL NOVEL

Anatoly Korchinsky

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, korchinsky@mail.ru

Abstract: Shock and routine as categories of everyday experience have long been a subject of reflection in philosophy, sociology, and anthropology. The philosophy of shock refers to the category of the sublime, which goes back to Burke and Kant and has been at the centre of theoretical reflection in the twentieth and twenty-first centuries. Routine has also been of great interest to thinkers, suffice it to mention Durkheim, Simmel and Heidegger. For a theory of literature, these concepts (which are at the same time living experiences and figures of our imaginary) are important because they concentrate in a certain way the narratological categories of eventuality and processuality, discreteness and continuity, singularity and iterativity. Moreover, proceeding from the contemporary theoretical ideas about the fundamental relationship and rupture between shock and routine as a key characteristic of modern culture, it seems possible to look at this basic opposition as an essential dynamic model of the literary imaginary of the modern era. In particular, one can explore the historical forms of literary narrative in the light of the changing configuration of the relationship between these categories. The present paper offers a “dialectical” view of the problem of correlation between shock and routine as a *modus operandi* of the realistic narrative, which, according to some versions, is structured around a turning mental event; according to others, it is based on the elaboration of the smallest elements of depicted reality, creating the effect of the universal connection of things and the eventless continuity of life. Using several examples from contemporary literary and art theory and literary cases proper (Tolstoy, Dostoevsky), we show how the Romantic opposition of shock and routine is transformed within the realist paradigm.

Key words: shock; routine; narrative; narrator; eventuality; processuality; discreteness; continuity; singularity; iterative; realism; reality

Funding: This work was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project no. 20-18-00417 “Historical Narratology: A New Approach to Humanitarian Knowledge (with a Case Study of Russian Literature)”.

For citation: Korchinsky A. (2022) Shock and routine as modes of realist writing: towards a historical narratology of the russian classical novel. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 151–162.

По мнению израильского философа Эрана Дорфмана, современная повседневность и ее литературные репрезентации характеризуются резким противопоставлением шокирующих событий и будничной рутины существования [Dorfman, 2014]. При этом ожидание чего-то чрезвычайного и экстраординарного приводит к скуке как отрицанию наличного бытия и томлению по иному миру, находящемуся за пределами привычного порядка вещей. С другой стороны, чрезмерная наполненность повседневной жизни необычными происшествиями ведёт к усталости как неспособности переживания исключительных событий и, в итоге, к невозможности вырваться из обыденности, — при том, что сама оппозиция сохраняется и даже достигает своего апогея. Примером скуки выступает история Эммы Бовари Флобера, примером усталости — история Рене Саккар, героини романа Золя «Добыча» [Дорфман, 2017]. По всей видимости, истоки самой этой констелляции шокирующего и рутинного восходят к романтизму. Но последующее развитие — от реализма к натурализму и далее — к декадансу и модернизму можно рассматривать с точки зрения взаимодействия и взаимопроникновения шока и рутины как двух модусов бытия и его фиксации в литературном нарративе.

Шок и рутина действуют на всех уровнях литературного произведения: потрясения или, наоборот, монотонность жизни могут переживать как герои, так и рассказчики; как автор, так и читатель. Они могут соотноситься между собой не только как фигура и фон, когда нечто потрясающее происходит на фоне чего-то повторяющегося, привычного, набившего оскомину. Между ними могут устанавливаться также отношения чередования — своего рода ритма, когда шоковое состояние сменяется рутинным и наоборот. Кроме того, иногда они вступают в диалектические отношения, когда одно превращается в другое, приобретая новое качество.

В свете сказанного представляется, что именно рутинизация шока и шокирующая рутинность — одна из характерных черт той литературы, которая именуется реалистической.

Вообще, по каким линиям можно противопоставить эти понятия? Во-первых, как уже сказано, шок тяготеет к событийности со всеми ее характеристиками (неожиданностью, однократностью, необратимостью, беспрецедентностью и т. д.), рутина — это скорее бессобытийное развитие или повторение одного и того же. Вторая пара возможных соответствий — дискретность / континуальность. Шок — это разрыв временного континуума, иногда даже остановка времени, его членение на «до» и «после». Рутинность — это состояние непрерывной длительности, в ней иногда можно выделить циклы, повторы, но чаще это некоторая аморфность, нечувствительная к

членению и упорядочению. Наконец, в-третьих, если приблизиться собственно к эстетическим категориям, то рутину можно определить как автоматизацию, а шок как деавтоматизацию. В-четвертых же, в том, что касается повествовательных техник, из двух типов нарратива, выделенных Ж. Женеттом, шок тяготеет к сингулятивному повествованию, а рутина — к итеративу [Женетт, 1998: 140–144].

Но все эти противопоставления будут выглядеть иначе, если задуматься о семантической структуре самих понятий шока и рутины. Дело в том, что каждое из этих понятий по существу двойственно. И между ними, несмотря на смысловую противоположность, есть довольно ощутимая зона сближения.

С одной стороны, «шок» (в буквальном смысле — толчок, удар) — это чрезвычайное потрясение, которое на психофизиологическом уровне ведёт к приостановке ряда жизненно важных функций, в том числе мышления, понимания, а также — к опустошению, подавленности, деморализации, замкнутости, своего рода аутичности сознания. С другой стороны, шок, наоборот, часто предстает как мобилизующее начало, старт рефлексии, перемена взгляда на мир, момент метанойи. В принципе, шоковыми феноменами являются, например, переживание возвышенного или остранение в искусстве.

В свою очередь, рутина, с одной стороны, ассоциируется с монотонностью, стереотипностью, предсказуемостью и дурной бесконечностью повторения, унылой повседневностью, пошлой будничностью жизни, скукой и однообразием. С другой стороны, по наблюдению некоторых мыслителей, именно обыденность, скука и однообразие рутины указывают на базовые онтологические свойства времени. Например, замечательный русский философ Леонид Липавский в трактате «Объяснение времени» писал, что именно скука, эта пустая, бессобытийная темпоральность, «заставляет особо остро ощущать время», его длительность саму по себе, подобно тому, «как воздух ощущается острее при его нехватке, когда задыхаешься» [Липавский, 2005: 44]. Это понимание отражает, по всей видимости, бергсоновский взгляд на время, присущий кругу чинарей-обэриутов, к которому принадлежал Липавский и который во многом наследовал бергсоновской философии через Н.О. Лосского. Затем, совсем в другом смысле, Иосиф Бродский в знаменитой лекции «Похвала скуке» утверждал: «Скука говорит на языке времени... она представляет чистое, неразведенное время во всем его повторяющемся, избыточном, монотонном великолепии» [Бродский, 2000: 89–90]. Человек, погружаясь в скуку, переживает свою незначительность, бренность, конечность на фоне избытка, бесконечность времени без него. Таким образом, именно скука, именно будничное течение жизни, а не беспрецедентные события или праздники,

оказываются сродни жизненному порыву или экзистенциальному прорыву.

Всё это говорит о том, что двойственность шока и рутины позволяет не только противопоставить их, но и обнаружить в них нечто близкое.

Если мы посмотрим на определения реализма, то увидим, что часто его определяют либо через шок, либо через рутину, либо, что более интересно, через то и другое в их неразрывном единстве. Приведу две современных точки зрения.

Известный нарратолог Вольф Шмид полагает, что, несмотря на обилие статичных описаний, пресловутую детальность реалистического нарратива, а также — избыток итеративных конструкций, рассказывающих о повторяющихся, типических, серийных действиях и происшествиях, нарративная структура классического реалистического романа организуется вокруг ключевого события, которое обычно представляет собой «прозрение», «просветление», «ментальную перипетию, когнитивный, душевный или нравственный поворот» [Шмид, 2005: 33]. Это событие, как правило, носит характер трансгрессивный, скандальный и шокирующий — как для протагониста и других героев, так и, в конечном счёте, для читателя. Именно исчезновение такого центрального события в романе приводит к распаду классической конструкции романа, эмансипации описательных массивов текста, связывается с изживанием реализма и переходом к натурализму и нарративным стратегиям модернизма [Николози, 2019: 61–62].

Другой пример — наблюдения Франко Моретти над корпусом классических англоязычных романов XIX в. Согласно его выводам, главной отличительной чертой повествования в этих романах становится именно рутинность, что в его терминологии описывается понятиями «ритм континуальности» и «балласт» [Моретти, 2017: 78–81, 109–113]. Нарратив этих текстов образует сплошное сцепление взаимосвязанных мелких действий, среди которых не так легко оказывается выделить какое-то особое, чрезвычайное событие, а повествовательные лакуны заполняются детальными описаниями, которые зачастую приобретают самоценный характер. В этой процессуальной действительности, сотканной из множества взаимосвязанных действий, нет никаких шокирующих разрывов и даже катастрофические события строго детерминированы, связаны с другими множеством переходных моментов и мельчайших связей, а потому их событийность не так ярко выделяется на фоне рутины.

Полярность характеристик, касающихся роли шокирующей событийности и рутинной повседневности в реалистической классике, можно объяснить тем, что эти две теории построены на разном

культурном материале. Вольф Шмид анализирует русский роман Толстого и Достоевского, а Франко Моретти — европейские романы — Бальзака, Флобера, Джордж Элиот и др. Но, скорее всего, речь идет не столько о цивилизационных отличиях, сколько о разных акцентах внутри одной и той же парадигмы.

И теория, и художественная практика говорят о том, что реализм на самом деле активно работает и с шоком, и с рутинной. Самый поверхностный пример: именно описания рутинной повседневности делали шокирующим физиологический очерк, затем — трущобную литературу и, наконец, натуралистический роман, который в России, как известно, называли реалистическим. Вообще, можно сказать, что именно скандальное предъявление неудобных и грязных подробностей (тривиальной, рутинной) жизни со временем стало эмблемой реализма. Современная писательница Марина Степнова в романе «Сад», сюжет которого разворачивается во второй половине XIX в., устами своей героини выдвигает обвинение против современных романов, в которых, по ее мнению, нет ни слова правды об опыте родов, о физиологии материнства. Один Толстой упомянул где-то замаранные пеленки, да и то «не так. Тоже не так» [Степнова, 2020: 73], заключает героиня Степновой.

Однако и на более глубоких уровнях теории реализма шок и рутина оказываются тесно взаимосвязаны. Своего рода «скандалом» оказывается в этом смысле знаменитый «эффект реальности» Ролана Барта. Ведь структурной аномалией, разрывом семиотической ткани повествования оказывается не чрезвычайное событие или какой-то экзотический элемент, а именно рутинное описание, перечисление банальных бытовых деталей, лишние, нефункциональные подробности. Вторжение подобных излишеств, остатков, внеструктурных элементов нарушает всякий порядок, приостанавливает эстетическую функцию текста, а также, как отмечает Барт, тревожит и вызывает головокружение, сопротивляется образованию и пониманию смысла. Думается, это вполне соответствует определению семантического шока. Дополнительно шокирует то, что «эффект реальности» оказывается иллюзией, ложной отсылкой, на месте референта обнаруживающей пустоту.

Борис Гройс в своих последних работах, посвященных новейшей дискуссии о реализме в современном искусстве, показывает, что классический реализм, вопреки распространенному мнению, был не изображением реальности, а изображением сознания, воспринимающего реальность. И эта неперемнная корреляция субъекта и объекта накладывала резкое ограничение и на реальность, и на воспринимающее её сознание: реальность могла быть помыслена только в ограниченных рамках человеческого познавательного ап-

парата, а сам человек загонялся в узкие рамки норм и законов, которыми руководствовалась, согласно детерминистской логике, реальная действительность. В результате реальность реализма представляла не «жизнью как она есть», а шокирующим, травмирующим и фрустрирующим ограничением. «Именно в этом, собственно, и заключался, — пишет Гройс, — смысл реалистической литературы и искусства XIX в.: она представляла трезвые и точные описания разочарований, несбывшихся надежд и неудач, выпавших на долю романтических, социально и эмоционально идеалистических героев, пытавшихся воплотить свои идеалы в реальность... Таким образом, объектом изображения реалистической литературы и искусства была не сама реальность — описанная естественными науками, — а травмы человеческой психики, проходящей испытание реальностью и шокированной окружающей действительностью» [Гройс, 2020]. Шок был обусловлен именно радикальной рутинизацией отношений между человеком и миром.

Другой современный теоретик, Илья Калинин, рассматривает реалистическую технику письма и аналитическую стратегию формалистов через понятие шока [Калинин, 2020]. Шкловский и Эйхенбаум, анализируя тексты Толстого, развивают теорию остранения как шока, который представляет собой не просто художественный эффект, но функционирует как толчок (shock), инициирующий перенастройку читательского сознания, эстетическую и этическую рефлексию. Рассказы Толстого о Кавказской войне и Севастопольской битве являются своего рода шоковой терапией остранения. Рассказывая о войне не в перспективе романтического батального канона как о беспрецедентном героическом событии, а показывая именно рутину войны, Толстой, согласно Эйхенбауму и Калинин, нарушает — но не стирает — границу между ужасным (исключением) и привычным (нормой). Именно будни войны — работа полевого госпиталя — оказываются источником шока.

Реализм как бы растворяет исходную романтическую дихотомию шокирующего и рутинного, стирая границу между ними и обнаруживая одно в другом: шокирует сама действительность, и шокирующая, и рутинная в одно и то же время. Но, с другой стороны, на уровне нарративной структуры и предписываемых ею читательских ожиданий мы можем говорить о пугающей и удивительной повседневности как о результате диалектического снятия базовой оппозиции, обнаруживающей на новом витке противоборство тех же самых сил, но в ином соотношении. Цель реализма — изображение не просто реальности, а истинной реальности — «действительности». Именно она — при всей своей рутинности — и вызывает

шок. В этом смысле мы имеем не преодоление, а эскалацию, радикализацию романтической диалектики шока и рутины.

Если обратиться к собственно литературным примерам, то можно вспомнить роман Достоевского «Бесы», который сильно корректирует представления о примате событийности в реализме. Кульминацией романа служит пожар в Заречье, устроенный сообщниками Петра Верховенского. Пожар сначала описывается как чрезвычайное происшествие, но затем повествование переходит в итеративную форму, обобщая опыт созерцания ночного пожара вообще, делая его типичным: «Большой огонь по ночам всегда производит впечатление раздражающее и веселящее; на этом основаны фейерверки; но там огни располагаются по изящным, правильным очертаниям и при полной своей безопасности производят впечатление игривое и легкое, как после бокала шампанского. Другое дело настоящий пожар: тут ужас и всё же как бы некоторое чувство личной опасности, при известном веселящем впечатлении ночного огня, производят в зрителе (разумеется, не в самом погоревшем обывателе) некоторое сотрясение мозга и как бы вызов к его собственным разрушительным инстинктам, которые, увы! таятся во всякой душе, даже в душе самого смиренного и семейного титулярного советника... Это мрачное ощущение почти всегда упоительно» [Достоевский, 1974: 394]. Далее приводятся слова С.Т. Верховенского, однажды наблюдавшего один из таких пожаров: «Я право не знаю, можно ли смотреть на пожар без некоторого удовольствия?» Это, слово в слово, сказал мне Степан Трофимович, возвратясь однажды с одного ночного пожара, на который попал случайно и под первым впечатлением зрелища» [там же]. Здесь событие пожара подается как ординарное, рутинное, однако способное шокировать. Достоевский разворачивает диалектику шока и рутины: от пожара как чрезвычайного происшествия — к типичности, обыденности такого рода происшествий — и далее — к столкновению с типовым и рутинным как удивительным и потрясающим.

В следующем эпизоде этот цикл мотивов повторяется. Губернатор Лембке отправляется на пожар, и Достоевский пишет: «Положение его было удивительное и чрезвычайное... Хотя и слушали его с любопытством и удивлением, но никто из них с ним не заговаривал и не пробовал его отвести. Лембке бледный, с сверкающими глазами, произносил самые удивительные вещи; к довершению был без шляпы и уже давно потерял ее» [Достоевский, 1974: 395]. Трижды на протяжении двух небольших предложений говорится об удивлении от происходящего. Далее губернатор кричит: «Всё поджог! Это нигилизм! Если что пылает, то это нигилизм!», а хроникёр комментирует: «услышал я чуть не с ужасом, и хотя удивляться было уже

нечему, но наглядная действительность всегда имеет в себе нечто потрясающее» [там же]. Иначе говоря, удивление повествователя пропадает, так как становится понятно, что губернатор не в себе, а всё случившееся является закономерным итогом ряда подготовительных мероприятий, но именно в этом тривиальном виде действительность снова удивляет и потрясает — уже не только персонажей, но и нарратора. Максима «наглядная действительность всегда имеет в себе нечто потрясающее» звучит как универсальное суждение о том, что действительность, будучи представленной субъекту, оказывается паразитической в любых своих проявлениях — и шокирующих, и рутинных. Диалектика шока и рутины движется от изображаемых событий к событию изображения: шок, переживаемый героями, сменяется повествовательной рутинизацией шока (переход от сингулятивного повествования к итеративу), затем повествователь сам выступает наблюдателем шокирующих событий, которые, будучи рассказанными, вновь перестают удивлять, но на следующем уровне нарративного оформления «потрясают» уже в качестве изображённой действительности, и это потрясение — гипотетически — должно передаваться и читателю.

Вообще, согласно концепции романа (думается, верной для реализма в целом), действительность — вещь совсем не очевидная; чтобы она стала «наглядной», необходимы особые усилия мысли и процедуры воображения.

Герои-идеологи Достоевского живут не столько в реальном, сколько в «фантастическом» мире: Шатов и Кириллов «придавлены идеей»; Петр Верховенский плетет интриги так, что «романист от безделья мог бы испечь роман», сам же он, по слову Федьки Каторжного, «человека... сочинит да с ним и живет»; Ставрогин порождает «гениальные» идеи в поиске исключительного события — абсолютного преступления и т. д. Знание этих людей о мире заключено в специфическую нарративную форму, словесная ткань которой образует то, что Бахтин называл «предвосхищающим словом», «словом с оглядкой» и «словом с лазейкой» [Бахтин, 2000: 136]: это такая интерпретация мира, которая не учитывает реальных мнений и взглядов других людей, но воображает, «предвосхищает» их. В этой парадигме мышления человек обречен, по Достоевскому, на «фантастическое» существование. «Реальным» оказывается другой тип понимания и коммуникативного постижения мира — «проникновенное слово», способное проникать в глубину сознания другого человека и выявлять его подлинные переживания, часто не внятные ему самому. «Проникновенным» у Достоевского оказывается не только сочувствие и сострадание как этическое отношение к другому, но и миропонимание в целом — представление о структуре

действительности, ее природе и сущности — «натуре», которую стремятся «перескочить» главные герои его поздних романов. «Проникновенным» сознанием в «Бесах» наделено всего несколько персонажей — Дарья Шатова, бывший архиерей Тихон и — по всей видимости — способность к «проникновенному слову» обретает в ходе своего рассказа хроникёр.

Именно поэтому ключевая сцена романа, по иронии истории располагающаяся в «экстерриториальной» каноническому тексту главе «У Тихона», объединяет проблематику описанной выше диалектики шока и рутины и проблему «проникновенного» понимания действительности, разворачивающуюся параллельно на уровне происходящего в романном мире и на уровне становящейся повествовательной структуры романа.

В этой главе, которая, по замыслу автора, должна была оказаться в самом центре композиции «Бесов» (девятая глава второй части), Ставрогин читает Тихону свою «исповедь», с одной стороны, подсознательно ища покаяния, а с другой стороны, лелея радикальную (романтическую) мысль о том, что совершил самое постыдное и отвратительное преступление (насилие над ребенком), какое только может быть. Однако Ставрогин оказывается поражен и фрустрирован тем, что Тихон не шокирован его исповедью и говорит об ординарности и комизме его преступления. Притом именно эту неоригинальность и смехотворность, говорит Тихон, Ставрогину будет труднее всего пережить, после чего Тихон и угадывает тайную мысль Ставрогина о самоубийстве, которая борется с тайным же побуждением к покаянию.

Здесь мы, во-первых, становимся свидетелями «проникновенного слова», т. е., по Достоевскому, «реального» понимания сути вещей. Во-вторых, в этой сцене дается глубинная трагически противоречивая мотивировка финала — смерти главного героя, которая фактически остается недоступной читателю, лишенному возможности прочесть исключенную главу, и выявляет опущенную в опубликованном тексте связность повествовательной конструкции: хроникер, не являясь свидетелем этой сцены «проникновенного» понимания (которое Ставрогин как носитель «предвосхищающего слова», блокирует), столь же «проникновенно» реконструирует ее. В-третьих, глава сообщает шокирующему финалу предсказуемость, а понастоящему шокировать нас должна рутинная правда о самообмане своевольного человека, желавшего поразить мир, подменив исповедь актом душевного эксгибиционизма.

Шокирующая рутинность реалистического повествования раскрывает перед нами его нарративную эпистемологию: предъявляя читателю «действительность» как систему сопряжений и соответ-

ствий между наблюдаемыми вещами и воспринимающим их сознанием, реализм сталкивает нас с глубинной нормативностью бытия — с «натурой», через которую не «перескочить».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гройс Б. По направлению к новому реализму // Художественный журнал. 2020. № 114.
2. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. М., 2000.
3. Бродский И. Сочинения. Т. 6. СПб., 2000.
4. Дорфман Э. Повседневная жизнь между скукой и усталостью / Пер. Б. Сенина // Сигма. Электронное издание. 24 июля 2017 года. URL: <https://syg.ma/@senin/povsednievnaia-zhizn-miezhdu-skukoi-i-ustalostiu> (дата обращения: 20.05.2021).
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 10. Л., 1974.
6. Женетт Ж. Фигуры. работы по поэтике. Т. 2. М., 1998.
7. Калинин И. Севастополь в августе 1855. Война, фотография и хирургия: рождение поэтики модерна // Новое литературное обозрение. 2012. №116(4). С. 32–74.
8. Моретти Ф. Буржуа: между историей и литературой. М., 2014.
9. Николози Р. Вырождение. Литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М., 2019.
10. Степнова М. Сад. М., 2020.
11. Dorfman E. Foundations of the Everyday: Shock, Deferral, Repetition. L., 2014.
12. Schmid W. Ereignishaftigkeit in den “Brüdern Karamasow” // Dostoevsky Studies, New Series. 2005. № 9. P. 31–44.

REFERENCES

1. Groys B. Po napravleniyu k novomu realizmu. [Towards a new realism] *Khudozhestvennyy zhurnal* [Art Magazine] 2020. № 114. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/102/article/2254> (20.05.2021).
2. Bakhtin M.M. Sobraniye sochineniy: In 7 vols. [Collected Works in 7 vol.]. Vol. 2. Moscow, 2000.
3. Brodskiy I. *Sochineniya*. [Collected Works in 7 volumes]. Vol. 6. Saint-Petersburg, 2000.
4. Dorfman E. Povsednevnaya zhizn' mezhdou skukoy i ustalost'yu. [Everyday life between boredom and fatigue]. Translated by B. Senin. *Sigma. Internet Magazine*. 24 July 2017. URL: <https://syg.ma/@senin/povsednievnaia-zhizn-miezhdu-skukoi-i-ustalostiu>. (20.05.2021).
5. Dostoyevskiy F.M. Polnoye sobraniye sochineniy. [Collected Works in 30 volumes] Vol. 10. Leningrad, 1974.
6. Genette G. Figury. Raboty po poetike. [Figures. Works in Poetic] Vol. 2. Moscow, 1998.
7. Kalinin I. Sevastopol' v avguste 1855. Voyna, fotografiya i khirurgiya: rozhdeniye poetiki moderna. [Sevastopol in August 1855. War, photography and surgery: the birth of modernist poetics] *Novoye literaturnoye obozreniye*. [New Literary Observer] 2012. № 116(4), pp. 32–74.
8. Moretti F. Burzhua: mezhdou istoriyei i literaturoy. [The Bourgeois: Between History and Literature] Moscow, 2014.

9. Nicolosi R. Vyrozhdeniye. Literatura i psikhatriya v russkoy kul'ture kontsa XIX veka. [Renegation. Literature and psychiatry in late 19th century Russian culture] Moscow, 2019.
10. Stepnova M. Sad. [The Garden] Moscow, 2020.
11. Dorfman E. Foundations of the Everyday: Shock, Deferral, Repetition. London, 2014.
12. Schmid W. Ereignishaftigkeit in den «Brüdern Karamasow». *Dostoevsky Studies*, New Series. 2005. № 9, pp. 31–44.

Поступила в редакцию 01.06.2021

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 01.06.2021

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Корчинский Анатолий Викторович — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории гуманитарного знания историко-филологического факультета Института филологии и истории РГГУ, korchinsky@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anatoly Korchinsky — PhD, Assoc. Prof., head of Department of Theory and History of Humanitarian Knowledge, Faculty of History and Philology, Institute of History and Philology, Russian State University for the Humanities, korchinsky@mail.ru

ГИПЕРЕСТЕЗИЯ КАК ОСТРАНЕНИЕ: РЕФЛЕКСИВНОСТЬ И (МИКРО)ВООБРАЖЕНИЕ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX–XX вв.

Е.В. Самостиенко

*Нижегородский исследовательский государственный университет имени
Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, eugeniasuslova@gmail.com*

Аннотация: В статье предпринимается попытка переосмысления понятия остранения, предложенного формалистами, в когнитивной перспективе. В фокусе внимания — трансформация интроспективного режима русской поэзии. Остранение рассматривается как процедура реконфигурирования осознаваемых и неосознаваемых процессов, влияющих на характер развертывания поэтического текста. Общая динамика изменения интроспективного режима описывается как движение от сенсорного письма к письму, где на первый план выходят специфические режимы нелинейного внимания. Одним из важнейших свойств современной поэзии называется гиперестезия — микродраматургия описания внутренних процессов, которая может косвенно указывать на становление биомедиальной эстетики.

Ключевые слова: поэзия; остранение; гиперестезия; когнитивная функция; интроспективный режим; внимание

Для цитирования: Самостиенко Е.В. Гиперестезия как остранение: рефлексивность и (микро)воображение в русской поэзии XIX–XX вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 163–172.

HYPERESTHESIA AS DEFAMILIARISATION: REFLEXIVITY AND (MICRO)IMAGINATION IN RUSSIAN POETRY OF THE 19th–20th centuries

Eugenia Samostienko

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia,
eugeniasuslova@gmail.com*

The article attempts to reimagine the concept of defamiliarization proposed by the formalists from a cognitive perspective. The focus is on the transformation of the introspective regime in Russian poetry. Defamiliarization is considered as a procedure for reconfiguring conscious and unconscious processes that affect the nature of the unfolding of a poetic text. The general dynamics of these changes in the introspective regime is described as a movement from sensory writing to writing based on specific modes of nonlinear attention. One of the most important proper-

ties of contemporary poetry is hyperesthesia — microdramaturgy of the description of internal processes, which indicates the formation of biomedial aesthetics.

Key words: poetry, defamiliarisation, hyperesthesia, cognitive function, introspective regime, attention.

For citation: Samostienko E. (2022) Hyperesthesia as defamiliarisation: reflexivity and (micro)imagination in Russian poetry of the 19th–20th centuries. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 163–172.

Гиперестезия (*hyperaesthesia*) — медицинское понятие, означающее повышенную чувствительность к раздражителям, чувствительность, — крайне интересно в ситуации, когда мы говорим об искусстве и, в частности, о современной поэзии. Имея в своем составе компонент «чувство», «ощущение» (греч. *aisthēsis*), оно может прояснить нечто касательно нового режима чувственности, который проявляется в специфике языка современной поэзии. Сверхчувствительность, как правило, связана с избыточной информационной нагрузкой. Мы живем в пространстве, где непрерывно требуется наш отклик на раздражители, нам приходится обрабатывать огромное количество информации, каналы связи перегружены, а восприятие становится работой. Гиперестезия указывает на перераспределение отношений субъекта со средой. Обостренное внимание к внутреннему опыту, проявляющееся в детальном описании режимов восприятия, памяти, внимания, зумировании чувств и отдельных состояний, говорит о переопределении отношений между биологическим и эстетическим, иначе говоря, о формировании биомедиальной эстетики. Последнюю можно приблизительно определить как специфический модус эстетического, позволяющий исследовать соматические и психические процессы на территории искусства в контексте новой информационной и коммуникационной ситуации.

В разные периоды истории поэзии, в соответствии с принципом динамического отношения между центром и периферией [Тынянов, 1977: 270–281], где «центром» в нашем случае будет основной интроспективный фокус, а периферией — менее системно проявляющееся в тексте когнитивные функции, на первый план выдвигаются те или иные аспекты внутреннего опыта. Это приводит к реконфигурированию всей системы когнитивных настроек, заданных в тексте, к изменению пространства созерцания как континуума развертывания смысла. Знаком этой трансформации «на стороне читателя» будет выступать эффект не-распознавания нового опыта как целостного. Обычно такой текст рассматривается как нарушающий привычные режимы связности, кажется эклектичным и семантически негомогенным. Тогда и возникает эффект остранения.

Обратимся к знаменитой статье В. Шкловского «Искусство как прием» и попробуем переосмыслить это понятие в когнитивной перспективе: «Если мы станем разбираться в общих законах восприятия, то увидим, что, становясь привычными, действия делаются автоматическими. Так уходят, например, в среду бессознательно-автоматического все наши навыки; если кто вспомнит ощущение, которое он имел, держа в первый раз перо в руках или говоря в первый раз на чужом языке, и сравнит это ощущение с тем, которое он испытывает, проделывая это в десятитысячный раз, то согласится с нами <...> Это процесс, идеальным выражением которого является алгебра, где вещи заменены символами» [Шкловский, 1925: 7–20].

Остранение — это выведение в сферу сознательного того, что было «спрятано» вне этой сферы. Огромное количество соматических процессов не контролируется нами сознательно, например, процессы автономной нервной системы. В неосознаваемое уходит то, что обладает большим информационным весом, удерживать его в сознательном опыте было бы очень сложно. Остранение имеет место там, где происходит реконфигурирование осознаваемых и неосознаваемых процессов, их перераспределение. В когнитивном аспекте его можно рассматривать как процесс, благодаря которому становится возможно выделение, изолирование и выведение на первый план той или иной когнитивной функции и рассмотрение через нее всего концептуального целого поэтической ситуации.

Пример с алгеброй из статьи В. Шкловского очень показателен: огромные массивы научного знания, накопленные за столетия в математике, хранятся благодаря своей формализованности в свернутом виде, чтобы математики могли оперировать с ними, не разворачивая их, и при этом получали новое знание. Такого рода свертывание является культурной процедурой, позволяющей удерживать информацию. Так зачем же их разворачивать, тем самым замедляя и делая менее информативными? Вероятно, та или иная когнитивная конфигурация, вырабатывая свой потенциал, теряет способность захватывать всю сложность социальной реальности. Со временем формы становятся все более компактными и емкими с точки зрения своей способности совершать перенастройку, и поэтому требуются все новые и новые конфигурации когнитивных функций.

На каждом этапе своей истории поэзия создает своего рода «рабочую модель сознания», куда входят не только процессы, связанные с сознательным опытом и рациональностью, но и те, благодаря которым формируется (не)проявленный образ всей психической реальности поэтического субъекта. Рефлексивное отношение к вну-

тренним процессам проявлялось в романтической эстетике, а во второй половине XIX в. этот же процесс зумируется, в результате чего возникает сенсорное письмо, репрезентирующее целостное переживание через опыт прямого чувственного восприятия: через то, что субъект видит, слышит и переживает тактильно. Затем, как мы увидим, рефлексивный фокус смещается к отдельным функциям, например, памяти, и в поэзии, начиная с эпохи модернизма, возникает отдельная ветвь феноменологически ориентированного письма [Лехциер, 2020: 74–98]. Еще позже на первый план выйдет эстетика, когнитивной основой которой окажутся специфические процедуры с экспериментальными режимами внимания, позволяющими высвобождать телесные процессы, которые плохо символизируются. Поэты последовательно распаковывают то, что было уведено внутрь и автоматизировано по умолчанию, и это приводит к изменениям в тексте на структурном уровне.

Остранение и гиперестезия могут, таким образом, рассматриваться как две стороны одного и того же процесса, а именно реконфигурирования системы когнитивных функций, лежащих в основе поэтической артикуляции. Акцент приходится на тело, понимаемое в широком смысле: интроспективный режим реализуется через многомерное отношение между когнитивным и соматическим, между репрезентациями ментального и телесного опыта.

После возникновения экспериментальной психологии во второй половине XIX в. интроспекция в науке уходит на задний план, лишается своих прав. Но в это же время она возвращается в поэзию. Н.И. Чуприкова пишет: «... именно интроспекция (центральные процессы “обратного прихода возбуждений”) придает сенсорно-перцептивным впечатлениям, а также эмоциям и потребностям ту высокую степень расчлененности и упорядоченности, которой они не могли обладать, пока не стали ее предметом» [Чуприкова, 2015: 165]. Интроспекция в поэзии делает описание опыта расчлененным, выдвигает на первый план сенсорное письмо. Это само по себе можно считать симптомом нарастания количества обрабатываемой информации — и одновременно возникает запрос на увеличение информационной емкости поэтического текста:

Поэтическая работа А. Фета совпадает по времени не только со становлением экспериментальной психологии в России, но и с быстрым развитием новых оптических медиа (прежде всего — фотографии). В «Воспоминаниях» поэта есть такой фрагмент: «В наше время в гвардии рассказывали, что приезжий фотограф, владевший тогда уже искусством мгновенной съемки, уловил тот момент майского парада на Царицыном Лугу, когда вся масса находящегося в строю войска взяла на караул для встречи государя Николая Пав-

ловича. Невиданная до той поры в Петербурге фотография удостоена была внимания Августейшего Главнокомандующего Цесаревича Александра Николаевича, изрекавшего минуту представить ее государю.

— Посмотрите, Ваше Высочество, что у вас делается, когда меня встречают, — сказал государь, указывая в одном из бесконечных рядов на солдата, который, держа левою рукою ружье в надлежащем положении на карауль, — правую поправляя кивер, сбитый ему на глаза стоящим в затылок неосторожным товарищем» [Фет, 1983].

Здесь для нас важно несколько аспектов. Первый — это трансформация структуры события за счет изменения отношений фона и того, что выделяется на нем: парад превратился в фон, а оплошность солдата стала событием. Эта мена стала возможна благодаря техническому объекту, который, по мысли В. Флюссера, не изображает действительность, а показывает расстановку концептуальных сил [Флюссер, 2008]. Без фотографа это событие затерялось бы в фоне и не попало бы в поле литературного рассмотрения. Второй существенный момент — это изменение масштаба события. На месте события глобального является *микрособытие*, и именно через него поэт осуществляет реконфигурацию смысла всей ситуации, пусть даже обращаясь к анекдоту как к своего рода метафоре, чтобы затем перейти к определению собственного поэтического метода. Микрособытие может быть детектировано только благодаря специфической внутренней технологии, в случае поэзии — трансформации рефлексивного механизма. Перцептивная дискретность указывает на переакцентировку отношений субъекта с окружающей средой.

Рассмотрим стихотворение А. Фета 1884 г.:

Сад весь в цвету,
Вечер в огне,
Так освежительно-радостно мне!
Вот я стою,
Вот я иду,
Словно таинственной речи я жду.

Эта заря;
Эта весна
Так непостижна, зато так ясна!

Счастья ли полн,
Плачу ли я,
Ты — благодатная тайна моя [Фет, 1959: 144].

На структурном уровне мы видим, что драматургию текста задает автономизация внутреннего акта. Через процедуру расфокусировки («Сад весь в цвету, / Вечер в огне») субъект переходит в особый когнитивный режим, где статус события приобретают вещи, ранее не входившие в сферу поэтического опыта («Вот я стою, / Вот я иду»). Слово «Вот» работает здесь как оператор членения когнитивных актов, а именно изменения фокуса внимания¹. После описания отдельного микроакта происходит его связывание с переживанием, фиксация состояния. А. Фет осуществляет моделирование переживания не через аллегории и символы и не через артикуляцию идеологической позиции субъекта, а через фокусировку на сенсорных примитивах — рефлексивном опыте, предполагающем включение особого режима микроображения.

Поэзия XX в. продвигается в этом направлении еще дальше и работает уже не с тематизацией психики, не с изображением когнитивных процессов. Субъект занимает теперь позицию наблюдающего за тем, как на когнитивную сцену, в среду внутреннего созерцания, выводятся образы, которые вспыхивают и гаснут, зачастую не имея никакой связи друг с другом. Он работает не столько с содержанием мысли, сколько с ее механикой. Приведем пример из стихотворения А. Введенского «Две птички, горе, лев и ночь»:

что значит: носится тушканчик
куда несется злой зверек
и что он значит поперек
я не могу постичь зверька
без золотого козырька
пойдем молиться Богу горе
дорогое не гляди на море

Ах что ты что ты горе скажет
Ах что ты птичка говоришь
лишь полдень Бог тебе покажет
ты зря Его боготворишь
тушканчик этот неземной
и неестественный зверек
летите птички все за мной
изображайте пузырек

¹ Интересно, что во второй половине XX в. это слово становится одним из важнейших маркеров в поэзии Вс. Некрасова для обозначения дискурсивной ситуации, с помощью которого размечается «область предречи» [Кулаков, 2007: 136].

Тут птичка первая сказала
я одного не понимаю
она частицами летала
над пышной колокольней леса
она изображала беса

[Введенский, 2013: 96].

В этом тексте, как и во многих других, поэт работает с автоматизмом психики и переводит этот автоматизм в сферу эстетического опыта. Образы идут друг за другом, образуя последовательность, обусловленную исключительно механикой сознания. Уже здесь функция внимания выдвигается вперед, но имеет все еще фокусный характер и задает семантическую линейность, основанную на принципе органики сознания. К этому принципу в поэзии А. Введенского относятся учет динамики мысли как таковой, стремление к повторению уже извлеченного слова, работа с базовым синтаксисом, по своей структуре приближающимся к структуре внутренней речи и др. Именно феноменологическое наблюдение позволяет А. Введенскому обнаружить новую зону поэтической работы между сознанием и языком и нащупать те возможности когнитивной микродраматургии, которые будут реализованы в поэзии второй половины XX в.

Культурный климат в этот период исподволь, но во многом определяется развитием систем коммуникации: они становятся все более открытыми и, по словам Норберта Винера, чувствующими [Винер, 2019: 24]. На первый план выдвигаются фоновые события, становящиеся источником информации, т. е. шум начинает занимать место сигнала, и поэзия создает свою альтернативную идеям Клода Шеннона теорию связи. В поэзии 1970-х можно наблюдать две сильнейшие тенденции: смещение фокуса к невербальному опыту, аффекту, телу и усиление интереса к функции внимания. Внимание становится все более расщепленным, смещается к телесным процессам, и в этих условиях на первый план выходит гиперестезия (можно сказать, что поэтический язык работает как тончайшая адаптивная система).

Алексей Парщиков — один из поэтов, который актуализирует подобные отношения субъекта и среды. В книге «Фигуры интуиции» читаем:

Озаряет эпителиальную темень, как будто укус,
замагниченный бешенством передвижения по
одновременно: телу, почти обращенному в газ,
одновременно: газу, почувствовавшему упор.

Это сила, которая в нас созревает и вне,

как медведь в алкогольном мозгу и — опять же — в углу
искривившейся комнаты, где окаянная снесь.
Созревает медведь и внезапно выходит к столу.

Ты — прогноз этой силы, что выпросталась наобум,
ты ловил её фиброй своей и скелетом клац-клац,
ты не видел её, потому что тащил на горбу
и волокна считал в анатомии собственных мышц

[Парщиков, 1989].

«Темень» отчетливо связана с тьмой внутренних процессов и заставляет вспомнить «темя». Тело становится пронизываемой структурой, которая по петле символической обратной связи узнает о себе: «Ты — прогноз этой силы». Топологическое преобразование среды и сознания возникает в каждый момент благодаря языку, который пытается управиться с тем, что резонирует в теле, — в поле действия языка попадает динамика «сил», отраженная в анатомических формах. В гуле этих форм и происходит переопределение границы тела и окружения.

Семантическая нелинейность текста, заданная режимами распределенного и многофокусного внимания, имеет разнообразные формы выражения в структурах поэтического текста: это семантическая и грамматическая компактность и компрессия поэтического текста (например, у В. Сосноры), разрушение буферной зоны между внутренней и внешней речью (в аспекте интраперевода — у Н. Скандиаки или в аспекте речевой прорисовки воображаемых ландшафтов — у П. Андрукович), натяжение связи между феноменологическим описанием и логикой, грамматикой памяти (у А. Драгомощенко). Для подробного рассмотрения этих явлений потребуется самостоятельное исследование.

Очевидно, что развитие поэтического языка идет в сторону описания все более диффузного внутреннего опыта. При этом остранение возникает как моделирование инстанции наблюдателя, дополнительной по отношению к инстанции *автор — субъект*. Традиционно наблюдатель смотрит на происходящее взглядом радикально внешним, взглядом не-узнавания (так было в прозе Л. Толстого или в ранней лирике В. Маяковского). Теперь он может занимать позицию радикально внутреннюю, что делает возможной соматическую и когнитивную микродраматургию в языке. Гиперестезия становится полем эксперимента как новый эстетический режим поэзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Введенский А.И.* Всё. М., 2013. 776 с.
2. *Винер Н.* Кибернетика и общество. М., 2019. 200 с.
3. *Кулаков В.* Постфактум. Книга о стихах. М., 2007. 232 с.
4. *Лехциер В.* Поэзия как феноменология // Поэзия и ее иное. Екатеринбург; М., 2020.
5. *Паршичков А.* Фигуры интуиции. М., 1989. URL: <http://parshchikov.ru/figury-intuitsii/sila>
6. *Суслова Е.В.* Рефлексивность в языке современной русской поэзии: субъективация и тавтологизация: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 202 с.
7. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. 574 с.
8. *Фет А.* Воспоминания. М., 1983. URL: http://az.lib.ru/f/fet_a_a/text_0170.shtml
9. *Фет А.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1959.
10. *Флюссер В.* За философию фотографии. СПб., 2008.
11. *Чуприкова Н.И.* Психика и психические процессы. М., 2015.
12. *Шкловский В.Б.* О теории прозы. М., 1925. С. 7–20. URL: <http://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.htm>
13. *Штейерль Х.* Империя чувств: полиция как искусство и кризис репрезентации // По ту сторону репрезентации. Н. Новгород, 2021. С. 61–71.
14. *Galloway A.* Interface Effect. Cambridge, 2012.

REFERENCES

1. Vvedenskiy A.I. Vso. [The Whole]. Moscow: OGI, 2013.
2. Viner N. Kibernetika i obshchestvo. [Cybernetics and Society]. Moscow: Izdatel'stvo AST, 2019.
3. Kulakov V. Postfaktum. Kniga o stikhakh. [Post factum. A Book on Poems]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2007.
4. Lekhtsiyer V. Poeziya kak fenomenologiya. [Poetry as Phenomenology] Poeziya i yeye inoye [Poetry and its Other]. Yekaterinburg — Moscow: Kabinetnyy uchenyy, 2020.
5. Parshchikov A. Figury intuitsii. [Figures of Intuition]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1989.
6. Suslova E.V. Refleksivnost' v yazyke sovremennoy russkoy poezii: sub'yektivatsiya i tautologizatsiya. [Reflexivity in the language of contemporary Russian poetry: Subjectivation and Tautologization] Diss. ... na soiskaniye stepeni kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2013.
7. Tyryanov Yu.N. Poetika. Istoriya literatury. Kino. [Poetics. Literary History. Cinema]. Moscow: Nauka, 1977, pp. 270–281.
8. Fet A. Vospominaniya. [Memories]. Moscow: Pravda, 1983.
9. Fet A. Polnoye sobraniye stikhotvoreny. [Complete Collection of Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1959.
10. Flyusser V. Za filosofiyu fotografii. [Towards a Philosophy of Photography] St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2008.
11. Chuprikova N.I. Psikhika i psikhicheskiye protsessy. [Mind and Mental Processes] Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2015.

12. Shklovskiy V.B. O teorii prozy. [On the Theory of Prose]. Moscow: *Krug*, 1925, pp. 7–20.
13. Shteyyerl' KH. Imperiya chuvstv: politsiya kak iskusstvo i krizis reprezentatsii. [The Empire of Senses Police as art and the crisis of representation] Po tu storonu reprezentatsii. [Beyond Representation] Nizhniy Novgorod: *Krasnaya lastochka*, 2021, pp. 61–71.
14. Galloway A. Interface Effect. Cambridge: *Polity*, 2012.

Поступила в редакцию 30.08.2021

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 30.08.2021

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Самостиенко Евгения Валерьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы Института филологии и журналистики ННГУ имени Н.И. Лобачевского, eugeniasuslova@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Eugenia Samostienco — PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of Russian Literature, Institute of Philology and Journalism, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, eugeniasuslova@gmail.com

ОБЗОР

МЕТОДЫ АВТОМАТИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИ РАЗМЕЧЕННЫХ КОРПУСОВ

А.С. Большина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, angelina_ku@mail.ru*

Аннотация: В последние годы с появлением предобученных языковых моделей и различных нейросетевых архитектур качество алгоритмов автоматического разрешения лексической неоднозначности значительно улучшилось. Подавляющее большинство передовых моделей созданы методом машинного обучения с учителем, для которого требуются значительные объемы размеченных текстовых данных. Получение семантически аннотированных данных дорогостоящий процесс, требующий немало времени и трудозатрат. В связи с этим достижения в области автоматического разрешения неоднозначности не могут быть применены для решения этой задачи в языках с недостаточным количеством размеченных лингвистических ресурсов, к которым относится и русский язык. Для решения данной проблемы разрабатываются различные методы для автоматического создания обучающих коллекций. В статье предлагается обзор подходов, сгруппированных по основополагающему принципу их работы и источнику знаний, который в них используется.

Ключевые слова: автоматическое разрешение лексической неоднозначности; автоматическое создание обучающей коллекции; языковые модели; однозначные родственники; параллельные корпуса; бутстрэппинг; алгоритм распространения меток

Для цитирования: Большина А.С. Методы автоматического формирования семантически размеченных корпусов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 173–183.

ON THE METHODS OF AUTOMATIC CREATION OF SEMANTICALLY ANNOTATED COLLECTIONS

Angelina S. Bolshina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, angelina_ku@mail.ru

Abstract: In recent years, with the development of deep pre-trained language models and various neural network architectures, the performance of word sense disambiguation (WSD) algorithms has improved significantly. The vast majority of state-of-the-art models are supervised, which means that they require significant

amounts of annotated text data for training. Obtaining semantically annotated data is a very expensive process that requires a lot of time and labor. In this regard, recent advances in WSD offer opportunities for considerably more efficient ways of resolving ambiguity, but that is applicable only to the high-resource languages. Knowledge acquisition bottleneck hinders the development of WSD systems for low-resource languages, including Russian. To address this issue, various methods are developed for automatic (or semi-automatic) creation of training collections. This article provides an overview of these approaches grouped by the main principle they are based on.

Key words: word sense disambiguation; automatic training collection generation; language models; monosemous relatives; parallel corpora; bootstrapping; label propagation algorithm

For citation: Bolshina A.S. (2022) On the methods of automatic creation of semantically annotated collections. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 173–183.

1. Введение. Неоднозначность — это неотъемлемое свойство естественных языков. Автоматическое разрешение лексической неоднозначности (*Word Sense Disambiguation, WSD*) является одним из этапов семантического анализа текстов, который используется в машинном переводе, извлечении информации, классификации текстов. Задача разрешения неоднозначности состоит в выборе корректного значения многозначного слова в определенном контексте.

Наилучшие результаты на различных наборах данных достигаются методом машинного обучения с учителем [Barba et al., 2021]. Однако подобная парадигма обучения требует большого количества размеченных обучающих данных, которые доступны лишь для небольшого числа языков. Отсутствие или недостаток аннотированных данных (*knowledge acquisition bottleneck*) сильно тормозит развитие и исследование систем разрешения неоднозначности для многих языков, а ручная разметка таких корпусов требует много времени и трудозатрат.

Проблема недостатка размеченных по значениям данных остро стоит и для русского языка, и одним из способов его преодоления является автоматическая разметка текстовых коллекций. В данной статье приведен обзор различных методов, направленных на решение этой проблемы. Все системы были условно разделены на группы, соответствующие основному принципу, который в них используется. Перед описанием подходов для генерации обучающих коллекций будут кратко описаны основные корпуса, размеченные вручную, которые чаще всего встречаются в работах исследователей в области WSD.

2. Корпуса, размеченные вручную. Семантически размеченные корпуса — это текстовые коллекции, в которых каждому многозначному слову приписана метка, отражающая его значение в конкретном контексте. Тексты, которые формируют корпус, могут быть взяты из различных источников: художественная литература, новостные и научные статьи, социальные сети и т. п. Для аннотирования корпусов используются заранее выбранные инвентари значений (системы обозначения значений слов), и чаще всего в качестве них применяются инвентари семантических сетей типа WordNet [Miller, 1995]. Базовым понятием таких сетей является синсет, представляющий собой синонимический ряд, в который входят слова со схожими значениями. Синсеты формируют узлы семантического графа и соединяются друг с другом такими отношениями, как гипонимия, гиперонимия, меронимия и т. п. Рассмотрим пример аннотации предложения с помощью инвентаря значений из семантической сети для русского языка RuWordNet [Loukachevitch et al., 2016].

(1) Дом Бхутто в Лахоре оцеплен полицией.
2526-N — — - 115194-V 9828-N

Все примеры в корпусе автоматически разбиваются на отдельные слова, и те слова, что представлены в семантическом графе RuWordNet, затем размечаются экспертами. В представленном предложении есть многозначное слово «дом», которое входит в 2 синсета в RuWordNet: 130946-N «домашний очаг» и 2526-N «здание». При его разметке учитывался контекст, в соответствии с которым была проставлена нужная метка значения. Все остальные слова в данном примере имеют только одно значение.

Как и во многих других областях обработки естественного языка, наибольший объем размеченных данных имеется для английского языка. Наиболее популярные корпуса — SemCor [Miller et al., 1994] и WNGT (Princeton WordNet Gloss Corpus)¹, имеющие разметку для 38022 и 31396 уникальных неоднозначных слов, соответственно.

Регулярно проводятся технологические соревнования для сравнения качества работы моделей разрешения неоднозначности. Оценка алгоритмов осуществляется на одних и тех же размеченных данных, и на данный момент большинство существующих аннотированных наборов было создано в рамках соревнований SemEval (ранее Senseval). Тексты для таких коллекций берутся из разнообразных источников и содержат разметку для всех основных частей речи. В настоящий момент наиболее крупной платформой для оценки моделей разрешения неоднозначности считается проект XL-WSD

¹ URL: <https://wordnetcode.princeton.edu/glosstag.shtml>

[Pasini et al., 2021], предоставляющий аннотированные по значениям тестовые и обучающие выборки для 18 языков.

Основными источниками размеченных обучающих и тестовых данных на русском языке являются наборы данных с технологического соревнования по разрешению лексической неоднозначности RUSSE-2018 [Panchenko et al., 2018]. Они были собраны из разных ресурсов (Википедия, Национальный корпус русского языка, Активный словарь русского языка) и отличаются инвентарем значений.

В проекте XL-WSD самый маленький размер обучающей выборки у японского языка. Суммарно она состоит из 23217 размеченных примеров для 581 многозначного слова. Для сравнения все обучающие выборки для русского языка из RUSSE-2018 содержат 12459 аннотированных примеров для 171 слова. Это еще раз подчеркивает актуальность решения проблемы нехватки аннотированных данных в русском языке.

3. Методы автоматизации построения обучающих коллекций.

Для преодоления ограничений, вызванных недостатком аннотированных данных, разрабатываются автоматические методы сбора обучающих коллекций. Среди них выделяются подходы, базирующиеся на однозначных родственных словах, параллельных корпусах, базах знаний, алгоритме распространения меток и бутстрэппинге.

3.1. Метод однозначных родственных слов. Методы, использующие информацию об однозначных родственных словах, основаны на заменах. В качестве базы знаний и источника таких «родственников» часто используется тезаурус WordNet. Однозначные родственные слова — это слова или словосочетания, связанные с целевым многозначным словом каким-либо отношением в графе WordNet и имеющие только одно значение, т. е. принадлежащие одному синсету. Сначала однозначные «родственники» отбираются с помощью того или иного метода, затем из корпуса извлекаются контексты, в которых они встречаются. В этих текстах они заменяются на целевые многозначные слова, а тексты добавляются в обучающую коллекцию. В большинстве работ в качестве однозначных «родственников» берутся синонимы, но иногда помимо них включают гипонимы и гиперонимы [Przybyła, 2017] или меронимы и холонимы [Seo et al., 2004].

В подходе [Martinez et al., 2006] в обучающий корпус включаются только те примеры из Интернета, которые имеют высокую степень близости с контекстами употребления однозначных «родственников» на основании заданных метрик. При ранжировании извлеченных из интернета примеров учитываются такие признаки, как количество слов в исходном запросе, тип отношения, связывающего однозначное родственное слово и многозначное слово, расстояние

от «родственника» до многозначного слова и количество найденных страниц по запросу. Метод, разработанный [Bolshina and Loukachevitch, 2020], использует однозначных кандидатов, соединенных с целевым значением многозначного слова не более чем 4 ребрами в сети RuWordNet. Для ранжирования однозначных родственных слов в данном исследовании рассчитывается коэффициент схожести однозначного «родственника» и всех слов из близко расположенных синсетов, связанных с целевым значением максимум 2 ребрами в семантическом графе.

3.2. Параллельные корпуса. Параллельные корпуса являются полезным источником, с помощью которого можно автоматически создавать семантически размеченные обучающие коллекции, в том числе для нескольких языков сразу.

В основе метода для создания корпуса OMSTI [Taghipour and Ng, 2015] лежит гипотеза о том, что разным значениями многозначного слова в английском будут соответствовать разные слова на китайском языке. Сначала каждому значению многозначного слова на английском языке присваивается перевод на китайский язык, а затем из параллельного корпуса извлекаются предложения со словами на китайском, которые были соотнесены с каким-либо из значений из инвентаря значений английского языка. Соответствующие им предложения на английском размечаются и добавляются в обучающую коллекцию. В качестве параллельного корпуса для создания этой коллекции используется англо-китайская часть корпуса MultiUN [Eisele and Chen, 2010], состоящего из протоколов заседаний ООН.

Авторы статьи [Otegi et al., 2016] описывают методику сбора обучающих коллекций с разметкой значений для 6 языков на основе параллельных корпусов Europarl [Koehn, 2005] и QTLeap [Agirre et al., 2015], содержащие протоколы заседаний Европейского парламента и инструкции по устранению неполадок в программном и аппаратном обеспечении, соответственно. Для предсказания значений для каждого языка в данной работе используется своя модель разрешения неоднозначности. В исследовании [Delli Bovi et al., 2017] за основу берется корпус Europarl и мультязычный алгоритм снятия многозначности Babelfy [Moro et al., 2014], базирующийся на векторных представлениях сущностей NASARI [Camacho-Collados et al., 2016].

В работе [Hauer, 2021] представлены три различных способа создания обучающих корпусов. Подход LABELPROP основан на алгоритме обучения с частичным привлечением учителя (*semi-supervised learning*) и на уже существующих корпусах с семантической разметкой. В рамках метода LABELSYNC обе части параллельного корпуса аннотируются с помощью системы разрешения неоднознач-

ности, основанной на базе знаний. Подход LABELGEN отличается от предыдущего тем, что в нем одна часть параллельного корпуса должна быть на английском языке. За счет большего объема размеченных данных качество предсказаний значений многозначных слов для английского языка выше, чем для других языков. После автоматической разметки английской части корпуса поставленные метки проецируются на вторую часть параллельного корпуса.

3.3. Бутстрэппинг, алгоритм распространения меток. Алгоритм бутстрэппинга (*bootstrapping*) [Pham et al., 2005] состоит из следующих шагов: сначала классификатор обучается на небольшом объеме размеченных данных, затем с помощью уже обученного классификатора размечаются неаннотированные примеры. Далее он обучается на уже расширенной размеченной выборке, и процедура итеративно повторяется до тех пор, пока не будет размечена вся выборка. В исследовании [Khapra et al., 2011] бутстрэппинг применяется для построения обучающих корпусов сразу для двух языков, в которых наблюдается недостаток размеченных данных.

Текстовые данные для задачи разрешения неоднозначности можно представлять в виде графа. В узлах такого графа содержатся аннотированные примеры из корпуса. Ребра, соединяющие узлы, имеют вес, определенный выбранной метрикой: например, если в качестве метрики используется косинусная мера близости двух слов, то вес ребра будет больше для слов, схожих по своему значению. Идея алгоритма распространения меток (*label propagation*) состоит в предсказании метки неразмеченного примера в графе, исходя из информации о классах, содержащихся в окружающих его узлах, и весах, приписанных им. Мультиязычный алгоритм MuLaN [Barba et al., 2020] использует контекстно-зависимые векторные представления слов из мультиязычной языковой модели mBERT [Devlin et al., 2019], информацию из баз знаний и проекцию смысловых меток с размеченных данных для языка, в котором они имеются в достаточном количестве, на язык, для которого аннотированные данные отсутствуют.

3.4. Методы, использующие базы знаний. Иногда для автоматического построения обучающей коллекции используются семантические сети. В работе [Pasini and Navigli, 2017] описан метод Train-O-Matic, который в качестве входных данных принимает неразмеченный корпус и мультиязычный семантический граф BabelNet [Navigli and Ponzetto, 2012].

Википедия и Викисловари также применяются для автоматического создания корпусов с семантической разметкой. Метод, описанный в [Henrich et al., 2012], использует соответствие семантической сети GermaNet немецкой версии Викисловаря. Метод SEW

[Raganato et al., 2016] вычисляет эвристики с помощью семантического графа BabelNet, связей между страницами Википедии и их категориями.

Мультиязычный метод OneSeC [Scarlini et al., 2019] основывается на предположении «одно значение для одной категории Википедии», подразумевающим, что все употребления неоднозначного слова в рамках страниц Википедии, принадлежащих одной и той же категории, имеют одно и то же значение. Чтобы приписать значение многозначному слову, вычисляется взвешенное пересечение между всеми словами, относящимися к определенной категории Википедии, и каждым NASARI-вектором для значения многозначного слова.

3.5. Результаты, достигаемые на автоматически порождаемых наборах данных. Модели снятия многозначности, обученные на комбинации данных, аннотированных экспертами и автоматическими методами, могут показывать качество, сравнимое с моделями, обученными только на вручную размеченных текстах, а также могут и превосходить их. Данные единой системы оценки моделей [Raganato et al., 2017] показывают, что обучение модели IMS [Zhong and Ng, 2010] на комбинации корпусов SemCor и OMSTI позволяет улучшить качество разрешения неоднозначности на наборе данных Senseval-2 [Edmonds and Cotton, 2001]. Системы, использующие только автоматически размеченные данные, могут достигать результатов, сопоставимых с теми, что были получены при обучении на данных, аннотированных экспертами, а также могут иметь более высокие оценки качества. Модель IMS, обученная на корпусе Train-O-Matic, на наборе Senseval-2 имеет значение метрики F1 всего лишь на 0.4% ниже, чем у модели, при обучении которой использовался корпус SemCor. Модель IMS, обученная на корпусе SEW, достигает более высокого значения F1 на англоязычной части набора данных SemEval-2013 task 12 [Navigli et al., 2013], чем та же самая модель, для обучения которой применялся корпус SemCor.

Заключение. В данной статье был приведен обзор автоматических методов, направленных на преодоление проблемы нехватки размеченных данных. Все продемонстрированные подходы в основном опираются на разнообразные источники знаний: семантические сети, вручную размеченные корпуса, Википедию и т. д. Однако все ресурсы отличаются по степени доступности и сфере применимости.

Автоматически аннотированные коллекции могут выступать и как дополнение к уже имеющимся данным, размеченным экспертами, и как самостоятельный источник обучающих данных для решения задачи разрешения лексической многозначности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Agirre E., Branco A., Popel M., Simov K.* Europarl QTLeap WSD/NED Corpus // LINDAT/CLARIN Digital Library at ÚFAL, Charles University in Prague. 2015.
2. *Barba E., Procopio L., Campolungo N., Pasini T., Navigli R.* MuLaN: Multilingual Label propagationN for word sense disambiguation // Proceedings of IJCAI. 2020. P. 3837–3844.
3. *Barba E., Pasini T., Navigli T.* ESC: Redesigning WSD with extractive sense comprehension // Proceedings of NAACL. 2021
4. *Bolshina A., Loukachevitch N.* Generating training data for word sense disambiguation in Russian // Proceedings of Conference on Computational Linguistics and Intellectual Technologies Dialog-2020. 2020. P. 119–132.
5. *Camacho-Collados J., Pilehvar M.T., Navigli R.* Nasari: Integrating explicit knowledge and corpus statistics for a multilingual representation of concepts and entities // Artificial Intelligence. 240, 2016. P. 36–64.
6. *Devlin J., Chang M.-W., Lee K., Toutanova K.* BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding // Proceedings of NAACL-HLT 2019. 2019.
7. *Delli Bovi C., Camacho-Collados J., Raganato A., Navigli R.* Eurosense: Automatic harvesting of multilingual sense annotations from parallel text // Proceedings of the 55th Annual Meeting of ACL. Volume 2: Short Papers. 2017. P. 594–600.
8. *Edmonds P., Cotton S.* SENSEVAL-2: Overview // Proceedings of SENSEVAL-2 2nd International Workshop on Evaluating WSD Systems. 2001. P. 1– 5.
9. *Eisele A., Chen Y.* MultiUN: A Multilingual Corpus from United Nation Documents // LREC. 2010.
10. *Hauer B., Kondrak G., Luan Y., Mallik A., Mou L.* Semi-Supervised and Unsupervised Sense Annotation via Translations // arXiv preprint arXiv:2106.06462. 2021.
11. *Henrich V., Hinrichs E., Vodolazova T.* WebCAGe—A Web-harvested corpus annotated with GermaNet senses // Proceedings of the 13th Conference of the European Chapter of ACL. 2012. P. 387–396.
12. *Khapra M.M., Joshi S., Chatterjee A., Bhattacharyya P.* Together we can: Bilingual bootstrapping for WSD // Proceedings of the 49th Annual Meeting of ACL-HLT. 2011. P. 561–569.
13. *Koehn P.* Europarl: A parallel corpus for statistical machine translation // MT summit. 2005. 5. P. 79–86.
14. *Loukachevitch N. V., Lashevich G., Gerasimova A. A., Ivanov V. V., Dobrov B. V.* Creating Russian WordNet by Conversion // Proceedings of Conference on Computational linguistics and Intellectual technologies Dialog-2016. 2016. P. 405—415.65.
15. *Martinez D., Agirre E., Wang X.* Word relatives in context for word sense disambiguation // Proceedings of the Australasian Language Technology Workshop 2006. 2006. P. 42–50.
16. *Miller G.A.* WordNet: a lexical database for English // Communications of the ACM, 38. 1995. P. 39–41.
17. *Miller G.A., Chodorow M., Landes S., Leacock C., Thomas R.G.* Using a semantic concordance for sense identification // Human Language Technology: Proceedings of a Workshop held at Plainsboro. 1994.
18. *Moro A., Raganato A., Navigli R.* Entity linking meets word sense disambiguation: a unified approach // Transactions of ACL, 2. 2014. P. 231–244.
19. *Navigli R., Ponzetto S.P.* BabelNet: The automatic construction, evaluation and application of a wide-coverage multilingual semantic network // Artificial intelligence, 193. 2012. P. 217–250.

20. Navigli R., Jurgens D., Vannella D. SemEval-2013 Task 12: Multilingual Word Sense Disambiguation // Proceedings of the 7th International Workshop on SemEval 2013. 2013. P. 222–231.
21. Otegi A., Aranberri N., Branco A., Hajic J., Popel M. et al. Qtleap wsd/ned corpora: Semantic annotation of parallel corpora in six languages // Proceedings of LREC'16. 2016. P. 3023–3030.
22. Panchenko A. et al. RUSSE'2018: A Shared Task on Word Sense Induction for the Russian Language // Proceedings of Conference on Computational linguistics and Intellectual technologies Dialog-2018. 2018. P. 547–564.
23. Pasini T., Navigli R. Train-o-Matic: Large-scale supervised word sense disambiguation in multiple languages without manual training data // Proceedings of EMNLP-2017. 2017. P. 78–88.
24. Pasini T., Raganato A., Navigli R. XL-WSD: An Extra-Large and Cross-Lingual Evaluation Framework for Word Sense Disambiguation // Proceedings of AAAI. 2021.
25. Pham T.P., Ng H.T., Lee W.S. Word sense disambiguation with semi-supervised learning // Proceedings of the National Conference on Artificial Intelligence, 20. 2005. P. 1093.
26. Przybyła P. How big is big enough? Unsupervised word sense disambiguation using a very large corpus // arXiv preprint arXiv:1710.07960. 2017.
27. Raganato A., Delli Bovi C., Navigli R. Automatic Construction and Evaluation of a Large Semantically Enriched Wikipedia // IJCAI. 2016. P. 2894–2900.
28. Raganato A., Camacho-Collados J., Navigli R. Word sense disambiguation: A unified evaluation framework and empirical comparison // Proceedings of the 15th Conference of the European Chapter of ACL: Volume 1, Long Papers. 2017. P. 99–110.
29. Scarlini B., Pasini T., Navigli R. Just “OneSeC” for producing multilingual sense-annotated data // Proceedings of the 57th Annual Meeting of ACL. 2019. P. 699–709.
30. Seo H.-C., Chung H., Rim H.-C., Myaeng S.H., Kim S.-H. Unsupervised word sense disambiguation using WordNet relatives // Computer Speech & Language, 18. 2004. P. 253–273.
31. Taghipour K., Ng H.T. One million sense-tagged instances for word sense disambiguation and induction // Proceedings of CoNLL-2015. 2015. P. 338–344.
32. Zhong Z., Ng H.T. It makes sense: A wide-coverage word sense disambiguation system for free text // Proceedings of the ACL 2010 system demonstrations. 2010. P. 78–83.

REFERENCES

1. Agirre E., Branco A., Popel M., Simov K. Europarl Qtleap WSD/NED Corpus. *LINDAT/CLARIN Digital Library at ÚFAL, Charles University in Prague*, 2015.
2. Barba E., Procopio L., Campolungo N., Pasini T., Navigli R. MuLaN: Multilingual Label propagation for word sense disambiguation. *Proceedings of IJCAI*, 2020, pp. 3837–3844.
3. Barba E., Pasini T., Navigli T. ESC: Redesigning WSD with extractive sense comprehension. *Proceedings of NAACL*. 2021
4. Bolshina A., Loukachevitch N. Generating training data for word sense disambiguation in Russian. *Proceedings of Conference on Computational Linguistics and Intellectual Technologies Dialog-2020*, 2020, pp. 119–132.
5. Camacho-Collados J., Pilehvar M.T., Navigli R. Nasari: Integrating explicit knowledge and corpus statistics for a multilingual representation of concepts and entities. *Artificial Intelligence*, 2016, 240, pp. 36–64.

6. Devlin J., Chang M.-W., Lee K., Toutanova K. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding. *Proceedings of NAACL-HLT 2019*, 2019.
7. Delli Bovi C., Camacho-Collados J., Raganato A., Navigli R. Eurosense: Automatic harvesting of multilingual sense annotations from parallel text. *Proceedings of the 55th Annual Meeting of ACL*, Volume 2: Short Papers, 2017, pp. 594–600.
8. Edmonds P., Cotton S. SENSEVAL-2: Overview. *Proceedings of SENSEVAL-2 2nd International Workshop on Evaluating WSD Systems*, 2001, pp. 1-5.
9. Eisele A., Chen Y. MultiUN: A Multilingual Corpus from United Nation Documents. *LREC*, 2010.
10. Hauer B., Kondrak G., Luan Y., Mallik A., Mou L. Semi-Supervised and Unsupervised Sense Annotation via Translations. *arXiv preprint arXiv:2106.06462*, 2021.
11. Henrich V., Hinrichs E., Vodolazova T. WebCAGE–A Web-harvested corpus annotated with GermaNet senses. *Proceedings of the 13th Conference of the European Chapter of ACL*, 2012, pp. 387–396.
12. Khapra M.M., Joshi S., Chatterjee A., Bhattacharyya P. Together we can: Bilingual bootstrapping for WSD. *Proceedings of the 49th Annual Meeting of ACL-HLT*, 2011, pp. 561–569.
13. Koehn P. Europarl: A parallel corpus for statistical machine translation. *MT summit*, 2005, 5, pp. 79–86.
14. Loukachevitch N.V., Lashevich G., Gerasimova A.A., Ivanov V.V., Dobrov B.V. Creating Russian WordNet by Conversion. *Proceedings of Conference on Computational linguistics and Intellectual technologies Dialog-2016*, 2016, pp. 405–415.
15. Martinez D., Agirre E., Wang X. Word relatives in context for word sense disambiguation. *Proceedings of the Australasian Language Technology Workshop 2006*, 2006, pp. 42–50.
16. Miller G.A. WordNet: a lexical database for English. *Communications of the ACM*, 38, 1995, pp. 39–41.
17. Miller G.A., Chodorow M., Landes S., Leacock C., Thomas R.G. Using a semantic concordance for sense identification. *Human Language Technology: Proceedings of a Workshop held at Plainsboro*, 1994.
18. Moro A., Raganato A., Navigli R. Entity linking meets word sense disambiguation: a unified approach. *Transactions of ACL*, 2014, 2, pp. 231–244.
19. Navigli R., Ponzetto S.P. BabelNet: The automatic construction, evaluation and application of a wide-coverage multilingual semantic network. *Artificial intelligence*, 2012, 193, pp. 217–250.
20. Navigli R., Jurgens D., Vannella D. SemEval-2013 Task 12: Multilingual Word Sense Disambiguation. *Proceedings of the 7th International Workshop on SemEval 2013*, 2013, pp. 222–231.
21. Otegi A., Aranberri N., Branco A., Hajic J., Popel M. et al. Qtleap wsd/ned corpora: Semantic annotation of parallel corpora in six languages. *Proceedings of LREC'16*, 2016, pp. 3023–3030.
22. Panchenko A. et al. RUSSE'2018: A Shared Task on Word Sense Induction for the Russian Language. *Proceedings of Conference on Computational linguistics and Intellectual technologies Dialog-2018*, 2018, pp. 547–564.
23. Pasini T., Navigli R. Train-o-Matic: Large-scale supervised word sense disambiguation in multiple languages without manual training data. *Proceedings of EMNLP-2017*, 2017, pp. 78–88.
24. Pasini T., Raganato A., Navigli R. XL-WSD: An Extra-Large and Cross-Lingual Evaluation Framework for Word Sense Disambiguation. *Proceedings of AAAI*, 2021.

25. Pham T.P., Ng H.T., Lee W.S. Word sense disambiguation with semi-supervised learning. *Proceedings of the National Conference on Artificial Intelligence*, 2005, 20, pp. 1093.
26. Przybyła P. How big is big enough? Unsupervised word sense disambiguation using a very large corpus. *arXiv preprint arXiv:1710.07960*, 2017.
27. Raganato A., Delli Bovi C., Navigli R. Automatic Construction and Evaluation of a Large Semantically Enriched Wikipedia. *IJCAI*, 2016, pp. 2894–2900.
28. Raganato A., Camacho-Collados J., Navigli R. Word sense disambiguation: A unified evaluation framework and empirical comparison. *Proceedings of the 15th Conference of the European Chapter of ACL: Volume 1, Long Papers*, 2017, pp. 99–110.
29. Scarlini B., Pasini T., Navigli R. Just “OneSeC” for producing multilingual sense-annotated data. *Proceedings of ACL*, 2019, pp. 699–709.
30. Seo H.-C., Chung H., Rim H.-C., Myaeng S.H., Kim S.-H. Unsupervised word sense disambiguation using WordNet relatives. *Computer Speech & Language*, 2004, 18, pp. 253–273.
31. Taghipour K., Ng H.T. One million sense-tagged instances for word sense disambiguation and induction. *Proceedings of CoNLL-2015*, 2015, pp. 338–344.
32. Zhong Z., Ng H.T. It makes sense: A wide-coverage word sense disambiguation system for free text. *Proceedings of the ACL 2010 system demonstrations*, 2010, pp. 78–83.

Поступила в редакцию 09.12.2021

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 09.12.2021

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Большина Ангелина Сергеевна — аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, angelina_ku@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Angelina Bolshina — Lomonosov Moscow State University PhD student (in Philology), Department of Theoretical and Computational Linguistics, angelina_ku@mail.ru

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ЛИРИКА М.Е. САЛТЫКОВА КАК ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ ЕГО ПРОЗЫ

У.В. Кононова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, ulyasha0210@gmail.com*

Аннотация: Раннюю лирику М.Е. Салтыкова 1840-х годов многие исследователи характеризуют как подражательную и не представляющую интереса. Чуть позднее Салтыков создаст повести «Противоречия» (1847) и «Запутанное дело» (1848), демонстрирующие его увлечение идеями социалистических утопистов. Как известно, Салтыков познакомился с их трудами в лицейские годы благодаря М.В. Петрашевскому. С этой точки зрения салтыковские повести кажутся существенным шагом вперед, уже предвосхищающим зрелое творчество Щедрина-сатирика. В статье будет показано, что, вопреки сложившемуся мнению, переход Салтыкова от стихов к прозе был плавным, а стихи органично подготавливали его прозу. Поэтические опыты можно рассматривать как результат увлечения автора творчеством поэтов-романтиков, причем поэт не может вырваться «из рабства» одних и тех же устойчивых мотивов разочарования и сущностной противоречивости бытия. В статье также будет проанализирована повесть «Противоречия», в которой можно обнаружить образы ранней лирики Салтыкова. Однако функция ранних стихотворных образов и конструкций в повести изменяется: главный герой Нагибин, словно опираясь на учения экономиста В.А. Милютина и критика В.Н. Майкова, близких к М.В. Петрашевскому, и при этом выражаясь конструкциями лирического героя Салтыкова, пытается найти объективные начала мироздания. Пытаясь перейти от романтического субъективизма мировосприятия к научному рационализму, Нагибин, подобно лирическому герою Салтыкова, констатирует неустраняемую противоречивость жизни, но переносит проблему в социальную плоскость. Непонимание, как можно преодолеть разлад между нереализуемыми потребностями человека и природным стремлением их удовлетворить, приводит его к выводу, что подобный разлад и есть основной закон жизни. Таким образом, и в поэзии Салтыкова, и в его повести центральным оказывается мотив противоречий, который в лирике имеет устаревшую романтическую основу, а в прозе — прогрессивную научную.

Ключевые слова: Салтыков-Щедрин; поэзия; петрашевцы; В.А. Милютин; В.Н. Майков

Для цитирования: Кононова У.В. Лирика М.Е. Салтыкова как предвосхищение его прозы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 184–192.

M. SALTYKOV'S POETRY AS AN ANTICIPATION OF N. SHCHEDRIN'S PROSE

Ulyana Kononova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ulyasha0210@gmail.com

Abstract: Many researchers characterize M.E. Saltykov's early poetry of the 1840s as imitative. Saltykov later created *Protivorechiya* (1847) and *Zaputannoe delo* (1848), which are interesting as works that demonstrate Saltykov's fascination with the ideas of utopian socialism. From this point of view, Saltykov's novels seem to be a significant step forward on the way to Shchedrin's later works. The article analyzes Saltykov's poems, and it shows that the transition from poetry to prose was an organic stage. Poetic experiments can be interpreted as stemming from the author's passion for the work of romantic poets, in particular M.Yu. Lermontov. The article also tackles *Protivorechiya*, in which there are images from Saltykov's early poems. However, the function of the poetic material in the story changes: the main character Nagibin tries to find the objective fundamentals of the universe. Thus, Nagibin's research reveals the following trend: the transition from romantic subjectivism to scientific rationalism of Saltykov's work. Nagibin's inability to overcome the discord between the internal needs of a person and the socio-economic ones leads him to the conclusion that such a discord is the basic law of life. Thus, both in Saltykov's poetry and in his novel, we see a play on the motif of contradictions, which has a romantic basis in the poetry, and a scientific one in his prose.

Key words: Saltykov-Shchedrin; poetry; Petrashevsky circle; V.A. Milutin; V. Maykov

For citation: Kononova U.V. (2022) M. Saltykov's poetry as an anticipation of N. Shchedrin's prose. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 184–192.

Изучая раннее творчество М.Е. Салтыкова, исследователи обыкновенно ограничиваются анализом его повестей и литературно-критической деятельности [Усакина, 1959; 1968; Шестопалова, 1966; Строганова, 1989], оставляя без внимания поэтические опыты писателя. Стихотворения Салтыкова¹ если и рассматриваются, то чаще всего характеризуются как подражательные [Усакина, 1965а: 446] и не представляющие интереса из-за обилия романтических штампов [Сахаров, 1998: 54]. Например, М. Калаушин, впервые публикуя два лицейских стихотворения Салтыкова и говоря о значении его стихотворных опытов, ограничивается следующими словами: «Именно с увлечения стихотворством начался литературный мартиролог

¹ В настоящее время известны 11 стихотворений Салтыкова, написанных в первой половине 1840-х годов, часть из них была опубликована в журналах «Библиотека для чтения» и «Современник».

великого сатирика» [Калаушин, 1934: 472]. Позднее и сам Щедрин будет негативно оценивать свои поэтические опыты [Салтыков-Щедрин в воспоминаниях, 1957: 610]. Во второй половине 1840-х годов он переходит к прозе и пишет повести «Противоречия» (1847) и «Запутанное дело» (1848), которые интересны прежде всего своей политической злободневностью. Эти произведения, ставшие одной из причин ссылки Салтыкова, подтверждают знакомство автора с идеями утопических социалистов, популярными в кругу М.В. Петрашевского [Макашин, 1957; Усакина, 1965b]. Однако с художественной точки зрения повести неоднозначны: В.Г. Белинский осудил их за устарелость формы и обилие рассуждений, заменяющих сюжет (в этот период критик выступал против механического смешения «науки и литературы» [Белинский, 1956: 26–28]). И все же повести свидетельствуют о развитии Салтыкова как писателя и о радикализации его взглядов, о стремлении отображать в своем творчестве самые передовые научно-философские и политические идеи.

Повести Салтыкова относят к «сентиментальному» направлению, сформировавшемуся в рамках натуральной школы в результате поиска литераторами «новых синтезов» [Виноградов, 1976: 150]. Представителями этого направления в художественной литературе стали Ф.М. Достоевский, Салтыков, петрашевцы А.Н. Плещеев и А.И. Пальм и др. [Там же: 176]. В их произведениях акцент сдвигается с социально-исторического начала (значимого в произведениях «классической» натуральной школы) на антропологическое: «Отличает их от обычных писателей “натуральной школы” то, что и тот и другой <Достоевский и Щедрин. — У.К.> выводят человека, чье болезненное самолюбие, или безотчетный страх, или просто интеллектуальный склад натуры заставляют размышлять над проблемами, выходящими за пределы их насущных человеческих потребностей» [Макеев, 2001: 30]. Это направление также развивалось в научных статьях критика В.Н. Майкова и экономиста В.А. Милютина, которому Салтыков и посвящает «Противоречия». Так, Майкова интересовала человеческая природа в ее сущностных, неизменных проявлениях. В центре его размышлений — то, как разум осмысляет мир, подчас «отрываясь» от него, сосредотачиваясь на себе самом и собственных построениях. Отсюда интерес этих литераторов к снам и фантазиям.

Прочитанные в этом контексте, ранние прозаические произведения Салтыкова кажутся существенным шагом вперед в сравнении со стихами. Между тем в настоящей статье мы хотим показать, что переход Салтыкова от стихов к прозе совершился гораздо более плавно, чем принято думать. В стихотворениях первой половины 1840-х годов мы находим мотивы, которые позднее органично встре-

ятся в мировоззрение Салтыкова как посетителя кружка Петрашевского в середине 1840-х годов [Макашин, 1957]. Мы полагаем, что стихи во многом создавали почву для «Противоречий»: неубедительные в эстетическом отношении художественные решения приобрели чуть позднее новое значение в прозе Салтыкова, облегчая выработку автором новой «антропологической» оптики, которая была теоретически обоснована значимыми для петрашевцев авторами, например, Фейербахом. Здесь имел место процесс, описанный Ю.Н. Тыняновым: изменился не материал, а его функции, старый материал в ходе эволюции приобрел художественную ценность, получил иное «конструктивное значение» и объяснение [Тынянов, 2002: 199]. Таким образом, ранние стихотворения Салтыкова могли быть написаны и не под непосредственным влиянием петрашевцев, тем не менее они стали подходящим материалом для выстраивания научной модели мира будущего сатирика.

Для подтверждения нашей гипотезы обратимся сначала к салтыковским стихотворениям, опубликованным в первом томе собрания сочинений М.Е. Салтыкова-Щедрина в 20 томах. Их «штампованность» проявляется в беспрестанных перепевах традиционных элегических мотивов разочарования и скуки, которые подаются не как временное состояние лирического героя, а как всегдашний удел думающего человека:

Одно страдание нас в жизни нашей ждет,
И тот, кто здесь живет, далек земных желаний.
Как мученик живет!²

(«Из Байрона»)

Вся наша жизнь есть смутный ряд сомненья,
Мы в тяжкий сон живем погружены. (1; 361)

(«Наш век»)

В то же время стихи Салтыкова не обладают той индивидуальной тональностью, которая позволяла бы судить об ориентации поэта на конкретного автора или о наличии собственной творческой манеры. В них нет ни вынужденной философской системы, ни просто ярких идей, ни, что особенно важно, устойчивого лирического я. Между тем в 1820–1830-е годы поэты активно ищут способы обновления романтической лирики, преодоления элегической «гладкости»: кто-то, подобно Любомудрам, насыщает лирику философскими построениями, кто-то, как писатели-декабристы и примыкающие к ним (В.К. Кюхельбекер, А.И. Одоевский и др.), придает стихам ярко выраженное социальное, даже революционное звучание. Главным

² Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 1. С. 358. Далее ссылки на Собрание сочинение М.Е. Салтыкова-Щедрина будут даваться в самом тексте в круглых скобках с обозначением номера тома и страницы.

же направлением поисков была разработка личностного начала лирики, которое позволяло сообщить старым мотивам новый смысл, построить на основе прежних элементов и деталей новую узнаваемую конструкцию [Гинзбург, 1974: 51–53].

В поэзии же Салтыкова за описываемыми страданиями и противоречиями не открывается ни личная драма, ни трагедия поколения, ни социальный конфликт. «Я» предельно размыто, и даже тогда, когда «я» сменяется на «мы» (ср.: «Разбит мой талисман, исчезло упоенье! // Так! вечно должно нам здесь плакать и страдать» (1; 358)) — это «мы» не похоже на лермонтовское. «Мы» — это не последекабристская молодежь, не люди сороковых годов, — это все человечество. Поэтому и страдание «наше» размыто и неопределенно: оно не вызвано к жизни конкретной причиной, оно вечно и неизбежно, такова человеческая судьба. Если стихи Салтыкова и образуют связный цикл, то именно за счет воссоздаваемого ощущения безнадежности, чувства трагической предопределенности, переходящих из текста в текст.

Обращаясь к повести «Противоречия», заметим, во-первых, что тема поэзии с типичными для нее в недавнем прошлом мотивами здесь отрефлексирована. В одном из писем главного героя Юрия Нагибина цитируется «1 января» Лермонтова с комментарием, что «<...> нынче железным стихом никому не угрозишь — не то, что в бывалое время» (1;72). Кажется, будто Салтыков отрекается от своих былых литературных увлечений. Поэзия в повести вообще нередко ассоциируется с юношескими упованиями, на которых ставит крест суровая действительность. Так, письмо NN названо Нагибиным «юной, благоухающей элегией неопытного сердца <...>» (1;72). Хорошо известно, что романтическую линию представляет в повести Таня, верящая, в отличие от Нагибина, в страстные чувства, которые способны преодолеть любые жизненные препятствия, но при этом понимающая, что Нагибин не разделяет ее энтузиазма.

Даже главный герой использует поэтический язык, образцы которого можно найти в поэзии его создателя: сравним размышления Нагибина о том, что он словно заперт «в каком-то сказочном доме без дверей и окон, и не проникнет никогда в эту холодную темницу радостный луч солнца надежды» (1;134), с образом темницы в одном из стихотворений Салтыкова:

О, не жалея меня: печаль моя уж знает
Темницу грустную и мрачную свою,
Она вселяется обратно в грудь мою
И там в томленьи изнывает... (1;359)

(«Из Байрона»)

При этом Нагибин стремится познать положительные законы бытия, т. е. такие, которые существуют объективно, а не изобретены человеком. «Научный» поиск объективных начал мироздания осуществлялся и в работах Милютин и Майкова: как уже говорилось, они считали необходимым изучать устойчивое начало в человеческой психике и в социальном мире. Если антропология делает своим предметом универсальные потребности человека, не зависящие от национального и сословного начал, то политическая экономия — универсальные законы экономического развития. Как утверждал Милютин, «политическая экономия должна раскрыть, какое устройство экономических отношений благоприятствует наиболее сильному развитию производительности и справедливому равномерно распределению произведенных богатств по всем слоям общества» [Милютин, 1946: 276]. Так, Милютин исходил из того, что новонайденные законы будут способствовать удовлетворению потребностей всех людей.

Трагедия Нагибина состоит в том, что понятное человеческое стремление к счастью борется в нем со стремлением к «разумному» взгляду на вещи, в свете которого он обречен на несчастье и даже гибель. Он склоняется к «рационализму», но чувствует, что и его тяга к счастью имеет под собой «научную» основу, т. е. оправдана в той степени, в какой желание быть счастливым — объективная человеческая потребность.

Таким образом, если поначалу Нагибин видел проблему в романтическом субъективизме восприятия и стремился его изжить, то в свете его «позитивного» мировидения все субъективное преодолевается настолько, что ему остается рассуждать лишь об условных общечеловеческих потребностях и желаниях, а не о своих собственных. В результате он все больше ощущает самого себя не живым человеком, а чем-то абстрактным: «Я, как Спинозино божество, которое ничего не любит, не ненавидит, а только все себе объясняет, ношу в себе все элементы, все стихии жизни» (1;101). Это чувство усугубляется тем, что он не способен самоутвердиться в жизни, не может действовать: «Я хотел бы трудиться, хотел бы работать, да не над чем мне трудиться» (1;99).

Итак, Нагибин пытается выявить в мире нечто перманентное, в результате чего его мысль все время вращается вокруг одних и тех же понятий и постулатов. Мысль не развивается, что, во-первых, все дальше уводит его от восприятия живого, изменчивого мира в мир умственных спекуляций, а во-вторых, — придает монотонность повествованию. По сути, как и в лирике Салтыкова, в «Противоречиях» вместо индивидуализированного образа личности мы находим абстрактное изображение человека вообще, что соответству-

ет интересу петрашевцев к природному, а не историческому началу. Но такой подход к человеку негативно сказывается на убедительности художественной постройки Салтыкова: его повесть кажется новаторской по идее (вследствие желания автора посмотреть на героя антропологически), но очень неудачной по форме, ибо ничего кроме монологов, варьирующих описанные выше идеи о предназначении человека, в ней нет. Как и в лирике, концепция личности в повести не кристаллизуется; герой описан слишком уж «изнутри», а не «извне». Мы знаем мысли Нагибина, но почти не видим его самого. Приравняв субъективизм суждений к ложности восприятия мира, герой так и остается со своими сомнениями, не совершая никакой эволюции. Ср. его финальный монолог: «Что было в моей прежней жизни? — сомнения! Что в настоящем моем? — сомнения! Что в будущем? — сомнения!» (1;182)

Нагибин приходит к выводу, что разлад между персональными желаниями и социально-экономическими возможностями их воплощения и является основным законом жизни, т. е. от «противоречий» в принципе не может быть спасения, именно они и носят сущностный, внеисторический характер. Никакие события и откровения, никакие умозаключения не могут сдвинуть его с этой точки.

Итак, в повести мотив противоречий положен на самую актуальную научно-философскую основу, предполагающую замену поиска причин событий поиском устойчивых закономерностей и неизменных законов. Но если исследование «причин» органично осуществлялось в рамках жанра романа с его динамичным сюжетом и эволюцией героев, то повествование, вращающееся вокруг «неизменных законов», кажется плохо реализуемым через возможности имеющихся литературных жанров — будь то прозаических или стихотворных. Как и в стихах Салтыкова, в «Противоречиях» мы видим статичную конструкцию, предполагающую варьирование одних и тех же мотивов. Однако то, что в стихотворной форме воспринималось просто как художественная неудача, бездарное подражание романтикам, в форме повести приобретало экспериментальный — в научном и литературном смысле — характер. Впрочем, в свете нашего прочтения и на «дурные» свойства стихов Салтыкова — их однообразие и эпигонство — можно попробовать посмотреть с другой точки зрения: как на первые признаки интереса юного автора к стабильному и устойчивому началу в человеке и мире, который в эпоху «Противоречий» найдет для себя современное философское обоснование и более удачное нарративное оформление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1846 года // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 10: Статьи и рецензии. 1846–1848. / Редколл.: Н.Ф. Бельчиков et al. М., 1956. С. 7–50.
2. *Виноградов В.В.* Школа сентиментального натурализма (Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов) // Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976. С. 141–187.
3. *Гинзбург Л.Я.* О лирике. Л., 1974.
4. *Калаушин М.* Салтыков в лицее // Литературное наследство. Т. 13/14: М.Е. Салтыков-Щедрин. II. М., 1934. С. 463–480.
5. М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957.
6. *Макашин С.А.* Биография. М., 1957.
7. *Макеев М.С.* Салтыков-Щедрин, Валериан Майков и Достоевский в 1840-е гг.: несостоявшаяся литературная школа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2001. № 2. С. 27–33.
8. *Милютин В.А.* Избранные произведения. М., 1946.
9. *Сахаров В.И.* «Берегитесь романтизма...» (М.Е. Салтыков-Щедрин и романтическая традиция) // М.Е. Салтыков-Щедрин и русская сатира XVIII–XX веков. М., 1998. С. 53.
10. *Строганова Е.Н.* О литературной основе повести Салтыкова «Противоречия» // Творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина в историко-литературном контексте. Калинин, 1989. С. 30–37.
11. *Тынянов Ю.Н.* О литературной эволюции // Литературная эволюция: Избранные труды. М., 2002. С. 189–205.
12. *Усакина Т.И.* Комментарии: М.Е. Салтыков-Щедрин. Стихотворения. Весна (Из моих отрывков) // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 1. М., 1965. С. 446–447.
13. *Усакина Т.И.* История, философия, литература (середина XIX века). Саратов, 1968.
14. *Усакина Т.И.* Комментарии: М.Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 1. М., 1965. С. 401–415.
15. *Усакина Т.И.* О литературно-критической деятельности молодого Салтыкова // Литературное наследство. Т. 67: Революционные демократы: Новые материалы / Ред.: В.В. Виноградов, И.С. Зильберштейн et al. М., 1959. С. 407–448.
16. *Шестопалова Г.А.* Раннее творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1966.

REFERENCES

1. Belinskii V.G. Vzglyad na russkuyu literaturu 1846 goda. *Polnoe sobranie sochinenii*: V 13 t. Eds: N.F. Bel'chikov et al. T. 10. Stat'i i retsenzii. 1846–1848. Moscow, 1956, pp. 7–50. (In Russ.)
2. Vinogradov V.V. Shkola sentimental'nogo naturalizma: (Roman Dostoevskogo "Bednye lyudi" na fone literaturnoi evolyutsii 40-kh godov) [School of Sentimental Naturalism: (Dostoevsky's Novel "Poor People" against the Background of the Literary Evolution of the 40s)]. *Poetika russkoi literatury: Izbrannye trudy*. Moscow: Nauka, 1976, pp. 141–187. (In Russ.)
3. Ginzburg L.Ya. *O lirike* [About Poetry]. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1974. (In Russ.)
4. Kalaushin M. Saltykov v litsee [Saltykov at the Lyceum]. *Literaturnoe nasledstvo*. Tom 13/14: M.E. Saltykov-Shchedrin. II. Moscow: Zhur.-gaz. ob»edinenie, 1934, pp. 463–480. (In Russ.)

5. M.E. Saltykov-Shchedrin v vospominaniyakh sovremennikov [Saltykov-Shchedrin in the Memoirs of Contemporaries]. Moscow, 1957. (In Russ.)
6. Makashin S. A. *Biografiya* [Biography]. Moscow: GIKhL, 1957. (In Russ.)
7. Makeev M.S. Saltykov-Shchedrin, Valerian Maikov i Dostoevskii v 1840-e gg.: nesostoyavshayasya literaturnaya shkola [Saltykov-Shchedrin, Valerian Maikov and Dostoevsky in the 1840s: a Failed Literary School]. *Moscow University Bulletin. Series 9: Philology*. Moscow, 2001. № 2, pp. 27–34. (In Russ.)
8. Milyutin V.A. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: OGIZ, 1946. (In Russ.)
9. Sakharov V. I. “Beregites’ romantizma...” (M.E. Saltykov-Shchedrin i romanticheskaya traditsiya) [«Beware of romanticism...» (M.E. Saltykov-Shchedrin and Romantic Tradition)]. *M. E. Saltykov-Shchedrin i russkaya satira XVIII — XX vekov*. Moscow, 1998, pp. 53. (In Russ.)
10. Stroganova E.N. O literaturnoi osnove povesti Saltykova «Protivorechiya» [On the Literary Basis of Saltykov’s Story “Contradictions”]. *Tvorchestvo M.E. Saltykova-Shchedrina v istoriko-literaturnom kontekste*. Kalinin, 1989, pp. 30–37. (In Russ.)
11. Tynyanov Yu.N. O literaturnoi evolyutsii [About Literary Evolution]. *Literaturnaya evolyutsiya: Izbrannye trudy*. Moscow: “AGRAF”, 2002, pp. 189–205. (In Russ.)
12. Usakina T.I. Kommentarii: M.E. Saltykov-Shchedrin. Stikhotvoreniya. Vesna (Iz moikh otrvykov). *Saltykov-Shchedrin M.E. Sobranie sochinenii v 20 tomakh*. Moscow: Khudozhesvtennaya literatura, 1965, 1, pp. 446—447. (In Russ.)
13. Usakina T.I. *Istoriya, filosofiya, literatura (seredina XIX veka)* [History, Philosophy, Science (mid-19th Century)]. Saratov, 1968. (In Russ.)
14. Usakina T.I. Kommentarii: M.E. Saltykov-Shchedrin. Protivorechiya. *Saltykov-Shchedrin M.E. Sobranie sochinenii v 20 tomakh*. Moscow: Khudozhesvtennaya literatura, 1965, 1, pp. 401–415. (In Russ.)
15. Usakina T.I. O literaturno-kriticheskoi deyatelnosti mladogo Saltykova [On the Literary and Critical Activities of the Young Saltykov]. *Literaturnoe nasledstvo*. Tom 67: Revolyutsionnye demokraty: Novye materialy. Eds.: V.V. Vinogradov, I.S. Zil’bershtein et al. Moscow: Zhur.-gaz. ob’edinenie, 1959, pp. 407–448. (In Russ.)
16. Shestopalova G.A. *Ranee tvorchestvo M.E. Saltykova-Shchedrina* [The Early Works of Saltykov-Shchedrin]. Moscow, 1966. (In Russ.)

Поступила в редакцию 19.01.2021
 Принята к публикации 15.02.2022
 Отредактирована 20.03.2022

Received 19.01.2021
 Accepted 15.02.2022
 Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Кононова Ульяна Викторовна — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ulyasha0210@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ulyana Kononova — PhD student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, ulyasha0210@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

ДЫМАРСКИЙ М.Я. КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ И ПРЕДИКАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ. ОЧЕРКИ ПО ТЕОРИИ СИНТАКСИСА: МОНОГРАФИЯ.

СПб.: Изд-во РГПУ имени А.И. Герцена, 2021

Ю.Л. Ситко

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Филиал в г. Севастополе, Севастополь, Россия, yurii.sitko@gmail.com*

Аннотация: В монографии М.Я. Дымарского исследуется связь синтаксических структур с коммуникативной функцией языка, проявления предикативности и природа входящих в синтаксическую подсистему языка единиц. Представленный подход, будучи комплементарным взглядам последователей акад. В.В. Виноградова, противостоит им, вводя представление о синтаксисе как о своеобразной «планетарной» системе. В дополнение к синтаксису структурных схем предложения М.Я. Дымарский выделяет периферийные речевые синтаксические модели и еще более периферийные модели высказывания. Этот подход опирается на соотнесение синтаксических структур с их коммуникативной природой. На материале анализа широкого круга синтаксических явлений демонстрируется объяснительный потенциал развиваемой автором концепции.

Ключевые слова: коммуникативная функция; предикативность; структурная схема предложения; речевая синтаксическая модель; модель высказывания; синтаксическая связь

Для цитирования: Ситко Ю.Л. Дымарский М.Я. Коммуникативная функция и предикативные структуры. Очерки по теории синтаксиса: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 193–196.

D Y M A R S K Y M. YA. COMMUNICATIVE FUNCTION AND PREDICATIVE STRUCTURES.

ESSAYS ON SYNTAX THEORY: MONOGRAPH.

St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 2021

Yurii Sitko

*Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Sevastopol, Russia,
yurii.sitko@gmail.com*

Abstract: The book under review is devoted to current issues of the Russian syntax. M. Dymarsky in his work studies the connection between syntactic structures and the communicative function of language, representations of predicativity and the nature of the syntactic subsystem units. The approach of the author consistently corresponds to the views of Academician V. Vinogradov's followers, however, it is at the same time partially opposed to them, as the linguist introduces the representation of syntax as a kind of a 'planetary' system. In addition to the syntax of structural sentence schemes, M. Dymarsky singles out peripheral speech syntactic models and even far more peripheral utterance models. Such division is based on the correlation between syntactic structures and their communicative function and consequently places syntax into the 'language — speech' typological space. In-depth analysis of a wide range of syntactic phenomena proves applicability of M. Dymarsky's theory and its explanatory potential.

Key words: communicative function; predicativity, sentence structural pattern; speech syntactic model; expression model; syntactic connection

For citation: Sitko Yu.L. (2022) D y m a r s k y M. Ya. Communicative Function and Predicative Structures. Essays on Syntax Theory: monograph. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 2021. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 193–196.

Монография проф. М.Я. Дымарского — важный и актуальный опыт работы с глубинными основами русского синтаксиса. Круг синтаксических проблем первой половины XX в. в русистике был обобщен и решен в теории предикативности акад. В.В. Виноградова. Влияние его идей сильно и сейчас, тем большим оно было во второй половине XX в., когда сформировались школы «трех сестер» русского синтаксиса: В.А. Белошапковой, Г.А. Золотовой и Н.Ю. Шведовой. Их результаты внушают восхищение, но требуют и анализа для развития синтаксических исследований, поэтому тем более интересен взгляд из другого центра русистики, из Петербурга. Именно такой взгляд на русский синтаксис представлен в книге М.Я. Дымарского.

Книга состоит из трех разделов. Первый — «Коммуникативная функция и предикативные структуры» — посвящен рассмотрению предикации и предикативности в связи с коммуникативной функцией языка. Развивая синтаксис структурных схем предложения, М.Я. Дымарский выделяет периферийные *речевые синтаксические модели* и еще более периферийные *модели высказывания*. Такая динамичная система выглядит стабильно. «Ее центр, ядро, — не звезда (монолит), а созвездие, образованное языковыми моделями наивысшей ступени абстракции (структурными схемами). Каждая из этих моделей окружена моделями, от которых она, собственно, и абстрагирована, — более конкретными, каждая со своими особенностями и с большим количеством закрепленных параметров. В свою очередь, эти модели низшей ступени абстракции окружены “звездной пылью” еще более конкретных моделей, в которых закреплено еще

большее количество параметров» (с. 9). Необходимость такого трехслойного представления о синтаксической системе обусловлена стремлением связать синтаксические структуры с *коммуникативностью*, определению которой автор уделяет особое внимание, вводя, в частности, оригинальное понятие *протодейкиса* как ее основы (с. 88–94). Синтезирующая идея выделения речевых синтаксических моделей и моделей высказывания призвана примирить и связать в единой синтаксической теории языковые структуры и механизмы их воплощения в речи.

Второй раздел «Связи и отношения в синтаксисе» демонстрирует отдельные свойства, приписанные *речевым синтаксическим моделям*. На основе широкого анализа господствовавших в прошлом веке теорий синтаксической связи М.А. Дымарский показывает корреляцию между типом выделяемой в синтаксической теории связи и типом конституируемой ею единицы. Это позволяет ему через введение противопоставления иннективных и коннективных связей проиллюстрировать работу речевых синтаксических моделей не только в тексте, но и в предложении, и между его второстепенными членами. На примере ряда «аграмматизмов» в синтаксисе «Войны и мира» Л.Н. Толстого автор иллюстрирует идею речевой синтаксической модели как промежуточного механизма между структурной схемой предложения и высказыванием, вписывающего в грамматический строй различные аномалии. Последние в объяснении М.Я. Дымарского приобретают связь с планами повествования и с онтологической спецификой изображаемого в речи предмета на фоне конкуренции коннективного и иннективного начал. Рассмотрение аномалий приводит автора к утверждению о необходимости дополнить жестко детерминистский подход к описанию объекта допущением случайного начала в реализации синтаксических структур (с. 279–284). Этот «гносеологический пессимизм» позволяет вовлечь в исследование богатый материал школы Г.А. Золотовой.

Третий раздел «Сложноподчиненное предложение» освещает некоторые проявления моделей высказывания. М.Я. Дымарский приводит результаты разностороннего исследования аномалий в изъяснительных конструкциях (типа делиберативных *рассказал о том, что*) и строит теорию их возникновения в системе: конструкция *о том* наделена прототипическими свойствами и поэтому «подхватывает» в языковом сознании носителей языка некоторые модели построения сложноподчиненных предложений. Это наблюдение имеет следствием идею о том, что многие строевые элементы синтаксиса проявляются в виде речевых ошибок.

Возможно, полемичность отдельных фрагментов книги М.Я. Дымарского вызовет несогласие среди представителей различных направлений синтаксической науки, но в таком случае тем более полезной кажется эта книга, а ряд оригинальных идей автора — заслуживающим внимания и осмысления.

Поступила в редакцию 05.02.2022

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 05.02.2022

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Ситко Юрий Леонидович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, yurii.sitko@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Yurii Sitko — PhD, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, yurii.sitko@gmail.com

**КРАСНИКОВА А. ПОЭМА ИЛЬИ СЕЛЬВИНСКОГО
«УЛЯЛАЕВЩИНА». ИСТОРИЯ ТЕКСТА. СПБ.:
НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2021**

Г.В. Зыкова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, gzykova@mail.ru*

Аннотация: Книга А.С. Красниковой содержит реконструкцию истории текста поэмы И. Сельвинского «Уляляевщина», радикально изменявшегося автором в 1930-е годы; исследование основано на вводимых в научный оборот архивных материалах и тщательном сопоставительном анализе версий, в том числе сравнении частотных словарей. Рецензент полагает, что работа Красниковой не только проясняет конкретные историко-литературные вопросы, но и имеет значение, выходящее за пределы творчества Сельвинского: оно связано с существенными особенностями характера и бытования русской литературы XX в.

Ключевые слова: И. Сельвинский; «Уляляевщина»; текстология; творческая история; автоцензура

Для цитирования: Зыкова Г.В. Красникова А. Поэма Ильи Сельвинского «Уляляевщина». История текста. СПб.: Нестор-История, 2021 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 197–200.

**K R A S N I K O V A A. I L Y A S E L V I N S K Y ' S P O E M T H E L A Y O F
U L Y A L A E V . H I S T O R Y O F T H E T E X T . S T . P E T E R S B U R G : N E S T O R -
H I S T O R I A , 2 0 2 1**

Galina Zyкова

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, gzykova@mail.ru

Abstract: The reviewed book contains a reconstruction of the history of Ilya Selvinsky' poem "Ulyalyaevschina" text, that had been radically transformed by the author at 1930s; the study is based on archival materials and a thorough comparative analysis of versions, including lexicon. The reviewer believes that work by Krasnikova not only clarifies specific historical and literary issues, but also has a significance that goes beyond Selvinsky's poem: it is associated with essential features of the nature and existence of Russian literature of the twentieth century.

Key words: I. Selvinsky; "Ulyalyaevschina"; textual criticism; text history; auto-censorship

For citation: Zykova G.V. (2022) K r a s n i k o v a A. Ilya Selvinsky's poem *The Lay of Ulyalaev*. History of the text. St. Petersburg, Nestor-Istoria, 2021. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 197–200.

В работе Анны Сергеевны Красниковой предметом внимания становится ситуация, очень характерная для советского XX в.: процесс радикальной (и неоднократной, растянувшейся на несколько десятилетий) переделки произведения, созданного в 1920-е годы и тогда же опубликованного впервые и произведшего впечатление на современников. Столь подробному исследованию, как здесь, не только поэма Сельвинского, но и вообще переделки такого рода, их причины и последствия для репутации автора подвергаются, насколько нам известно, очень редко.

Поэма Сельвинского — очень выразительный материал. Сельвинский представляется невнимательному внешнему наблюдателю относительно неплохо изданным: шеститомник начала семидесятых годов, Большая серия «Библиотеки поэта»... Но произошла подмена, в таких масштабах нечастая даже для советской словесности: переделка «Улялаевщины», опубликованная в 1956 г. — переделка настолько радикальная, что Анна Сергеевна квалифицирует ее не как новую редакцию, а как новое произведение, — была выдана самим автором за подлинный текст 1924 г. Характер постсоветских изданий Сельвинского также является результатом «текстологической неразберихи», к которой привела собственная тактика Сельвинского (поэт не только требовал следовать его последней воле, но и парадоксальным образом утверждал, что именно поздняя переделка наиболее точно реализует замысел поэмы 1920-х годов).

Исследователь в подробностях восстанавливает историю работы над «Улялаевщиной», обнаруживая логику изменения замысла: для такой реконструкции сохранилось достаточно рабочих материалов, найденных в семейном архиве и в Российском государственном архиве литературы и искусства (в описи РГАЛИ кое-что было квалифицировано неверно: Анна Сергеевна предлагает более точное определение самой природы и функции многих документов, датирует их, приводит расшифровку рукописей).

Историю изменений замысла удалось проследить, начиная с первоначального прозаического плана, обнаруженного в записных книжках поэта. Выясняется, в частности, что соображения автоцензуры повлияли уже на первую редакцию: «...По изначальному замыслу поэма должна была рассказывать об ужасах и хаосе Гражданской войны, а не о “многоголосии казацкой вольницы” и торжестве революции» (в плане есть не вошедшие в поэму страшные детали, упоминание жесткостей красных).

Констатируется, что в тексте 1930 г. (по мнению исследователя, это вторая редакция, предпочтительная в эдиционных целях) и особенно 1933 г. автор избавляется от слишком сложных метафор, упрощает язык и способы воспроизведения звучащей речи (иногда, впрочем, могут быть отмечены случаи правки, стилистически не просто меняющей текст, но улучшающей его, устраняющей локальные неудачи). При этом усложняется

фабула, вводятся новые персонажи, текст увеличивается в размерах (дальнейшие переделки «Улялаевщины» развивают эти тенденции). Обнаружена собственно идеологическая правка, в 1930 г. еще не такая большая; текст издания 1935 г. исследовательница уже квалифицирует как цензурный вариант второй редакции, доминирование цензурных задач проявляется в небрежном обращении с другими уровнями текста, в фабульных неувязках и «технической» порче (А.С. Красникова напоминает, что после появления издания «Улялаевщины» 1935 г. издания более ранние оказались под цензурным запретом, их изымали из библиотек и т. д.).

По оценке самой исследовательницы, «одна из важнейших находок» — обнаружение в нескольких вариантах третьей редакции «Улялаевщины» («ранее неизвестной и нигде не опубликованной»).

Среди особенно выразительных наблюдений над различиями «старой» и «новой» «Улялаевщины» — сравнение наиболее частотных существительных. Эти два списка очевидно отражают разные картины мира, и в частности, как замечает Анна Сергеевна, «очень показательно, что из абстрактных существительных в списке 1935 года фигурирует “свобода”, а в списке 1956 года — “власть”».

Изучение материалов, хранящихся в симферопольском Доме-музее Сельвинского (копии дневников Сельвинского), обнаруживает, что поэт продолжал работу над «Улялаевщиной» и в начале 1960-х годов (причем — и это интересно — видимо, обратившись опять к «старому» тексту поэмы).

Одна из самых привлекательных черт исследования — Анна Сергеевна понимает свою работу как часть общей работы, себя саму видит «внутри» филологической традиции: не только учитывает историю вопроса (по понятным причинам небогатую), но и, подробно анализируя обнаруженный и вводимый ей в научный оборот материал, делает его доступным для коллег, как бы приглашая их продолжить читать рабочие материалы Сельвинского уже вместе: архивные материалы переведены в электронный вид и опубликованы (заметим, юридически корректно), коллегам также предоставляется возможность проверить предложенную реконструкцию истории «Улялаевщины», обратившись к выложенному в сети соположению оцифрованных материалов поэмы в программе Juxta, помогающей обнаружить разночтения и очень полезной для текстологического анализа текстов большого размера.

В ходе работы с архивными материалами удалось ввести в научный оборот важные автобиографические заметки (список важных событий 1915–1932 г. и автобиографию 1933 г. — оба текста публикуются в исследовании) и тем самым сделать существенный вклад в подготовку будущей научной биографии поэта.

Исследование Красниковой при всей определенности и конкретности темы имеет значение, выходящее за пределы творчества Сельвинского: оно связано с существенными особенностями характера и бытования русской литературы XX в. Кроме драматической (и характерной для эпохи) истории порчи текста самим автором под влиянием самоцензуры, у материала, анализируемого Анной Сергеевной, есть еще один важный аспект.

Внелитературные обстоятельства были хоть и самой очевидной, но не единственной причиной постоянных переработок «Улялаевщины». Анна Сергеевна говорит и о другом: о творческой психологии Сельвинского, его потребности постоянно перерабатывать свои стихи (даже во время публичного выступления): «стихи для него были скорее процессом, чем результатом», — пишет исследователь, и это наблюдение, как представляется, справедливо не для одного Сельвинского, но вообще связано с некоторыми особенностями эстетики XX в. Понимание стихов как «скорее процесса, чем результата» проявляется и у младших современников Сельвинского, у поэтов андеграунда второй половины XX в., не зависящих от цензуры, но тем не менее иногда склонных к интенсивной и растягивающейся на годы переработке своих произведений, предстающих перед позднейшим исследователем и публикатором как совокупность версий.

Работа Анны Сергеевны Красниковой делает наконец возможным научно корректное и эстетически полноценное издание «Улялаевщины» — одного из значительных памятников поэзии XX в., и закладывает основание для научной биографии Сельвинского. Написанная внятно и живо, эта книга, как мы надеемся, интересна будет не только узкому кругу специалистов.

Поступила в редакцию 05.02.2022

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 05.02.2022

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Зыкова Галина Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, gzykova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Galina Zykova — Prof. Dr., Professor, Department of Modern Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, gzykova@mail.ru

**Б Е Й Т ДЖ. УОРДСВОРТ-РАДИКАЛ.
ПОЭТ, ИЗМЕНИВШИЙ МИР. LONDON; NEW HAVEN:
YALE UNIVERSITY PRESS, 2020**

Н.К. Полосина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, NETalie@yandex.ru*

Аннотация: Рецензируемая книга представляет собой новую биографию классика английской литературы У. Уордсворта. Отмечается нетрадиционный подход к изложению — фокус на первой, наиболее творчески активной половине жизни поэта — и удачное включение большого объема собственно поэтического материала. Рецензент полагает, что книга может быть полезна для знакомства с творчеством Уордсворта и это качество обуславливает как ее сильные, так и слабые стороны.

Ключевые слова: Уордсворт; романтизм; субъективность; природа; лирический эпос

Для цитирования: Полосина Н.К. Б е й т Дж. Уордсворт-радикал. Поэт, изменивший мир. London; New Haven: Yale University Press, 2020 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 201–205.

**B A T E J. RADICAL WORDSWORTH. THE POET WHO CHANGED
THE WORLD. LONDON; NEW HAVEN:
YALE UNIVERSITY PRESS, 2020**

Nataliia Polosina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, NETalie@yandex.ru

Abstract: The new biography of William Wordsworth is written unconventionally with the biggest part of the book focused on his active years. The narrative incorporates many quotes from Wordsworth's poetry accompanied by commentary. The book is very good as an introduction to the study of Wordsworth, though it implies both its strong and weak points.

Key words: Wordsworth; Romanticism; subjectivity; nature; lyrical epic

For citation: Polosina N.K. (2022) B a t e J. Radical Wordsworth. The Poet Who Changed the World. London, New Haven: Yale University Press, 2020. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 201–205.

Новая биография Уильяма Уордсворта (1770–1850), приуроченная к двухсотлетию со дня рождения поэта, написана сэром Джонатаном

Бейтом — историком литературы, публицистом и критиком, бывшим ректором оксфордского Вустер-колледжа, кавалером Ордена Британской империи за достижения в высшем образовании. Бейту принадлежат не только книги и статьи о Шекспире и поэтах-романтиках (Уордсворте, Джоне Клэре) — он также поэт, прозаик и автор пьесы-монолога по мотивам биографии Шекспира.

Книга адресована широкой аудитории, для которой Уордсворт — бесспорный национальный классик и в этом статусе одновременно известен и неизвестен. Бейт видит свою задачу в том, чтобы преодолеть инерцию общих мест и привычных ассоциаций, заставить читателя задуматься над строками «Желтых нарциссов» и других хрестоматийных стихотворений и понять особую — «радикальную» — роль Уордсворта. Автор биографии настаивает на том, чтобы понимать слово «радикальный» в разных смыслах — революционный в политике, пересматривающий традицию в литературе, но также обращенный к природе, т. е. буквально к «корням» (от лат. *radix* — корень), к самым базовым структурам общечеловеческого опыта.

Бейту удается сохранить академический характер книги и одновременно следовать знаменитому принципу самого Уордсворта из «Предисловия к “Лирическим балладам”»: «поэт — это человек, который говорит с людьми». Книга привлекает обширный биографический материал (свидетельства Колриджа, Дороти Уордсворт, Хэзлитта) и современную Уордсворту журнальную полемику, включает комментированную библиографию, многочисленные сноски, летопись основных событий жизни и творчества поэта, а также множество иллюстраций. При этом изложение можно назвать доступным и даже увлекательным в силу легкости языка и немногочисленных, но уместных апелляций к собственному опыту. Так, в самом начале книги автор рассказывает о своем первом посещении Озёрного края в возрасте одиннадцати лет, о детском увлечении поэзией Уордсворта, которое путем очарований и разочарований превратилось в предмет многолетнего исследовательского интереса. Именно парадоксальное сочетание очарования и разочарования становится импульсом книги. Бейт принципиально отказывается писать «традиционное» жизнеописание, которое продвигается хронологически, равномерно охватывая весь период от рождения до смерти, потому что его с самого детства занимала загадка уордсвортского таланта — несоизмеримая разница между поэзией до 1806 г. (подготовка двухтомника главных лирических произведений, первая редакция поэмы «Прелюдия») и всем, что было сделано в последующие сорок лет.

Таким образом, основную часть биографии занимает рассказ о двадцати годах подлинно «радикального» Уордсворта — поэта, который сделал индивидуальное творческое сознание одновременно объектом и субъектом новой поэзии; «филантропа» (на языке XVIII в.), который глубоко переживал события Французской революции, хотя не всегда им сочувствовал; вдумчивого созерцателя природы и неутомимого путешественника-пешехода. В психоаналитическом ключе Бейт связывает активность поэта в 1780–1800-е годы с сублимацией двух базовых влечений: с одной стороны, это опыт смерти и утраты, обусловленный ранней смертью обоих родителей, сценами революционного насилия в Париже, долгой разлукой с любимой сестрой и фактически пожизненной разлукой с первой женой и дочерью; с другой — эротический опыт в прямом (бурный роман, который закончился коротким первым браком) и переносном смысле — упоение торжеством свободы в первую годовщину разрушения Бастилии.

Желание внушить читателю ощущение «радикальной» новизны определяет композицию: рассказ начинается с кульминации, когда на Рождество 1806 г. Уордсворт читает ближайшему кругу главы из поэмы «Прелюдия». С одной стороны, этот эпизод свидетельствует о завершении оригинального лирического эпоса, придавшего милтоновский масштаб становлению индивидуального сознания, а с другой стороны, тогда наступает кризис в отношениях с Колриджем — поэтом, собеседником, вдохновителем, по существу, творческим «альтер-эго». Именно прекращение продуктивного обмена идеями между двумя поэтами (личные отношения сохранялись, несмотря на охлаждение) Бейт считает важнейшей причиной угасания Уордсворта как художника.

Понять «радикального» Уордсворта помогает множество поэтических цитат, которые Бейт весьма удачно комментирует. Так, он сравнивает язык созерцания природы у Дж. Томсона, У. Купера и других поэтов XVIII в. с эпизодами «Прелюдии» и показывает, как Уордсворт наполнил топосы индивидуальным переживанием, придал воспоминаниям и снам характер бессознательной силы, функционирующей по собственным загадочным законам, и создал влиятельный миф о детстве как об особом «терапевтическом» опыте. Знаменитую элегию «Тинтернское аббатство» Бейт сопровождает комментарием биографического свойства, с географической точностью реконструируя маршрут брата и сестры Уордсворт по реке Уай: как и многие любители древностей в конце XVIII в., они были увлечены развалинами аббатства, но в самом стихотворении Уордсворт сознательно отказывается от внешних описаний. Подлинным «храмом» становится человеческое сознание, постигающее одновремен-

но индивидуальность и универсальность своей связи с природой, а в основу лирического сюжета ложится сложный рисунок памяти, выполняющей двойную работу. Уордсворт *вспоминает* себя пятилетней давности, размышляя о своей духовной эволюции, но также обращается к сестре Дороти, которая *в будущем вспомнит* их совместное путешествие, открывая со временем в прошедшем опыте то, что было недоступно в непосредственном переживании.

Стоит отметить, что выбранный ракурс оставляет за пределами рассмотрения некоторые аспекты биографии Уордсворта, преимущественно его активное участие в парламентской кампании по защите авторских прав на литературные произведения 1837–1842 гг. [Алябьева, 2004: 275–305]. Однако главный вопрос по существу книги — чем обоснована авторская заявка на оригинальность в контексте обширной научной литературы по творчеству Уордсворта. О превращении сознания из пассивного «зеркала» в «лампу», которая активно «освещает» и тем самым формирует природу в процессе познания [Abrams, 1971], о месте Уордсворта-исследователя субъективности в западной интеллектуальной традиции наряду с Лютером и Руссо пишут на протяжении более полувека. В свое время еще Дж. Хартман и Х. Блум настаивали на том, что Уордсворт не «воспевает» природу, а предлагает философскую проблему Природы и Воображения — онтологически самостоятельных, но необходимых друг другу соперников, ставит поэта в центр диалектических отношений плена и свободы, человеческого и иного (глубоко чуждого), естественного и сверхъестественного [Bloom, 1961; Hartman, 1964].

В целом о книге Бейта можно с уверенностью сказать, что она хорошо подходит для вдумчивого знакомства с поэтом и, шире, с романтическим типом мышления. Она могла бы быть полезна не только англоязычному, но и в перспективе русскоязычному читателю, который пока может удовлетворить свой интерес отдельными главами об Уордсворте в монографиях об английской поэзии А.Н. Горбунова [Горбунов, 2012: 166–313] и Е.В. Халтрин-Халтуриной [Халтрин-Халтурина, 2009: 25–107].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алябьева Л.А. Литературная профессия в Англии в XVI–XIX вв. М.: НЛЮ, 2004.
2. Горбунов А.Н. Три великих поэта Англии: Донн, Милтон, Вордсворт. М., 2012.
3. Халтрин-Халтурина Е.В. Поэтика «озарений» в литературе английского романтизма: Романтические суждения о воображении и художественная практика. М., 2009.
4. Abrams M.H. The Mirror and the Lamp: Romantic Theory and the Critical Tradition. Oxford, 1971.

5. *Bloom H.* The Visionary Company. A Reading of English Romantic Poetry. N.Y., 1961.
6. *Hartman G.H.* Wordsworth's Poetry 1787–1814. New Haven, 1964.

REFERENCES

1. *Alyabyeva L.* Literaturnaya professiya v Anglii v 16–19 vekah. Moscow: NLO, 2004.
2. *Gorbunov A.* Tri velikih poeta Anglii: Donn, Milton, Wordsworth. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2012.
3. *Khaltrin-Khalturina E.* Poetika ozarenii v literature angliyskogo romantizma: Romanticheskie suzhdeniya o voobrazhenii i khudozhestvennaya praktika. Moscow: Nauka, 2009.
4. *Abrams M.H.* The Mirror and the Lamp: Romantic Theory and the Critical Tradition. Oxford University Press, 1971.
5. *Bloom H.* The Visionary Company. A Reading of English Romantic Poetry. NY: Doubleday&Company, 1961.
6. *Hartman G.H.* Wordsworth's Poetry 1787–1814. New Haven: Yale University Press, 1964.

Поступила в редакцию 01.02.2022

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 01.02.2022

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Полосина Наталия Кирилловна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, NETalie@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nataliia Polosina — PhD in Philology, senior teaching assistant, Department of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University, NETalie@yandex.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ-2021 НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

М.Л. Ремнёва, Е.М. Белавина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, m.l.remneva@mail.ru; kat-belavina@yandex.ru*

Аннотация: Представлен обширный круг научных вопросов, затронутых участниками «Ломоносовских чтений», состоявшихся на филологическом факультете Московского университета в 2021 г. в формате видеоконференции. Сотрудники всех кафедр и лабораторий представили доклады на пленарном заседании и в ходе работы 25 секций. Были рассмотрены различные аспекты языкознания, литературоведения и методики преподавания языков. Краткий обзор выступлений показывает основные направления научной деятельности сотрудников филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: филологические науки; лингвистика; литературоведение; методика преподавания

Для цитирования: Ремнёва М.Л., Белавина Е.М. Ломоносовские чтения-2021 на филологическом факультете Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 206–218.

THE 2021 LOMONOSOV READINGS AT MOSCOW UNIVERSITY'S FACULTY OF PHILOLOGY

Marina Remneva, Ekaterina Belavina

*Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, m.l.remneva@mail.ru;
kat-belavina@yandex.ru*

Abstract: This paper aims to show the scope of research conducted at the Faculty of Philology through outlining the Lomonosov Readings Conference in 2021 at the Faculty of Philology, Moscow University. The event included online sessions on a range of linguistic, literary, and didactic topics and embraced the whole faculty.

Key words: philology; linguistics; literary studies; instruction methods

For citation: Remneva M.L., Belavina E.M. (2022) The 2021 Lomonosov Readings at Moscow University's Faculty of Philology. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 206–218.

Пленарное заседание было открыто выступлением *Ю.Л. Оболенской*, посвященным восприятию произведений русской литературы в Испании и их влиянию на общественную и духовную жизнь страны в кризисные периоды ее истории с конца XIX в. В докладе *Е.А. Певак* «Этика и эстетика в современной русской литературе» была произведена попытка осмысления этического тоталитаризма в сфере культуры, который является, по мнению выступающей, чертой настоящего времени. В сообщении *Е.В. Петрухиной* «Религиозный православный дискурс в современной России: лингвистические и лингвокультурологические проблемы» был поднят дискуссионный вопрос о существовании в современном русском языке высокого стиля в церковно-религиозном дискурсе. Интерес аудитории и оживленную дискуссию вызвало выступление *Т.Ф. Теперик* «Пьеса Жироу «Троянской войны не будет» и ее влияние на рецепцию античности в XX–XXI вв.» В докладе *О.В. Федоровой* «Исследования вербальной рабочей памяти в современной психолингвистике» были описаны текущие проекты кафедры теоретической и прикладной лингвистики, направленные на исследование корреляции между объемом рабочей памяти и языковыми навыками испытуемых. Завершила пленарное заседание *О.Н. Шувалова*, осветив вопросы влияния общественных представлений на языковую узус и норму на примерах воздействия экстралингвистических факторов новой этики на коммуникативные действия говорящих.

После пленарного были проведены секционные заседания и круглые столы кафедр и лабораторий факультета — также в формате видеоконференций.

Заседание **кафедры русского языка** в рамках Ломоносовских чтений в 2021 г. было посвящено юбилею *М.Л. Ремнёвой*. В докладе *Е.А. Кузьминовой* и *Т.В. Пентковской* были прослежены особенности реализации грамматической категории личности-неличности в кругу переводных памятников XVI — середины XVII в., созданных в юго-западнорусской контактной зоне, которые отражают состояние польской системы категории мужского лица, находящейся в изучаемом периоде в процессе становления. *М.В. Шульга* рассмотрела формирование частеречных признаков числительных в истории русского языка. Основное внимание было уделено грамматической адаптации существительного *сто* среди числительных от XVIII в. до современности. *Е.А. Матвеевко* представила результаты текстологического исследования первых русских переводов «Метаморфоз» Овидия, проследив начальный этап становления форм мифонимов. В докладе *Л.О. Чернейко* была поставлена важная для современной когнитивной лингвистики и рецептивного литературоведения проблема изучения восприятия текста на основе исследования сочетаемости проективных прилагательных, моделирующих читательское мироощущение.

Секционное заседание **кафедры истории русской литературы** осветило широкий круг тем от древнерусского до новейшего времени. *Д.П. Ивинский* выступил с комментарием к роману *А.С. Пушкина* «Евгений Онегин», вписав в общеевропейский контекст пушкинскую трактовку «вышедшего из моды» латинского языка со ссылкой на статью «Язык» *Л. де Жокура* и

идеи энциклопедистов, а также с учетом обстановки весной 1821 г., восстания греков против турецкого владычества. *В.А. Воропаев* представил исследование маргиналий Н.В. Гоголя на страницах Священного писания, которые заставляют пересмотреть представления о духовном облике писателя, в том числе истолкование новонайденной пометы «Литургия» (1 Кор. 14: 26). В докладе *Л.А. Трахтенберга* был предложен историко-литературный комментарий к стихотворению Н.В. Станкевича «Луна. Подражание французскому» с установлением источника: переложения поэмы «Дартула», созданное П. Баур-Лормианом, доступное в хрестоматии Ф. Ноэля и Ф. Делапласа. Доклад *И.А. Беляевой* касался малоисследованной темы «Гончаров и Достоевский», в частности параллели «Мышкин — Обломов», заявленной Достоевским. *В.Б. Катаев* выступил с докладом об истории литературной эпитафамы, обратившись к сборнику эпитаграмм советского периода, выпущенному Е. Эткиндоном в 1988 г. в Париже, с анализом маргиналий З. Паперного. В докладе *Р.Б. Ахметшина* был рассмотрен рассказ Чехова «Обыватели» (1889), который впоследствии стал первой главой рассказа «Учитель словесности» (1894). Чеховедение было представлено также докладами *М.Л. Калугиной* и *П.Н. Долженкова*. Доклад *А.В. Архангельской* привлек внимание аудитории к особенностям поэтики времени в новом романе Е. Водолазкина (2020).

Секционное заседание **кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса** открыл доклад *М.М. Голубкова* «Творческая репутация писателя как социокультурный механизм», осветивший парадоксы литературного процесса на примерах А. Толстого, М. Горького, Б. Пастернака, Ю. Бондарева, Ю. Полякова, а также современных писателей Г. Яхиной и Е. Водолазкина. В докладе *А.А. Семиной* было проведено исследование влияния В.С. Маканина на В.О. Пелевина, для которых характерен интерес к социальным трансформациям эпохи и их воздействию на человеческую личность. Доклад *И.Б. Ничипорова* был посвящен мотивному анализу сборника рассказов Л. Улицкой «О теле души» (2019). В докладе *Д.В. Кротовой* были раскрыты аспекты трактовки образа-символа света в лирике В. Шаламова с привлечением материалов архива (РГАЛИ). В своем докладе, приуроченном к 80-летию гибели А.П. Гайдара, *О.С. Октябрьская* рассмотрела архетипы отца, матери и ребенка в повести «Судьба барабанщика» с точки зрения их мотивной и типологической реализации.

На заседании **кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания** в докладе *О.В. Синёвой* были освещены результаты социолингвистических исследований речевого поведения представителей литовской, латышской и других диаспор г. Москвы (2010–2020). *Л.А. Чижова* обратилась к проблеме текста как объекта лингвистического исследования, понимаемого как часть семиозиса речевого акта в научной парадигме интердисциплинарности и антропоцентризма. Доклад *А.М. Белова* был посвящен лингвистическим аспектам интертекстуальности. В рамках теории символических пластов были предложены методы исследования, основанные на ряде принципов структурной лингвистики и компаративистики. В до-

кладе О.А. Волошиной была высказана гипотеза о появлении антропоморфной фигуры ваханы (ездового животного) как идентификатора древнеиндийских богов, развивавшейся под влиянием месопотамской и древнеегипетской техники письма. Завершил заседание доклад С.Н. Кузнецова, посвященный теоретическим парадоксам системно-структурного описания языка.

Секционное заседание **кафедры истории зарубежной литературы** открыл доклад А.Ю. Зиновьевой «Русское путешествие Р. Браунинга: о драматическом монологе в русской и английской поэзии XIX в.», посвященный ключевому жанру британской поэзии викторианской эпохи и его рецепции в русской поэзии (А.Н. Майков, Н.А. Некрасов, А.А. Фет, К.К. Случевский, А.Н. Апухтин). В.Ю. Лукасик представила доклад о развитии французского сонета от переложений итальянских сонетов в форме эпиграмм или баллад до возникновения двух разновидностей сонета в XVI в. Доклад Н.К. Полосиной «Образ Лондона в поэзии У. Хенли» предложил рассмотрение городского пространства в цикле «London Voluntaries». Ю.В. Королинская сделала попытку восстановления скандинавских истоков образа Пера Гюнта. Тезис о том, что Пер Гюнт — центон из большого количества отсылок к датской и норвежской литературе докладчица подкрепила примерами из Л. Хольберга, Й. Йенсена, Б. Бьёрнсена, показав, что Ибсен, опираясь на ценности датского романтизма, развенчивает их. Е.В. Фейгина рассказала о дантовском интертексте в поэзии Э. Монтале и О.Э. Мандельштама. В завершение заседания секции выступил В.М. Толмачёв с докладом, посвященным книге «Стихи» (1881) О. Уайлда, истории ее создания и рецепции современниками, доказав, что именно ее следуют считать первой символистской книгой в Англии.

На **кафедре теории литературы** заседание началось с доклада О.А. Клинга о мало изученном периоде творчества М. Горького (1921–1924), когда писатель занимал одно из центральных мест в жизни русского Берлина. И.Н. Исакова в своем докладе «Формирование представлений о развитии характера в литературе» обратилась к сопоставлению характеров героев западноевропейской и восточных литератур. В докладе В.Б. Семёнова были проведены параллели в композиционной организации заговоров «Атхарваеды» и древнеирландского «Заклинания Амергина» с новолатинскими и древнегерманскими европейскими поэтическими заговорами IX в. Доклад А.В. Филатова был посвящен критико-литературному творчеству Городецкого-символиста и стратегиям его публицистики. А.А. Холиков показал, что без обращения к нелегальным периодическим изданиям начала XX в. выводы о взаимодействии литературы и журналистики предреволюционных лет носят порой отрывочный и умозрительный характер.

На **кафедре славянской филологии** были представлены две секции: лингвистическая и литературоведческая. Лингвистическое секционное заседание открылось докладом Н.Е. Ананьевой, в котором было прослежено функционирование в качестве метафор и компонентов фразеологизмов и паремий номинаций одежды и обуви в польском литературном языке в сопоставлении с русским. О.О. Лешкова обратилась к проблеме становления

системы хронологических квалификаторов в польской лексикографии на материале польского языка. Доклад *О.С. Плотниковой* был посвящен анализу издания и изучения в России древнейшего памятника словенской письменности конца X — начала XI в., известного в мире под двумя названиями «Фрейзенгенские отрывки», «Брижинские памятники». На основании сопоставления содержательной и стилистической сторон памятников дополнен список доказательств в пользу того, что фрейзенгенская рукопись не может быть списком с церковнославянской. *Е.И. Якушкина* сосредоточила внимание на лексическом своеобразии хорватских славонских говоров на основе материала, записанного в селе Сиче, продемонстрировав лексические связи сичанского говора с другими говорами региона на примере карт «Общеславянского лингвистического атласа».

Литературоведческую секцию открыла *А.Г. Шешкен* докладом, посвященным классику Блаже Конескому, приуроченным к 100-летию поэта. В докладе *Е.В. Сагалович* была рассмотрена история возникновения замысла и выбора нарративных стратегий сербского писателя Данило Киша (1935–1989). *С.Н. Мещераков* в докладе «Сербский роман с военной тематикой начало 20-х годов XX века» остановился на творчестве классика сербской литературы М. Црнянского и романах Д. Васича. Доклад *Н.Н. Стариковой* был посвящен деятельности словенского литературно-критического журнала «Нова ревия» (1982–2010).

На кафедре русского устного народного творчества *С.В. Алтатов* обратился к исследованию соотношения исторического и актуального слоев семантики фольклорного образа на материале мифологического мотива «Оживленный из косточек». В выступлении *В.А. Ковтика* речь шла о комплексе мифонимов (море Океан, остров Буян, камень Алатырь и др.), был рассмотрен в свете мифологического, исторического, этнолингвистического подхода, а также корпусных исследований. В своем докладе «Методологические и методические аспекты выявления локальной специфики живой фольклорной традиции» *А.А. Иванова* проанализировала «чудские» нарративы Пинежья и Верхокамья. Доклад *А.А. Родионовой* посвящен развитию календарной обрядовой поэзии Верхнего и Среднего Поволжья, были прослежены иноэтнические связи.

На кафедре византийской и новогреческой филологии заседание открыл доклад *И.В. Тресоруковой*, осветивший проблемы функционирования лексем *δοῦλεύϊα* и *τετλελεύϊα* в системе фразеологической картины мира носителя греческого языка в сопоставлении с соответствующими лексемами русского языка. *К.А. Климова* обратилась к вопросу о происхождении персонажей новогреческой мифологии. Сообщение *Ю.Б. Мантовой* «Неизданный папирус P.Mich.inv. 3283: содержание и датировка» было посвящено одному из неопубликованных папирусов из собрания Мичиганского университета. *Т.И. Самойленко* на материале Эскориальской и Гроттаферратской версий поэмы о Дигенисе Акрите и древнерусских текстов Девгениева Деяния проанализировал функционирование 'конской' темы в текстах произведений письменного акритского эпоса. Доклад *Д.Е. Афиногенова* обратил внимание на жанровое своеобразие «Диалога с

язычником» у патриарха Фотия. Тракта́т 225 из «Амфилохий» весьма необычен для византийской литературы, так как один из беседующих («язычествующий») опровергает один из доводов в защиту трехипостастности Бога. В завершение работы секции *М.В. Биби́ков* анализировал текст, озаглавленный в афонской греческой рукописи Свято-Пантелеимонова монастыря № 282 как «заметка о благочестивой России», в которой излагается история утверждения христианства на Руси. Рукопись представляет собой автограф афонского монаха Иакова Неаскитиота, создавшего монументальный исторический труд «Афониада».

Секционное заседание **кафедры классической филологии** открылось докладом *О.М. Савельевой* «Истоки мотива/формулы “мыслить сердцем”» провела анализ словосочетаний, для семантики которых опорным является соединение смыслов умственной и эмоциональной реакций с привлечением концепции исторической поэтики А.Н. Веселовского и его термина «сердечное воображение». *М.Н. Славятинская* рассказала о работе над книгой об И.М. Нахове, приуроченной к 100-летию со дня рождения ученого, филолога-классика, писателя и поэта. *А.И. Солопов* сосредоточил внимание на некоторых грамматических отклонениях латинского языка юридических текстов II–VI вв. от норм эпохи «золотой латыни» (на материале Кодекса Юстиниана). Исследован генезис этих явлений и их распространенность в последующие эпохи. Доклад *Е.В. Антонец* был посвящен фигуре *disiunctio* (дизъюнкция) в сопоставлении с близкими к ней фигурами дистрибуции и синонимии и рассмотрены взгляды на дизъюнкцию античных и современных теоретиков. *Т.Г. Давыдов* продемонстрировал особенности произношения древнегреческого *ῥ* в античности и в последующие эпохи, затронув вопросы артикуляции данной фонемы. Введен новый способ изучения произношения древнегреческого языка — методами лабораторной фонетики, приведены примеры произношения *ῥ* в различных национальных традициях, а также неожиданное свидетельство Ломоносова о «картавых рцы». В докладе *И.Р. Гимадеева* на латинском языке была исследована традиция латинских античных разговорников *Hermeneumata Pseudodositheana*, прослежена история изданий Эразма, Мозеллана, Вивеса и других ученых эпохи Возрождения, представлены три разговорника, изданных в России за последние 200 лет.

Секционное заседание **на кафедре общей теории словесности** прошло в виде круглого стола «Субъектность в речи: между языковым кодом и курсивным конструктом». *А.Л. Борисенко* обратилась к проблемам перевода романа Патрисии Данкер «Джеймс Миранда Барри», связанным с гендерной неопределенностью персонажа. *Т.Д. Венедиктова* привлекла внимание к методологическим сдвигам в сфере исследований индивидуального авторского литературного стиля: уход от лингвоцентризма, сосредоточение на прагматике интересубъектного взаимодействия. Был проанализирован феномен переводческого внимания (или невнимания) к стилистическому пласту прозы Г. Флобера и к категории «абсолютного стиля». Доклад *А.В. Логутова* «Лирический герой и внутритекстовое Я» в

песенном тексте был посвящен конструированию субъекта в популярном песенном тексте, связям с лирическим жанром в поэзии. *А.В. Швеиц* в докладе «Читатель как творческий субъект в литературной коммуникации (на примере деятельности группы “Гилея”)» рассмотрела прагматическую установку кубофутуристов, предполагающую не только намеренную провокацию и оскорбление реципиента, но и вовлечение в публичную поэтическую акцию. В сообщении *А.А. Зубова* был поднят вопрос об изображении «нечеловеческого» с позиций истории репрезентации. Фильм *А. Астера «Реинкарнация»* (2018) был представлен как интересный ответ на творческий вызов, который технология кинематографа бросает традиции литературной репрезентации. В докладе *П.Ю. Рыбиной* «Невротический субъект» в нуарных адаптациях Роберта Сиодмака был прослежен ключевой аспект поэтики классических фильмов нуар (1940–1950-е годы), малоизученных адаптаций литературных текстов (детективных романов 1930–1940-х годов). Предметом обсуждения становится фигура «невротического субъекта». *В.В. Красных* представила алгоритм современного лексикографического описания единиц лингвокультуры, позволяющий выявить «функционально значимые для культуры смыслы» (*В.Н. Телия*), на примере зооморфного стереотипа «аист». В докладе *С.А. Ромашко* были рассмотрены пересечения логических, грамматических и социокультурных характеристик субъектности на материале речевой деятельности представителей разных языковых общностей.

На кафедре английского языкознания в сообщении *И.Э. Стрельца* речь шла о некоторых методических приемах работы с лексико-грамматическим материалом на занятиях с магистрантами из КНР. В докладе *Е.А. Долгиной* был поднят один из самых спорных вопросов английской грамматики, связанный с определением объема и состава глагольной категории наклонения с опорой на труды *О.С. Ахмановой*, *А.И. Смирницкого* и их последователей. Сообщение *Е.В. Михайловской* «Современный полимодальный дискурс: состав, характеристики, разновидности» было посвящено различным субдискурсам, таким как кинодискурс, дискурс комикса, дискурс видеоигр, рассмотрению интра- и интердискурсивных связей на основе интертекстуальности. Доклад *Т.Ю. Кизиловой* осветил «Вклад философских концепций *М.М. Бахтина* в развитие лингвопоэтики». *И.В. Гусева* в сообщении на английском языке проанализировала некоторые дискурсивные характеристики английских артиклей. *А.А. Шаранкова* осветила особенности концептуализации культурно-специфической метафоры Поисков Святого Грааля в научном дискурсе. *Д.С. Мухортов* поделился опытом сопоставительного изучения языковых личностей политиков-консерваторов (на примере выступлений *Дэвида Кэмерона*, *Терезы Мэй*, *Бориса Джонсона* и *Джейкоба Рис-Могга*). *Т.С. Аникян* посвятила доклад недостаточно изученному аспекту политического дискурса: выразительным возможностям средств сверхсегментного уровня (на материале инаугурационной речи *Дональда Трампа*).

На кафедре германской и кельтской филологии в докладе *Е.Р. Сквайрс* «Маргиналии в первопечатных немецких травниках как свидетельство по

истории языка» были проанализированы владельческие записи в шести экземплярах иллюстрированных травников, изданных в 1484 и 1485 гг. В выступлении *Н.А. Ганиной* обсуждался социальный контекст и прагматические аспекты кодификации любекского права в XIII–XIV вв. *Т.Л. Шенявская* проследила парадоксы номинации птиц в германских языках. *Т.А. Михайлова* показала имя собственное как маркер национальной идентичности, предложив выявить закономерности в смене предпочтений в области традиционного ономастикона в процессе многоэтапной лингвистической эволюции, сопровождающей утрату этнической и языковой идентичности в Галлии и Ирландии. Были представлены типологически сходные данные, связанные с миноритаризацией других языков (в первую очередь — языка алеутов, судьба которых пошла разными путями на территории России и в США). *Е.М. Чекалина* обратилась к анализу ассимиляции английских форм множественного числа существительных в шведском языке. Наблюдаемая при этом лексикализация, проявляющаяся во включении морфемы -s в исход основы полностью ассимилированных слов, изменяемых по шведской модели, поддерживается системно-структурными фонеморфологическими особенностями шведского языка, обусловленными просодикой ударного слога. *И.В. Матыцина* представила переводческий проект «Шведская Библия-2000», рассказав об этапах работы правительственной комиссии по переводу Библии на шведский язык, учрежденной в 1972 г. *Е.Л. Жильцова* в докладе «Семантические типы неологизмов-композигов в шведском языке» рассмотрела два основных семантических типа сложных слов, появившихся в шведском языке в последние десятилетия. Доклад *Э.Б. Крыловой* о борнхольмском языке, единственном сохранившемся из восточно-датских диалектов, касался проблемы сохранения языкового разнообразия. В сообщении *А.А. Немцевой* были рассмотрены прагматические факторы, влияющие на употребление датского неопределенного местоимения *noget* и местоименных лексем с существительными общего рода.

На кафедре французского языкознания *В.М. Амеличева*, представила курс «Академическое письмо на французском языке: место в системе FOU и опыт преподавания на филологическом факультете МГУ». Были представлены структура курса, методические решения, достигаемые результаты. *Е.Э. Бабаева* обратилась к понятию субъективной противоположности, предложив новый подход к исследованию, что было иллюстрировано историей формирования представлений о временах года в латинском и французском языках. *Е.М. Белавина* представила просодическое ударение в теории ритма А. Мешонника в свете экспериментальной фонетики. Доклад *Е.В. Клюевой* был посвящен теме чумы в поэме Гийома де Машо (1300?–1377) в прологе «Суд короля Наварры». Сообщение *К.И. Курбановой-Ильютко* осветило общую языковую ситуацию в Валь д'Аосте в настоящее время и историю описания вальдостанского варианта французского языка с учетом иноязычных вкраплений из итальянского и франкопровансальского. В докладе *М.И. Олевской* речь шла о специфике французской артикуляции. Были приведены факты, обнаруживающие,

что занятия французской фонетикой за счет большей интенсивности артикуляции создают эффект омолаживающей гимнастики для лица. *А.Б. Сергеева* привлекла внимание слушателей к языковой креативности в период пандемии.

На кафедре немецкого языкознания заседание началось с выступления *О.А. Байновой* о редком на современном уровне развития языка употреблении родительного падежа в функции определения перед определяющим словом (*vorangestelltes Genitivattribut*), дополнения (*Genitivobjekt*), обстоятельства (*adverbialer Genitiv*) и именной части сказуемого (*prädikativer Genitiv*), была охарактеризована их стилистическая маркированность. В докладе *А.В. Авериной* было выявлено соотношение понятий «предикативность» (В.В. Виноградов), «связка» (Э. Лайсс) и «фема» (Ж.-М. Земб), представлены модели предложений с различными типами перспектив. *И.А. Гапонова* представила курс «Изменение жанра новеллы в немецкой литературе» от Гете и Г. Клейста до второй половины XX в. *М.Ю. Папченко* сделала попытку выделения и определения понятия коммуникативной достоверности на примере текстов рекламных объявлений журнала *der Spiegel*. Доклад *А.В. Пильгуй* был посвящен проблеме словоупотребления в ранней поэзии австрийского писателя на основе анализа контекстов употребления лексики *Sehnsucht* и ее производных в сопоставлении *Wehmut*. В завершение работы секции *Т.А. Ленкова* рассказала о вербальных и невербальных средствах выразительности в креолизованном медиатексте.

На кафедре романского языкознания *А.В. Аксёнова* обратилась к изучению опер Г. Доницетти, рассмотрев фонетические и ритмико-синтаксические особенности текстов либретто Сальваторе Каммарано (Неполь 1801–1852). *А.М. Бибикина* рассказала о своем опыте преподавания итальянской литературы в группах лингвистов-итальянистов для 2 курса бакалавриата и КПВ для магистрантов. Доклад *Л.И. Жолудевой* был посвящен границам феномена ‘italiano neostandard’, дискуссии о котором ведутся с 1980-х годов в итальянской лингвистике. *М.А. Косарик* в докладе «Средства интенсификации обучения иностранному языку в современных условиях — филологический подход», возражает против методик, основанных на превалировании механического тренажа в целях усвоения фонетического, грамматического и лексического материала. *Е.А. Семёнова* рассказала о судьбе латинских местоименных конструкций с *Dativus Ethicus* и *Dativus Possessivus* в итальянском и румынском языках, которые этимологически восходят к латинским. Завершило работу секции сообщение *О.Ю. Школьниковой* «Повествователь и грамматический субъект в повести Н.В. Гоголя «Шинель» и их трансформации в итальянских переводах».

На кафедре иберо-романского языкознания в докладе *О.А. Сапрыкиной* «Неология: португальские новые слова в XXI веке» были рассмотрены морфологические, лексические, семантические и синтаксические способы образования неологизмов. *Д.Л. Гуревич* рассказал о формировании понятия ‘brasil’ как лингвокультурной доминанты, которое большинством

исследователей возводится к сочетанию pau brasil (красное дерево), закрепившемуся после языковой конкуренции с другим, сакральным по своей природе термином (Iha de Santa Cruz / Terra de Santa Cruz). В сообщении *А.В. Кутьковой* был исследован феномен мексиканского ретабло как объект лингвокультурологического исследования, рассмотрены трансформации термина «ретабло» (retablo), его связь с «экс-вото» (exvoto) и креолизованным текстом. *А.А. Шамарина* поделилась опытом работы в архивах при подготовке материалов о судьбе «испанских детей» в СССР. В завершение секции *О.К. Ранкс* и *К.В. Кичигин* представили проект платформы-помощника для изучения и преподавания испанского языка как второго.

На кафедре финно-угорской филологии в докладе *Н.С. Братчиковой* было дано комплексное описание медицинской терминосистемы на примере терминопоя COVID-19; были составлены финско-русский и русско-финский глоссарии терминов по вирусно-инфекционному заболеванию COVID-19 объемом в 325 терминологических единиц. *Е.З. Шакирова* посвятила сообщение рок-опере Л. Сёрени и Я. Броди «Король Иштван» (1983). *А.П. Гуськова* представила результаты сопоставительного исследования грамматических категорий глагола в двух разноструктурных языках — венгерском и русском.

На кафедре дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного доклад *Е.Л. Бархударовой* был посвящен соотношению консонантизма и вокализма в фонетической системе в контексте обучения произношению, были показаны основные трудности, которые испытывают носители языков с доминацией вокализма в ходе освоения русского произношения. *О.В. Зубова* обобщила опыт преподавания РКИ в тайской аудитории. В докладе *О.Ю. Дементьевой* «Порядок каких компонентов подразумевается под порядком слов в русском языке?» было рассмотрено речепорождение как решение определенной коммуникативной задачи и освещены два направления изучения речевого произведения: от смысла к форме и от формы к смыслу. В докладе *Ф.И. Панкова* местоимения были представлены как малая система категориальных классов слов русского языка, включающая не только имена, но и глаголы, и наречия, и компаративы, и суперлативы, что необходимо учитывать в лингводидактическом аспекте. *Т.Е. Чаплыгина* затронула особенности выражения пространственных отношений именными локативными группами с названиями частей тела.

На кафедре русского языка для иностранных учащихся филологического факультета *М.А. Бороздина* обратилась к вопросу об источниках любовного «сюжета» в творчестве И.С. Тургенева, изучив поэтические опыты писателя 1830–1840-х годов. *М.М. Вереитинова* рассказала о представленности актуализированных паронимов в современном русском языке в сопоставлении с сербским (на примере прилагательных). В докладе *О.К. Грековой* была представлена структура интегративных аудиокурсов специальностей «Филология. Лингвистика» и «Филология. Литературоведение» в современном контексте. На примере анализа двух недавно

вышедших аудиокурсов с CD-MP3 «Слушаем лекции по истории литературы» и «Слушаем лекции по теории литературы» (под ред. Е.А. Кузьминовой) рассматривается принцип объединения нескольких содержательных аспектов курса РКИ на базе аудиокурса. В выступлении А.А. Жуковой была проанализирована традиция постмодерна в рэпе Завьялова и Позднухова и ее значение для аспекта РКИ. В.А. Маркова представила теорию коммуникативных ориентиров как развитие идей Г.И. Рожковой. О.В. Чагина поделилась опытом построения учебного занятия по страноведению в аспекте РКИ.

На кафедре русского языка для иностранных учащихся для гуманитарных факультетов секционное заседание началось с доклада И.С. Брилевой «К вопросу о языке интернет-коммуникации (на материале разговоров в мессенджерах)», посвященного особенностям построения так называемого промежуточного типа коммуникации. Была показана специфика перемещения устного общения в письменную по своей реализации сферу. В продолжение темы сленга Д.Б. Гудков продемонстрировал образное основание сленговых неологизмов, представляющих особые трудности для изучающих РКИ. О.Б. Ермакова рассказала о преимуществах бесплатной платформы для дистанционного и очно-дистанционного обучения Google Класс. Л.П. Клубукова представила сопоставительный анализ терминов, включающих существительное *методика*, которые активно используются в современной теории преподавания иностранных языков, в частности русского языка как иностранного (общая, частная и специальная методика). П.Б. Котикова рассказала о возможностях игровой обучающей платформы Kahoot, позволяющей быстро создавать обучающие игры, викторины, тесты, а также дающей возможность оценить результат. Л.Н. Норейко сфокусировала внимание на различиях национальных образовательных моделей и их влиянии на учебный когнитивный процесс. Были предложены педагогические стратегии, позволяющие ускорить процесс адаптации учащихся из Азии в новых для них условиях обучения в России.

На кафедре русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов в докладе В.В. Добровольской был представлен опыт дистанционного обучения, получившего широкое распространение, рассмотрены трудности при обучении РКИ дистанционно и намечены пути их преодоления. Доклад А.А. Коростелёвой был посвящен выявлению семантики русской кинемы *качать головой*, рассматриваемой как часть коммуникативной системы. Т.И. Мелентьева «Когнитивные стили и стратегии обучения» осветила проблему учета индивидуальных различий в интеллектуальной деятельности учащихся. Были показаны возможные пути организации совместного обучения лиц с разными когнитивными стилями. Ю.Р. Пискунова рассказала о различных практиках, связанных с интерактивными экскурсиями в условиях дистанционного обучения. Доклад А.В. Хлопьянова, посвященный стилистической полифункциональности разговорной речи в рассказах А.П. Чехова «Дама с собачкой» и «Дом с мезонином», включал рекомендации для изучения разговорной речи в иноязычной аудитории.

На кафедре теоретической и прикладной лингвистики секционное заседание открыл доклад *И.М. Кобозевой*, посвященный проблеме перевода номинаций жестов-эмблем. На примере жестовой номинации 'развести руками' и ее соответствий в английском языке по данным параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка были проанализированы переводческие решения этой задачи, предложена типология переводных соответствий, представляющих интерес для теории и практики перевода, а также для контрастивного исследования жестикуляции. В выступлении *Е.А. Лютиковой* были описаны проблемы формального теоретизирования на материале мертвых языков. При опоре на гипотезу униформитаризма и при достаточно разработанной теоретической модели оказывается возможной содержательная интерпретация материала мертвых языков. Завершил работу секции доклад *С.Г. Татевосова* «Эвиденциальность как абдукция», в котором обсуждались показатели инферентивной эвиденциальности и их семантическое содержание. Был рассмотрен особый случай — совпадение пропозиции, описывающей наблюдаемое положение вещей, и абдуцируемой пропозиции, приводящее к тривиальной абдукции. В этом случае единственным нетривиальным компонентом содержания высказывания становится указание на получение информации о пропозиции.

На заседании секции лаборатории «Русская литература в современном мире» прозвучал доклад *Т.Н. Беловой* «Р. Герра — коллекционер архивов и книги представителей первой волны русского зарубежья», посвященный истории приобретения наиболее ценных материалов литературно-художественного наследия представителей первой волны русского зарубежья. В сообщении *А.В. Злочевской* был предложен опыт контактно-типологической параллели применительно к анализу корреляции образов Франца Моора и Смердякова (драма Ф. Шиллера «Разбойники» и роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»). В докладе *О.В. Розинской* был освещен русско-польский культурный диалог в межвоенное двадцатилетие, развивавшийся вокруг Д. Философова, одного из немногих русских эмигрантов, поддерживавших тесные связи с польской литературной средой. *В.В. Сорокина* в сообщении обратилась к вопросу о жанровых модификациях современной прозы о живописцах, на примерах романа-сборника очерков Э. Лимонова, романа-путеводителя Дж. Барнса, романа-расследования Б. Мёрфи, романа-реферата А. Королёва, романа-сценария В. Маканина. В докладе *В.Г. Моисеевой* было показано соотношение позиций автора и героя в последнем романе М. Елизарова «Земля». В завершение работы секции *М.М. Громова* рассказала о самом издаваемом на русском языке стихотворении «Голубой заяц» сербского писателя Д. Радовича (1922–1984).

Секционное заседание лаборатории фонетики и речевой коммуникации открылось сообщением *Ф.О. Байрамовой* «О фонетическом оформлении речи актеров дубляжа», среди основных особенностей было выявлено сочетание типа дыхания (диафрагмой) и особого интонационного оформления реплик, отличающегося от привычного (нормативного). *Н.И. Мионовой* были рассмотрены примеры дискредитации противника якобы от

его имени в сопоставлении с самодискредитацией. *В.П. Некрылова* представила исследование формантной структуры гласных в интерферированной речи. В рамках доклада продемонстрировано практическое применение одного из методов нормализации экспериментальных данных (метод Б.М. Лобанова) при помощи программы NORM (v.1.1). Доклад *С.Б. Потемкина* «Развитие программного обеспечения фонетической многоаспектной базы данных» был посвящен данному электронному ресурсу. Многоязычная многоаспектная фонетическая база данных создается в помощь преподавателям РКИ для выявления типичных ошибок в произношении русских слов и фраз иностранцами. *О.Е. Фролова* обратилась к теме некорректного речевого воздействия на материале анализа интервью политконсультанта Г. Павловского, данного журналистке И. Шихман. *Ю.А. Шахмайкина* выступила с сообщением «Самокоррекция говорящего в жанре интервью». *Е.В. Щенникова* представила доклад «Элементы рекламного жанра в именах медиафайлов с противоправным контентом».

Таким образом, в ходе «Ломоносовских чтений-2021» на филологическом факультете Московского университета прозвучало более 150 докладов, посвященных актуальным вопросам филологических наук.

Поступила в редакцию 10.02.2022

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 10.02.2022

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРАХ

Ремнёва Марина Леонтьевна — доктор филологических наук, профессор, президент филологического факультета, зав. кафедрой русского языка МГУ имени М.В. Ломоносова, m.l.remneva@mail.ru

Белавина Екатерина Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова, kat-belavina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Marina Remneva — Prof. Dr., President of the Faculty of Philology, Head of the Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, m.l.remneva@mail.ru

Ekaterina Belavina — PhD, Associate Professor, Department of French Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, kat-belavina@yandex.ru

ОТЧЕТ О ЮБИЛЕЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКИ

Л.В. Красильникова, А.С. Евтихиева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, likras@mail.ru; eva07.09@mail.ru

Аннотация: Статья информирует о Международной научной онлайн-конференции «РКИ: вчера, сегодня и завтра», посвященной 70-летию преподавания РКИ в стенах Московского университета и 30-летию кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета.

Ключевые слова: МГУ; русский как иностранный; юбилейная международная конференция

Для цитирования: Красильникова Л.В., Евтихиева А.С. Отчет о юбилейной конференции РКИ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 219–223.

REPORT ON THE CONFERENCE HELD TO MARK THE ANNIVERSARY OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Lidia Krasilnikova, Anna Evtihieva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, likras@mail.ru; eva07.09@mail.ru

Abstract: The article informs about the online international academic conference *Russian as a Foreign Language: Yesterday, Today and Tomorrow* dedicated to the 70th anniversary of teaching Russian as a foreign language at Lomonosov Moscow State University and the 30th anniversary of the Russian Language Department for Foreign Students of the Faculty of Philology.

Key words: MSU; Russian as a foreign language; anniversary; international conference

For citation: Krasilnikova L.V., Evtihieva A.S. (2022) Report on the conference held to mark the anniversary of teaching Russian as a foreign language. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 219–223.

На состоявшейся 26 ноября 2021 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова Международной конференции выступило 100 участников, в том числе из Австрии, Испании, Италии, Ирана, Южной Кореи, Кипра, КНР, включая Тайвань, Мексику, Польшу, Португалию, США, Чехию.

С приветствием к участникам конференции обратился и.о. декана филологического факультета проф. А.А. Липгарт.

С видеопоздравлениями выступили *Ван Шуань*, доц. каф. рус. яз. и лит-ры Пекинского ун-та, *Иван Роберто Сьерра Медел*, дипломат (Мексика); *Чанг Чжуй Ченг*, директор Русского центра Гос. Ун-та Чжэнчжи в Тайбее, преп. ф-та славистики (Тайвань, Китай); *Энрике Ф. Керо Хервилья*, декан ф-та устного и письменного перевода, директор Русского центра фонда «Русский мир» в Гранаде (Испания).

А.С. Евтихьева зачитала поздравительные письма *Дастамуз Саиде*, доцент в ун-те Аль-Захра (Иран); *Джаяйнти Датта*, преп. Лиссабонского ун-та (Португалия); *Хан Сен Хо* (Южная Корея); *Ференца Листа* (Австрия). Участников конференции поздравила *Г.И. Власова*, зав. каф. филологии Казахстанского филиала МГУ.

С мемориальными сообщениями выступили проф. *С.А. Хавронина* (РУДН), *Войтек Павел Сосновски* (Варшавский гос. ун-т, Институт славистики ПАН), *Г.В. Москвин* (МГУ). Проф. *В.В. Каверина* продемонстрировала, в частности, фотографии преподавателей первой кафедры РКИ в МГУ.

На пленарном заседании *Л.В. Красильникова* обратилась к истории преподавания в МГУ рус. яз. иностранным учащимся филологического профиля; *Л.П. Клобукова* рассказала о становлении, современном состоянии и перспективах теории и методики профессионально ориентированного обучения РКИ; *М.Н. Шутова* (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина) — о трудных аспектах обучения подвижному ударению на материале «Пособия по обучению русскому ударению». *Рафаэль Гусман Тирадо* (Гранадский ун-т, член президиума МАПРЯЛ), поздравив всех с юбилейными датами, рассказал о мультимедийных ресурсах своего ун-та по рус. литературе для испаноговорящих. *О.И. Руденко-Моргу*н (РУДН) обратилась к актуальным проблемам онлайн-обучения РКИ, в частности, к типам интеллектуальных собеседников. *О.И. Глазунова* (СПбГУ) высоко оценила вклад преподавателей МГУ в разработку методики преподавания РКИ (грамматический аспект). *И.В. Ружицкий* раскрыл различные аспекты работы над формированием «русской культурной памяти» в иностранной аудитории. *В.С. Елистратов* отметил объединяющую роль РКИ в межкультурной коммуникации.

В ряде докладов секции «Лингводидактическое описание рус. яз. в целях его преподавания в иностранной аудитории» рассматривались проблемы грамматики языка и грамматики речи. В докладе *Ф.И. Панкова* «Есть ли такая часть речи — категория состояния?» последовательно обосновывался отрицательный ответ на поставленный вопрос. *М. Саккини* описал особенности семантики глагольной приставки *про-* в совр. рус. яз. и в итальянском переводе. *В.Г. Фатхутдинова* представила структурно-функциональные разновидности залоговых корреляций в практике преподавания РКИ. *А.В. Сапунова* говорила о дискретности и номинации множества лиц. *В.А. Кузьменкова* рассмотрела вопросы грамматики в диахроническом аспекте и прагматическую направленность «Российской грамматики» *М.В. Ломоносова*.

Вопросам грамматики речи посвятили доклады *О.К. Грекова*, описавшая морфологические и синтаксические особенности северо-восточного русско-китайского пиджина, и *Ван Си*, предложившая рассматривать многословные междометия на уровне высказывания («Вот это да!»).

Были затронуты современные лингводидактические проблемы. *О.М. Сергеева* рассказала об изучении простого предложения на уроках РКИ. *Е.М. Маркова* раскрыла тему синтагматических связей слов в коммуникативно-ориентированном обучении РКИ. *М.М. Верейтинова* проанализировала концепции создания универсальной системы заданий по овладению терминологической лексикой (подъязыки педиатрии и кардиологии). *Т.Е. Чаплыгина* сообщила о тема-рематической организации предложений с предикатами цветообозначения в лингводидактическом аспекте. Доклад *Е.Я. Титаренко* посвящён «методической аспектологии»: взгляду на категорию вида глагола сквозь призму фазовости. *Л.А. Нестерская* представила материал актуализации лексики в совр. языковой ситуации в контексте преподавания РКИ. *А.Е. Евграфова* говорила о представлении нормы и системы рус. яз. в иностранной аудитории и в современной лексикографической практике.

Рассматривались вопросы текста и его роли в преподавании РКИ. Доклад *Тан Чжэнь* касался использования на занятиях текстов в жанре научно-популярного очерка, доклад *А.В. Петрухиной* — адаптации текстов медицинского профиля. Вопросам словарей, их создания и использования в иностранной аудитории посвящены доклады *И.Р. Матишишиной* (словарь полифункциональных компаративов) и *Д.В. Кажуро* (учебный словарь интернациональной лексики). Вопросы коммуникативного анализа звучащей речи рассмотрены в докладах *С.С. Хромовой* и *О.В. Чаловой*. Коммуникативно-функциональный анализ — тема докладов *И.А. Антоновой* (средства выражения оценки), *А.А. Коростылёвой* (семантика жеста), *Христо Марии* (средства авторизации), *В.В. Слепченко* и *Р.А. Кульковой* (использование неалфавитных графических знаков рус. и корейского языков), *Е.В. Моргуновой* и *Н.О. Сорокиной* (разработка и использование дистанционного вводно-фонетического курса).

На секции «Современные тенденции развития методики преподавания РКИ» рассматривалось использование информационно-коммуникационных технологий, в том числе и во внеаудиторной работе. По мнению *Г.Е. Кедровой*, данные исследований речевого поведения в мультимедийном полиэтническом мультязыковом социальном-сетевом пространстве позволяют высоко оценить дидактический потенциал социальных сетей. В докладе *О.Б. Ермаковой* рассматривались популярные системы дистанционного обучения Moodle и Google Class, в докладе *Е.Ю. Николенко* речь шла об использовании интернет-платформ в самостоятельной работе учащихся. Доклад проф. Варшавского ун-та *Людмилы Шипелевич* был посвящён анализу средств онлайн-обучения РКИ.

Е.Л. Бархударова обратилась к первым национально ориентированным пособиям по рус. звучащей речи, созданным в МГУ. *О.П. Быкова*, *М.А. Мартынова* и *Н.Н. Сусакова* представили книгу для магистрантов и аспиран-

тов «Педагогические этюды: от теории к практике (читаем, размышляем, обсуждаем)». В докладе *В.А. Марковой* говорилось о необходимости усилить прагматическую составляющую в курсе РКИ на продвинутом этапе обучения.

В докладе *Т.Е. Владимировой* был раскрыт лингводидактический потенциал концепции Ю.Н. Караулова о языковой личности. Коммуникативные и языковые параметры «компетентного пользователя языком» определены и охарактеризованы *Л.Н. Некрасовой* и *Л.Н. Норейко*. Способы формирования коммуникативной компетенции иностранных военнослужащих рассматривались в докладе *С.И. Холод*. *Дастамуз Саиде* осветила процесс подготовки к сертификационному тестированию по РКИ в Ун-те Аль-Захра (Иран, Тегеран). Преподаванию лингвокультурологии в Казахском филиале МГУ посвятила свое выступление *М.А. Брянская*. *Е.А. Федотова* остановилась на ключевой роли диалога культур на примере обучения студентов-италофонов. Особенности преподавания рус. яз. в лингвистических лицеях и профессиональных школах Италии проанализировала *Лара Бенеджамо*. Проблемы обучения испаноговорящих учащихся рус. произношению рассмотрены в докладе *Энрике Керо Хервилья*. На примере курса «Русский язык — элементарный уровень» Пекинского ун-та *Лю Мяо* продемонстрировала необходимость интеграции сетевых и технических ресурсов в процесс дистанционного обучения. *Якуб Конечны* провел сопоставительный анализ учебных пособий по РКИ, созданных в Чешской Республике. Систему обучения аудированию аутентичных лекций, реализованную в учебном комплексе «Слушаем лекции по теории и истории литературы» представила *Е.А. Кузьминова*. *В.М. Касьянова* предложила способы устранения и предотвращения наиболее частотных ошибок иностранных учащихся в электронных письмах, адресованных преподавателям. *Е.С. Абрамова* дала рекомендации по подбору и созданию иллюстративных учебных материалов по РКИ.

В секции «Лингвокультурологические аспекты изучения и преподавания рус. языка и литературы» было заслушано сообщение *И.В. Баданиной* об обучении иностранных учащихся употреблению рус. личных имен. *Е.В. Балдина* охарактеризовала актуальные тенденции в изучении и преподавании рус. лит-ры в ун-тах Южной Кореи. Ключевые аспекты в обучении монгольских стажеров лексике на материале фольклорных текстов сформулировала *З.С. Бальчинова*. *Н.А. Боженкова* описала зевгму, парцелляцию и иронию в качестве вербальных конструкций российской политической логосферы. Особенности «женского мира» в романе «Рудин» И.С. Тургенева и его изучение в китайской аудитории прокомментировала *М.А. Бороздина*. *С.А. Вишнякова* подчеркнула важность духовно-нравственных аспектов воспитания учащихся в лекционном курсе «Русский язык и культура речи». Работа с художественным текстом как средством обучения иностранному языку описана в докладе *П.Ю. Гуревича*. *А.А. Жукова* представила типологию заданий для иностранцев, знакомящихся с рус. рэпом. На примере рассказа «Стёпка» *О.В. Зубова* определила специфику работы с текстами В. Шукшина на семинарах по РКИ.

Д.В. Колесова обратилась к жанру короткометражного кино как к недооцененному кладезю лингвокультурологической информации. *П.Б. Котикова* проанализировала стилистические особенности автобиографической прозы Э. Лимонова. О научной школе в МГУ «Лингвостилистический анализ художественного текста» рассказала *А.Г. Лилеева*. Языковые особенности и функции вставных эпизодов в романе Д. Гранина «Она и все остальное» описала *Н.В. Малинина*.

Э.У. Омакаева подчеркнула значимость изучения рус. пословичных текстов в китайской и монгольской аудиториях. О важности изучения культуры и ее кризисных состояний на занятиях с магистрантами гуманитарных факультетов говорила *Е.А. Старикова*. *А.А. Прокубовский* продемонстрировал, как использовать произведения русской живописи (И.Е. Репин) на занятиях РКИ. О диминутивах в произведениях А.П. Чехова рассказала *А.А. Сафронова*. *О.В. Чагина* проанализировала народную речь в повести «Лето Господне» И.С. Шмелева. *И.И. Яценко* предложила использовать паттерны при работе с русским художественным текстом в инокультурной аудитории.

На закрытии конференции было подчеркнуто, что опыт 70-летнего преподавания РКИ в МГУ является неисчерпаемым источником лингвометодических и лингвокультурологических идей для нынешних и будущих поколений преподавателей.

Поступила в редакцию 10.02.2022

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 10.02.2022

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРАХ

Красильникова Лидия Васильевна — доктор педагогических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, likras@mail.ru

Евтихиева Анна Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, eva07.09@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Lidia Krasilnikova — Ed.D., Assoc. Prof., Head of the Department of Russian Language for Foreign Students of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, likras@mail.ru

Anna Evtihieva — PhD, Assoc. Prof., the Department of Russian Language for Foreign Students of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, eva07.09@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАСЛЕДИЕ ТРУДОВ Ю.В. РОЖДЕСТВЕНСКОГО В XXI веке — К 95-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЮРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА (1926–1999)»

Л.А. Чижова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, lachizhov@yandex.ru

Аннотация: Международная конференция «Наследие творчества Ю.В. Рождественского в XXI веке — к 95-летию Юрия Владимировича Рождественского» состоялась 10 декабря 2021 г. на филологическом факультете Московского университета и собрала более 40 ученых из Москвы, Московской области, Красноярска, Нальчика, Элисты, а также Австралии и Китая. Обсуждались актуальные вопросы общего языкознания в современном информационном обществе, риторика, вопросы образования и педагогики, взаимосвязь языка и культуры.

Ключевые слова: научная конференция; общее языкознание; риторика; типология текстов; информационное общество; образование

Для цитирования: Чижова Л.А. Международная конференция «Наследие трудов Ю.В. Рождественского в XXI веке — к 95-летию со дня рождения Юрия Владимировича (1926–1999)» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 224–229.

THE HERITAGE OF YU.V. ROZHDESTVENSKY'S WORKS IN THE 21ST CENTURY — TO YURI VLADIMIROVICH ROZHDESTVENSKY'S 95TH ANNIVERSARY

Larisa Chizhova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, lachizhov@yandex.ru

Abstract: The International Conference *The heritage of Yu.V. Rozhdestvensky's works in the 21st century. To Yuri Vladimirovich Rozhdestvensky's 95th anniversary* was held at Moscow University, Faculty of Philology, on 10 December 2021. It gathered over 40 scholars from Moscow, the Moscow region, Krasnoyarsk, Nalchik, Elista, as well as Australia and China. It covered topical issues of general linguistics in the modern information society, rhetoric, issues of education and pedagogy, the relationship between language and culture.

Key words: scientific conference; general linguistics; rhetoric; texts typology; information society; education

For citation: Chizhova L. (2022) The heritage of Yu.V. Rozhdestvensky's works in the 21st century — to Yuri Vladimirovich Rozhdestvensky's 95th anniversary. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 224–229.

10 декабря 2021 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная конференция «Наследие трудов Ю.В. Рождественского в XXI веке — к 95-летию со дня рождения Юрия Владимировича Рождественского (1926–1999)». В конференции приняли участие более 40 исследователей из различных вузов и научно-исследовательских учреждений России, Австралии и Китая. Конференция была проведена в режиме интернет-конференции.

Конференцию открыл и.о. декана филологического факультета МГУ, профессор *Андрей Александрович Лингарт*, охарактеризовавший работу кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания в период с 1972 по 1997 г. под руководством проф. Ю.В. Рождественского: именно тогда были восстановлены традиции наследия российских ученых в понимании сферы общего языкознания и истории лингвистических учений, введены курсы «Введение в общую филологию» и риторики.

На пленарном заседании было представлено семь докладов.

Александр Александрович Волков (д.ф.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) — «Девяносто пять лет Юрию Владимировичу Рождественскому» — проанализировал этапы научного пути Ю.В. Рождественского: китаеведение, типология, общая филология, риторика, культурология и педагогика.

Владимир Иванович Аннушкин (д.ф.н., проф., Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва) — «Ю.В. Рождественский-русист о развитии современного русского языка» — привлек внимание к новаторским идеям Ю.В. Рождественского по переустройству языкового воспитания, чтобы учащийся отвечал за смысл своей речи, владел речевой этикой. Особо важны проект Словаря-тезауруса терминов общего образования, совершенствование русской документной системы.

Выступление *Александра Павловича Лободанова* (д.ф.н., проф., декан факультета искусств МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «Семиотическая концепция Ю.В. Рождественского» вызвало большой интерес среди участников конференции. В докладе рассматривалась семиотическая теория Ю.В. Рождественского как основа лингвистической теории для описания информационного общества, приведен пример плодотворного развития семиотической концепции Ю.В. Рождественского в искусствоведении. Посредством знаковых систем искусств создается, сохраняется и передается эстетическая информация как исторически значимая часть национального наследия.

Сообщение *Ларисы Алексеевны Чижовой* (к.ф.н., доц., и.о. зав. кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «Эволюционная функционально-семиотическая типология текстов — наследие Ю.В. Рождественского и современность» вызвало также большой интерес и связано с анализом семиозиса, типологии

текстов при учете влияния культурных, социальных, технологических изменений в обществе. Особое значение приобретает ответственность филологии и филологов для поддержания преемственности национальной культуры.

Три пленарных доклада были посвящены вопросам риторики — важной части наследия Ю.В. Рождественского.

Наталья Николаевна Германова (д.ф.н., проф., Московский государственный лингвистический университет, Москва) в сообщении «Появление новых фактур речи как веха в истории нормирования языка» рассмотрела изменение нормализационных практик в связи с формированием новых фактур речи, что приводит к «разрыву» между кодифицированными нормами и общественно-речевой практикой.

О необходимости формирования новых компетенций в речевой деятельности человека в современной медиасреде говорилось в докладе *Людмила Казимовны Салиевой* (к.ф.н., доц., факультет мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «Роль современной риторики Ю.В. Рождественского в построении компетентного общества». В понимании информационно-граммотности человека Ю.В. Рождественский включал формирование культурной компетенции и межкультурной компетенции, а также формирование аналитической и критической компетенции у современного человека.

Валерия Владимировна Смолененкова (к.ф.н., доц., филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) — «Филология и словесность будущего: прогноз на основании законов речи Ю.В. Рождественского» — анализировала следующий этап развития речи массовых коммуникаций — трехмерные изображения сообщений.

После пленарного заседания работа конференции продолжалась на заседаниях трех секций: «Семиотические аспекты коммуникации и культуры», «Языки и культуры: устойчивость, изменчивость, взаимодействие» и «Риторическая школа Ю.В. Рождественского. Теория фактур речи и типология жанров и видов словесности». В докладах была представлена различная тематика: вопросы изучения прагматического воздействия текста, риторики изучения текстов в системе классификации родов и видов словесности Ю.В. Рождественского, соотношение устного и письменного узуса в современном обществе, проблемы формирования нормы, изучения влияния культуры, а также вопросы изучения китайского языка и культуры в наследии Ю.В. Рождественского.

Большинство докладов на секциях были посвящены анализу риторики как части наследия Ю.В. Рождественского.

Константин Геннадьевич Красухин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН) — «Античная риторика и теория речевых актов» — рассмотрел основные положения риторики, ее ключевые термины и разделы, установленные античными авторами, и отметил вклад в развитии риторики Ю.В. Рождественского, создавшего свою школу.

Олег Олегович Бурдюг (Николао-Угрешская духовная семинария, Дзержинский) — «Книга всекрасного златословия» иеродиакона Козмы Афо-

ноиверского 1710 г.: духовно-нравственное содержание учебника риторики» — говорил о системе духовно-нравственного воспитания в начале XVIII в., когда Россия столкнулась с острой проблемой определения культурно-ценностной ориентации.

Сообщение *Ольги Эдуардовны Хазановой* (к.ф.н., доц., Институт иностранных языков Московского педагогического государственного университета, Москва) «Фактуры речи Юрия Рождественского и speech technologies Маршалла Маклюэна: аксиологические аспекты» было посвящено сопоставлению антропоцентричной концепции Ю.В. Рождественского при формировании понятия «фактура речи» и позиции Маршалла Маклюэна при изучении медиа — при подчеркивании содержательной стороны фактур речи в работах Ю.В. Рождественского.

Полина Павловна Артемьева (филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) — «Социальная значимость принципа семантической информации» — на примере сформулированных Генеральной ассамблеей ООН целей устойчивого развития представила анализ деятельности общественных и благотворительных организаций на примере анализа поликодовых текстов.

Надежда Леонидовна Грейдина (д.ф.н., проф., Университет Маккуори, Сидней) в докладе «Классическая риторика и манипуляторные технологии» представила контекстный анализ медийных текстов, анкетирования, ассоциативного эксперимента, тестирования с политических и социокультурных позиций, рассказала о практике преподавания русского языка и риторики в Университете Маккуори (Австралия).

Связь стиля и культуры — в центре внимания доклада *Александра Викторовича Блинова* (к.ф.н., доц., филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «Культура и стиль в лингвофилософском освещении»: «антикультура» и «контркультура» противопоставлены общепринятой укорененной традиции в культуре, возникают новые стили при сопоставлении с эталоном национальной культуры.

Доклад *Ирины Васильевны Баданиной* (к.ф.н., доц., филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «Лексико-семантическая и словообразовательная активность русских терминов родства в свете соотношения узуса и письменности» был посвящен анализу лексико-семантической группы родства, по материалам двух толковых словарей русского языка, с целью рассмотрения тенденций развития семантики лексем в связи с социальными процессами.

Вопросам самоидентификации представителей подрастающего поколения в многонациональном городе было посвящено выступление *Ольги Владимировны Синевой* (к.ф.н., доц., филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «Проявление самоидентичности в дискурсе московских школьников-билингвов (по материалам эссе)». При опоре на позицию Ю.В. Рождественского о системе ценностных ориентиров был проведен анализ эссе московских школьников с целью выявления соотношения бикультурности и этнической самоидентификации школьников-билингвов.

Вячеслав Глебович Курприянов, поэт, ученик Ю.В. Рождественского (член Союза писателей России, Москва), в сообщении «Верлибр и фактура речи», при опоре на концепцию Ю.В. Рождественского, анализировал внутренний смысловой метр в жанре современного верлибра.

Часть докладов были объединены общей тематикой лингвистического обеспечения постиндустриального общества — инициативе Юрия Владимировича Рождественского по созданию терминологических словарей.

Оксана Анатольевна Волошина (к.ф.н., доц., филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) посвятила сообщение «Проект словаря-тезауруса терминов в научно-методическом наследии Ю.В. Рождественского» анализу проекта составления словаря-тезауруса терминов для системы школьного образования.

В докладе *Аниты Карловны Соболевой* (к.ф.н., доц., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва) «Термины права: попытка анализа в свете культурологических идей профессора Ю.В. Рождественского» представлена попытка рассмотреть специальную терминосистему в юриспруденции в соответствии с концепцией семиотики культуры в наследии Ю.В. Рождественского.

Два выступления на конференции были связаны с синологией, поскольку важное место в формировании позиции Ю.В. Рождественского как ученого, филолога, занимало изучение языка и культуры китайского народа.

В докладе *Марии Яковлевны Каплуновой* (к.ф.н., н.с., Институт языкознания РАН) «Вклад Ю.В. Рождественского в развитие отечественной синологии» был представлен анализ проблемы выделения частей речи в китайском языке в важный для развития советской китайистики период — с 1960-х годов по 1991 г.: объединение подходов к вопросу о форме слова в китайском языке европейских и китайских лингвистов.

Важная роль иероглифа в формировании и развитии китайской письменности и филологии анализировалась в сообщении *Лин Ли* (филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «Иероглиф — источник визуальных образов китайской культуры». Создание иероглифической письменности формировало национальную языковую картину мира в семиотической системе письменных знаков.

После окончания работы трех секций участники конференции подвели итоги и наметили направления развития проблематики наследия Ю.В. Рождественского.

Участники конференции поблагодарили руководство филологического факультета МГУ, членов кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания, редакционную комиссию за хорошую организацию конференции и выразили надежду, что такая инициатива будет продолжена в дальнейшем.

Поступила в редакцию 10.02.2022

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 10.02.2022

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Чижова Лариса Алексеевна — кандидат филологических наук, доц., и.о. зав. кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова, lachizhov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Larisa Chizhova — PhD, Head of the General Linguistics Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, lachizhov@yandex.ru

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ
МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ — XIV. НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ДМИТРИЯ
ЕВГЕНЬЕВИЧА АФИНОГЕНОВА (28.08.1965–28.08.2021)»**

А.И. Солопов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, scatebr@mail.ru

Аннотация: Во Всероссийской научной конференции «Классическая филология в контексте мировой культуры — XIV. Научные чтения, посвященные памяти профессора Дмитрия Евгеньевича Афиногенова (28.08.1965–28.08.2021)» приняли участие 28 исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми и Сергиева Посада. Рабочими языками конференции были русский, латинский и древнегреческий. Тематика конференции, посвященной памяти профессора Д.Е. Афиногенова, охватила широкий круг проблем византиноведения, классической филологии, лингвистики, античной философии, патрологии, литургики, рецепции античной литературы, методологии науки.

Ключевые слова: классическая филология; византиноведение; история античной литературы; древние языки; Д.Е. Афиногенов

Для цитирования: Солопов А.И. Всероссийская научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры — XIV. Научные чтения, посвященные памяти профессора Дмитрия Евгеньевича Афиногенова (28.08.1965–28.08.2021)» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 230–234.

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
'CLASSICS IN THE CONTEXT OF THE WORLD CULTURE —
XIV. IN MEMORIAM PROFESSOR D.E. AFINOGENOV
(28.08.1965–28.08.2021)'**

Alexei Solopov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, scatebr@mail.ru

Abstract: The All-Russian Conference *Classics in the context of the world culture — XIV, In memoriam Professor D.E. Afinogenov* (28.08.1965–28.08.2021) held at Moscow University, Faculty of Philology, on 10–11 December 2021, was dedicated to the memory of Professor D.E. Afinogenov, prominent byzantinist, classicist, and brilliant translator. The conference gathered 28 scholars from Moscow, Saint Petersburg, Perm, and Sergiev Posad to discuss the issues of history of Byzantine

and classical literature, patrology, grammar of Latin, lexicology and classical toponymy, reception of Classical literature. Special attention was paid to Greek poetry of D.E. Afinogenov. Working languages of the conference were Russian, Latin and (unprecedentedly) Ancient Greek. All the materials of the conference are now accessible via Internet.

Key words: Classics; Byzantine literature; conference; D.E. Afinogenov; classical literature; Latin language; Ancient Greek language

For citation: Solopov A. (2022) All-Russian scientific conference 'Classics in the context of the world culture — XIV. In memoriam professor D.E. Afinogenov (28.08.1965–28.08.2021)'. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 230–234.

10–11 декабря 2021 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Всероссийская научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры — XIV. Научные чтения, посвященные памяти профессора Дмитрия Евгеньевича Афиногенова (28.08.1965–28.08.2021)». Конференция стала данью памяти выдающегося византиноведа, филолога-классика, переводчика Д.Е. Афиногенова, безвременно ушедшего в августе 2021 г. В конференции приняли участие 28 исследователей из различных вузов и научно-исследовательских учреждений Москвы, Петербурга и Перми (МГУ, СПбГУ, ПермГУ, ИВИ РАН, ИМЛИ РАН, ВШЭ, МГПУ), а также из Московской Духовной Академии (г. Сергиев Посад). Конференция, призванная отразить широту научных интересов Д.Е. Афиногенова, объединила византиноведов, специалистов по классической филологии, по романской филологии, богословию, истории русской литературы и языкознанию. Отдельное внимание было уделено поэтическому творчеству Д.Е. Афиногенова на древнегреческом языке. Конференция была проведена в режиме интернет-конференции.

Конференцию открыл зав. кафедрой классической филологии МГУ, профессор А.И. Солопов, выступивший с кратким обращением к участникам конференции.

Значительная часть выступлений касалась главной сферы научных штудий Д.Е. Афиногенова — истории византийской литературы. При этом в трех сообщениях были представлены результаты исследований, начатых совместно или при активном участии Д.Е. Афиногенова, а также в заложенном им направлении.

А.А. Россиус в докладе «Латинско-греческий глоссарий в рукописи Syn. Gr. 492 (Vlad. 434)» подчеркнул уникальность лексикона, сохранившегося в рукописи Syn. Gr. 492 (Vlad. 434), для реконструкции бюрократического порядка Византийской империи и для истории языковой эволюции в средневековом греческом мире. В сообщении А.В. Муравьёва (ИВИ РАН) «Значение грузинского перевода Георгия Амартола (Монаха) для реконструкции «Хроники» было показано, что в отдельных эпизодах грузинского перевода хроники Георгия Амартола сохранились следы первоначальных версий хроники. Л.В. Луговицкий (ВШЭ) в выступлении

«Анонимное житие Михаила Синкелла как полифонический эксперимент» предложил новую трактовку образности и идейной направленности жития Михаила Синкелла.

Три доклада были посвящены различным аспектам византийской литературы. *Свящ. Михаил Желтов* (МДА) — «Авторство *Historia Ecclesiastica Mystica*: к вопросу об одной из крупнейших мистификаций в исследованиях средневизантийской патрологии» — рассмотрел историю текста важнейшего византийского комментария на Божественную литургию — *Historia Mystagogica Ecclesiastica* («Сказание церковное»). *О.В. Смыка* (МГУ) — «Севастократор Исаак Комнин. Молитва Богородице» — представила свой перевод стихотворения Исаака Комнина (1093 — после 1152) «Молитва Богородице». В докладе *Т.Л. Александровой* (ИМЛИ РАН) «Солярная эмблематика в эпических панегириках Присциана, Павла Силенциария и Кориппа» был рассмотрен мотив уподобления императора солнцу, характерный как для греческой, так и для латинской константинопольской поэзии VI в.

Поэтическому наследию Д.Е. Афиногенова было посвящено выступление *Т.Г. Давыдова* (МГУ) на греческом языке «*Περὶ τῶν Δημητρίου Ἀθηνογενεῖαοῦ ποιημάτων τῶν Ἑλληνιστὶ γεγραμμένων*». В докладе представлен анализ метрических и языковых особенностей древнегреческих поэтических сочинений Д.Е. Афиногенова и идентифицированы адресаты ряда эпиграмм.

На конференции не остались без внимания проблемы богословской терминологии и истории богословской мысли. *А.Ю. Братухин* (ПермГУ) в сообщении «Поливариантность экзегетических гипотез Климента Александрийского» рассмотрел оформление разных вариантов понимания библейских фраз у Климента Александрийского. *Игумен Дионисий (Шлёнов)* (МДА) выступил с докладом «Термины ἡδονή «удовольствие / наслаждение» и λύπη «печаль» в корпусе сочинений прп. Симеона Нового Богослова и их основные значения». *О.М. Савельева* (МГУ) — «Мотив воспитания в Беседе III свт. Василия Великого» — показала, что тематика и трактовка Беседы III, основанные на христианской интенции, имеют четкое соотношение с системой греческой пайдеи.

Часть выступлений была посвящена традиционным вопросам интерпретации текстов античных авторов.

В выступлении *Э.В. Янзиной* (МГУ) и *О.В. Корнеева* (МГПУ) на греческом языке «*Περὶ τῶν παρὰ Πολυδεῦκεϊ ἀγωνιστικῶν ὀνομάτων* (Ὀνομαστικῆς γ' 149–150, 155)» было предложено истолкование трех пассажей из первого понятийного словаря древнегреческого языка, составленного лексикографом и ритором II в. до н.э. Юлием Поллуксом. *О.С. Павлова* (МГУ) — «*Verg. geo. III 311–313: историко-филологический комментарий*» — предложила новую интерпретацию выражения *miseris uelamina nautis* в указанном месте «Георгик» Вергилия.

Проблемам критики текста был посвящен доклад *И.Р. Гимадеева* (МГУ) «О конъектуре “*medicumque*” к рукописному чтению “*mihi sumque*” у Горация (Ног. с. I 32, 15)», в котором были приведены аргументы в пользу рукописного чтения *mihi sumque* в одном из спорных мест оды Горация I 32.

В ряде выступлений рассматривалась семантика отдельных лексем и греко-римская топонимия. *А.В. Подосинов* (МГУ, ИВИ РАН) — «О древних названиях Херсонеса» — показал, что употребляемые Плинием Старшим (Plin. n.h. IV 85) названия Херсонеса Таврического (Мегарика, Гераклея и Херсонес) являются не отдельными самостоятельными топонимами, а уточняющими эпитетами — Херсонес Гераклеяский и Мегарский. Доклад *О.Ю. Школьниковой* (МГУ) «Дихотомия «дух-душа» в лексической репрезентации: от древних языков к современным» был посвящен перераспределению функции выражения абсолютно-отрицательного и абсолютно-положительного значения времени между «потомками» латинских наречий *numquam*, *umquam*, *iam* и *semper* в романских языках, связанному с дистрибуцией контекста. *А.Ю. Виноградов* (ВШЭ) в сообщении «Необычные значения греческих слов в надписях с окраины ойкумены: Мачхомери в Лазике» представил анализ новонайденных греческих надписей из крепости Мачхомери в Западной Грузии, сохранившей самое большое число греческих надписей в Закавказье. В докладе рассматривались нестандартные значения греческих слов *παραθήκη*, *συνοβία*, *κατοίκησις*.

Три доклада касались вопросов грамматики латинского языка.

А.И. Солопов (МГУ) в выступлении на латинском языке “*De sermone Latino iuris consultorum saec. a II ad VI p. Chr. n., quatenus ex Codice Iustiniano elucet, cum Latinitate optimorum scriptorum comparato adnotationes*” рассмотрел некоторые грамматические особенности латинского языка «Кодекса Юстиниана», а именно употребление индикатива вместо конъюнктива в косвенном вопросе и в предложениях с *cum causale*. *Е.В. Желтова* (СПбГУ) — «К вопросу о грамматическом статусе *faxo* у Плавта» — представила анализ некоторых случаев употребления сигматического футурума *faxo* у Плавта, в которых он утратил свое первоначальное значение глагола действия или каузатива и стал маркером эпистемической модальности (= *certo*) или инференциальной эвиденциальности (= *forsitan*). В докладе *А.А. Алексеевой* (МГУ) «Особенности употребления указательных местоимений *hic* и *ille* и их роль в оформлении медицинских рекомендаций в трактате Цельса “О медицине”» было показано, что в трактате Цельса местоимение *hic* употребляется главным образом в выражениях, указывающих на конец раздела о лечении и профилактике какого-либо заболевания, в то время как *ille* маркирует начало нового раздела в тексте медицинских рекомендаций.

На конференции было уделено внимание истории античной литературы. *А.М. Потапова (Квитка)* (МГУ) «Главк как божество-толкователь в эпосе Аполлония Родосского “Аргонавтика”» рассмотрела поэтику речи морского божества Главка как «толкователя» божественной воли в «Аргонавтике» Аполлония Родосского.

В центре внимания трех докладов были проблемы античной философии, античной музыки и археологии.

И.С. Тимофеев (МГУ) в выступлении «Четвертая часть души согласно Эпикуру и Лукрецию (на материале эпикурейской терминологии в поэме “О природе вещей”» рассмотрел способы описания Лукрецием частей

души (*partes animai, multae uis, potestas*), которые в основном коррелируют с материалом доксографии (где этим выражениям соответствует термин *στοιχείον*). В докладе *Н.А. Алмазовой* (СПбГУ) «Содержание и назначение многоглавого нома» предпринята попытка реконструкции многоглавого нома — инструментального произведения для авла, упоминаемого в источниках начиная с классической эпохи. *Е.В. Приходько* (МГУ) в сообщении «К вопросу о датировке героона Троконда второго в Китанаврах» предложила новую датировку усыпальницы Троконда II в некрополе Китанавр.

В ряде выступлений нашли отражение вопросы рецепции античной литературы.

Д.П. Ивинский (МГУ) — «Аттис и Катилина: к интерпретации замысла поэмы А.А. Блока “Двенадцать”» — предпринял опыт реконструкции первого неосуществленного замысла развязки революционной поэмы. *Т.Ф. Теперик* (МГУ) в сообщении «Рецепция античности в драматургии XX века: проблемы поэтики» на примере пьес Ж. Жироду рассмотрела различные виды рецепции в литературе. В докладе *В.Ю. Лукасик* (МГУ) «“Я еще не родился, когда строили Трою”: о перцепции фигуры Меркурия в XIV веке» предпринята попытка проанализировать образ Меркурия в сюжете о яблоке раздора, изложенном Гильомом де Машо (1300–1377) в его сочинении «Любовный источник».

Актуальные проблемы преподавания классических дисциплин и методологии науки обсуждались в выступлении *М.Н. Славятинской* (МГУ) «О сборнике профессиональных предметных указателей для филологов-классиков».

Конференция собрала широкую аудиторию слушателей: студентов, аспирантов и преподавателей из различных городов нашей страны и из-за рубежа (Великобритании, Германии, Италии). Фотоотчет о конференции и видеозапись можно найти на сайте и на Youtube-канале кафедры классической филологии МГУ.

Поступила в редакцию 10.02.2022

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 10.02.2022

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Солопов Алексей Иванович — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, scatebr@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexei Solopov — Prof. Dr., Head of the Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, scatebr@mail.ru

ЮБИЛЕИ

АЛЛА ГЕННАДЬЕВНА ШЕШКЕН

С.Н. Мещеряков

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва, pionerskaya@bk.ru*

Аннотация: Текст посвящен 70-летнему юбилею доктора филологических наук, профессора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ведущего научного сотрудника отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН Аллы Геннадьевны Шешкен.

Ключевые слова: МГУ имени М.В. Ломоносова; македонская литература; юбилей; А.Г. Шешкен

Для цитирования: Мещеряков С.Н. Алла Геннадьевна Шешкен // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 235–237.

ALLA SHESHKEN

Sergey Meshcheryakov

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, pionerskaya@bk.ru

Abstract: The paper is devoted to the 70th anniversary of Alla Sheshken, Professor of Lomonosov Moscow State University, leading researcher of the Department of Modern Literature of Central and South-Eastern Europe at the Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

Key words: Lomonosov Moscow State University; Macedonian literature; anniversary; A. Sheshken

For citation: Meshcheryakov S. (2022) Alla Sheshken. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 235–237.

Алла Геннадьевна Шешкен родилась в г. Лепеле Витебской области Белоруссии 30 марта 1952 г. В 1969 г. поступила на славянское отделение филологического факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета. В 1974 г. окончила с высшим баллом отделение сербскохорватского языка и югославских литератур Белградского университета (Сербия). В 1979 г. окончила аспирантуру кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ, а в 1985 г. защитила на той же кафедре кандидатскую диссертацию «Творчество М. Шолохова и литература Юго-

славии (научный руководитель проф. Н.И. Кравцов). В 2008 г. защитила докторскую диссертацию «Македонская литература XX века. Особенности формирования и развития». Заведующий научно-исследовательской лабораторией «Русская литература в современном мире» при филологическом факультете МГУ с 1999 г. Профессор по кафедре славянской филологии филологического факультета МГУ с 2010 г. Член двух диссертационных советов (филологического факультета МГУ и Института славяноведения РАН), член Ученого Совета филологического факультета МГУ.

Преподавательская, исследовательская, научно-просветительская деятельность многогранна (македонская литература и культура, белорусская литература, сравнительно-историческое литературоведение, взаимосвязи зарубежных славянских литератур и культур и русской литературы). Этой тематике посвящено более 20 различных курсов лекций, которые исключительно высоко оценены студентами, магистрантами и аспирантами, и более 200 научных трудов, в том числе главы по истории македонской литературы в изданиях Института славяноведения РАН «История литератур южных и западных славян»(2001), История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны» (2001) и шесть монографий, изданных в России и за рубежом. При этом вклад профессора в российскую литературоведческую славистику связан в первую очередь с исследованием и преподаванием македонской литературы. А.Г. Шешкен заложила основы систематического концептуального изучения и преподавания этой славянской литературы в нашей стране.

Алла Геннадьевна принимала участие в международных съездах славистов, выступала в качестве докладчика и организатора регулярных российско-македонских и российских конференций.

А.Г. Шешкен активно пропагандирует отечественную славистику за рубежом и культуру зарубежных славянских народов в России. Выступала с докладами и лекциями в университетах других стран (Сербии, Македонии, Беларуси). Член редколлегии ряда зарубежных журналов Македонии и Боснии и Герцеговины, входит в состав редколлегии журнала «Стефанос», который издается филологическим факультетом МГУ.

С целью поддержания интереса к славянской культуре А.Г. Шешкен регулярно (с 2011 г.) участвует в Международном фестивале славянской поэзии «Поющие писмена». Она была удостоена высшей награды фестиваля «Хрустальное перо» (2015). Регулярно выступала в СМИ Македонии и Сербии по вопросам изучения и популяризации языка, литературы и культуры этих стран в нашей стране, подчеркивая роль Московского университета.

Разнообразная и плодотворная деятельность А.Г. Шешкен получила широкое международное признание. С 2006 г. она является иностранным членом Македонской академии наук и искусств. За выдающийся вклад в изучение македонской литературы и популяризацию македонской литературы в России Македонская государственная академия наук и искусств присудила ей медаль им. Конесского (2015). В 2021 г. ей было вручено «Радиновское признание», присуждаемое в Республике Северная Маке-

дония за большой вклад в популяризацию македонской литературы и культуры в мире.

Простое перечисление заслуг и достижений Аллы Геннадьевны само по себе свидетельствует о ее высоком авторитете в лаборатории и на кафедре. Если добавить к этому ее постоянную доброжелательность к коллегам и студентам и чувство исключительной ответственности за подчиненных ей сотрудников, то невольно вспоминаются крылатые слова «талантливый человек талантлив во всем».

Ученики и коллеги поздравляют Аллу Геннадьевну с юбилеем и желают ей здоровья и дальнейших творческих успехов!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская и югославские литературы в свете компаративистики. М., 2003.
2. Студии за македонската литература. Скопје, 2005.
3. Македонская литература XX века. Генезис. Этапы эволюции. Национальное своеобразие. М., 2007.
4. Формираньето и развојот на македонската литература. Скопје, 2012.
5. Русская и сербская литературы: штудии по компаративистике. Белград, 2017.
6. Теми за македонската литература XX век. Скопье, 2021.

REFERENCES

1. Russkaja i jugoslavskije literatury v svete komparativistiki. M., 2003.
2. Studii za makedonskata literatura. Skopje, 2005.
3. Makedonskaja literatura XX veka. Genezis. Etapy evolucii. Nacionalnoje svojeobrazije. M., 2007.
4. Formiranjeto i razvoјat na makedonskata literanura. Skopje, 2005.
5. Russkaja i serbskaja literatury: studii po komparativistike. Belgrad, 2017.
6. Temi za makedonskata literatura. Skopje, 2017.

Поступила в редакцию 10.02.2022

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 10.02.2022

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Мещеряков Сергей Николаевич — доцент кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, pionerskaya@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey Meshcheriakov — PhD, Assistant Professor, Department of Slavic Philology, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, pionerskaya@bk.ru

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА ПЛОТНИКОВА

К.И. Комарова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва, Россия, xenia.komarova@gmail.com*

Аннотация: Текст посвящен юбилею доцента Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидата филологических наук Ольги Сергеевны Плотниковой.

Ключевые слова: МГУ имени М.В. Ломоносова; словенский язык; юбилей; О.С. Плотникова

Для цитирования: Комарова К.И. Ольга Сергеевна Плотникова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 238–240.

OLGA PLOTNIKOVA

Ksenia Komarova

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, Russia, xenia.komarova@gmail.com

Abstract: The paper is devoted to the anniversary of Olga Plotnikova, Associate professor of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

Key words: Lomonosov Moscow State University; Slovenian studies; Olga Plotnikova; anniversary

For citation: Komarova K. (2022) Olga Plotnikova. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Philology*, 2, pp. 238–240.

19 февраля 2022 г. отметила славный юбилей доцент кафедры славянской филологии, кандидат филологических наук Плотникова Ольга Сергеевна, главный специалист в области словенистики.

О.С. Плотникова в 1965 г. окончила кафедру славянской филологии по специальности «сербохорватский язык и литература», в том же году поступила в аспирантуру, где по совету своего научного руководителя С.Б. Бернштейна выбрала в качестве основной специализации словенский язык и стала таким образом первым студентом в области словенистики на филологическом факультете. Во время обучения в аспирантуре Ольга Сергеевна проходила стажировку в Белградском и Люблянском университетах. В 1976 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию

«Способы глагольного видообразования и некоторые особенности функционирования видов в современном словенском языке». На кафедре славянской филологии О.С. Плотникова работает с 1968 г. и все свои силы вкладывает в развитие словенистики.

О.С. Плотникова имеет свыше 40 научных публикаций в различных сборниках и журналах, ее авторству принадлежит и первое учебное пособие «Словенский язык», изданное на русском языке, и русско-словенский и словенско-русский словарь. Ольга Сергеевна активно участвует в конференциях, проходящих как в России, так и за рубежом («Славянский мир в настоящем и прошлом» 2018, 2021 г., «Ломоносовские чтения» 2013, 2021 г., «OBDOBJA» 2013, 2016 г., XVI Международный съезд славистов 2018 г. и др.). В 2019 г. Ольга Сергеевна принимала участие в Международной конференции «AMICUS SLOVENICAE», посвященной 100-летию Люблянского университета и приуроченной к 50-летию преподавания словенского языка на кафедре славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

С именем О.С. Плотниковой связана подготовка не одного поколения словенистов в Московском университете: на протяжении многих лет Ольга Сергеевна ведет практический курс словенского языка, читает общие курсы по грамматике современного словенского языка, его истории и диалектологии и спецкурсы, посвященные проблемам нормы и варьирования в современном словенском языке, сопоставительному изучению славянского глагольного вида в синхронии и диахронии, словенской лексикографии, а также ведет спецсеминары по функционированию глагола и имени в современном словенском языке, словенской лексикологии и фразеологии. Под ее внимательным руководством были защищены дипломы специалистов, студентов бакалавриата и магистратуры и кандидатская диссертация. Студенты Ольги Сергеевны проявили себя как в переводческой, так и в научной деятельности.

Значительный вклад О.С. Плотниковой в развитие отечественной словенистики получил признание в Словении. В 2002 г. Ольга Сергеевна была награждена правительственной наградой Республики Словения «Почетный знак свободы» 3-й степени за долголетнюю и успешную работу в области словенистики, а в 2012 г. ей была вручена почетная грамота Министерства образования и науки РФ за весомый вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов.

Ученики и коллеги поздравляют Ольгу Сергеевну с юбилеем и желают крепкого здоровья, плодотворной научной работы, хороших и благодарных студентов и благополучия!

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ О.С. ПЛОТНИКОВОЙ

1. *Плотникова О.С.* Словенский язык, М., 1990.
2. *Плотникова О.С., Север Й.* Русско-словенский и словенско-русский словарь, М.; Любляна, 1990.
3. *Плотникова О.С.* Конвергентные процессы в словенском языке (диахронно-синхронный анализ) // Стефанов: Русская литература и культурная жизнь. XX век: Интернет-энциклопедия. М., 2018. С. 1–14.

4. *Плотникова О.С.* Сослагательное наклонение в современном словенском литературном языке // *Славянский мир: язык, литература, культура: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова А.Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета.* М., 2018. С. 432–434.
5. *Плотникова О.С.* Словенский язык // *Большая Российская энциклопедия.* М., 2015. Т. 30. С. 441–442.
6. *Плотникова О.С.* Валентин Водник и его словенская грамматика // *Грамматика в обществе, общество в грамматике. Исследования по нормативной грамматике славянских языков.* М., 2021. С. 219–241.

KEY PUBLICATIONS BY OLGA PLOTNIKOVA

1. Plotnikova O.S. *Slovenskij yazyk* [Slovenian language]. Moskva, 1990.
2. Plotnikova O.S., Sever J. *Russko-slovenskij i slovensko-russkij slovar'* [Russian-Slovenian and Slovenian-Russian dictionary. Moskva-Lyublyana, 1990.
3. Plotnikova O.S. *Konvergentnyye processy v slovenskom yazyke (diahronno-sinhronnyj analiz)* [Convergent processes in the Slovenian language (diachronic-synchronous analysis)] // *Στεφανος: Russkaya literatura i kul'turnaya zhizn'. XX vek: Internet-enciklopediya.* Moskva, 2018. S. 1–14.
4. Plotnikova O.S. *Soslagatel'noe naklonenie v sovremennom slovenskom literaturnom yazyke.* [Subjunctive mood in the modern Slovenian literary language] *Slavyanskij mir: yazyk, literatura, kul'tura: Materialy mezhd. nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya zaslužennogo professora MGU imeni M.V. Lomonosova A.G. Широковой i 75-letiyu kafedry slavyanskoj filologii filologicheskogo fakul'teta.* Moskva, 2018. S. 432–434.
5. Plotnikova O.S. *Slovenskij yazyk.* [Slovenian language] *Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya.* М., 2015. Т. 30. С. 441–442.
6. Plotnikova O.S. *Valentin Vodnik i ego slovenskaya grammatika.* [Valentin Vodnik and his Slovenian grammar] *Grammatika v obshchestve, obshchestvo v grammatike. Issledovaniya po normativnoj grammatike slavyanskih yazykov.* Moskva, 2021. S. 219–241.

Поступила в редакцию 10.02.2022

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 10.02.2022

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Комарова Ксения Игоревна — аспирант кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, xenia.komarova@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ksenia Komarova — PhD Student, Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, xenia.komarova@gmail.com